

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

FU **Финно-угорский мир**
Finno-Ugric World
Том 15, № 2. 2023

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77–70644
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 13.07.2023.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 576

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2023

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Certificate ПИ № ФС77–70644
August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign
countries

Subscribe index: 42059,
Catalog "The Press of Russia"

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"National Research
Ogarev Mordovia
State University"
68 Bolshevikskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:
68 Bolshevikskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief N. P. Makarkin

Released on July 13, 2023.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 576

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2023

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrso.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Луутонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Миннихметова Татьяна Гильнихметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor.porov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор «НН «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сеиленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunfg@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт» (г. Москва, Россия), n.shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčinienė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyakhmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck (Innsbruck, Austria), minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullenon** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullenon@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatoij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Р. Кондина, В. Н. Соловар. Глаголы интеллектуальной деятельности в обско-угорских языках ..	136
Г. К. Лисовская, Е. А. Цыпанов. Функции топонимов в художественных произведениях К. Ф. Жакова	147
Е. Ю. Логинова. Прозвища как один из основных способов обозначения лиц у мордвы-эрзи (на примере жителей с. Старая Шентала Шенталинского района Самарской области)	157
Г. В. Пунегова. Интонация как средство передачи коммуникативного высказывания в коми прозе	168
А. Н. Ракин. Названия мелких пушных зверей в коми языке	180
А. П. Родионова, Т. В. Пашкова. Коллекции ливвиковских диалектных материалов Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН	189

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. Н. Немечкин. Международное десятилетие языков коренных народов: история становления, правовые основы, механизмы реализации	200
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Э. М. Колчева. 100 лет марийского изобразительного искусства: национальный неоромантизм (1960–1980-е гг.)	210
И. А. Сазыкина. Разработка дизайн-проекта сценического удмуртского костюма на основании использования книг о национальной одежде	225

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

С. С. Панфилова. Per aspera ad astra профессора Т. П. Девяткиной	237
М. С. Выхрыстюк, Д. Ю. Федотова. А. А. Дунин-Горкавич: этнограф, культуролог, краевед, энциклопедист	241
Р. А. Танасейчук, А. Б. Танасейчук. С. Д. Эрзя в пространстве революционного Урала	244
О. Е. Осовский, С. А. Дубровская. Востребованы по-прежнему: новое издание бахтиноведческих исследований Н. Л. Васильева	247
А. Г. Бурнаев. Репрезентация книг о мордовском танце	251

PHILOLOGY

G. R. Kondina, V. N. Solovar. Semantics of verbs of thought in the Ob-Ugric languages	136
G. K. Lisovskaya, E. A. Tsypanov. The functions of toponyms in the works by K. F. Zhakov	147
E. Iu. Loginova. Nicknames as one of the main ways of designating people in Erzya Mordovians (on the example of residents of the village of Staraya Shentala of the Shentalinsky district of the Samara region)	157
G. V. Punegova. Intonation as a means of conveying an utterance in Komi prose	168
A. N. Rakin. Names of small fur-bearing animals in the Komi language	180
A. P. Rodionova, T. V. Pashkova. Collections of Livvic dialectal materials in the Phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences	189

HISTORICAL STUDIES

V. N. Nemechkin. International Decade of Indigenous Languages: the history of formation, legal framework, implementation mechanisms	200
---	-----

CULTURAL STUDIES

E. M. Kolcheva. 100 years of Mari fine art: national neo-romanticism (1960–1980s)	210
I. A. Sazykina. Development of an onstage costume design project of Udmurt national costume based on the books on national clothing	225

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

S. S. Panfilova. Per aspera ad astra of professor T. P. Devyatkina	237
M. S. Vykhristyuk, D. Yu. Fedotova. A. A. Dunin-Gorkavich: ethnographer, culturalist, local historian, encyclopedist	241
R. A. Tanaseichuk, A. B. Tanaseichuk. S. D. Erzia in the space of the revolutionary Ural	244
O. E. Osovskii, S. A. Dubrovskaya. Always in demand: a new edition of M. Bakhtin's studies by N. L. Vasiliev	247
A. G. Burnaev. Representation of the books on Mordovian dancing	251

Семантика глаголов мысли в обско-угорских языках

Галина Рудольфовна Кондина

Югорский государственный университет,

Валентина Николаевна Соловар

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,

Ханты-Мансийск, Россия

Введение. В статье описывается семантика глаголов мыслительной деятельности в мансийском и хантыйском языках. Актуальность темы определяется отсутствием исследований, посвященных анализу и семантической классификации глагольных лексико-семантических групп, прежде всего в сопоставительном плане. Цель работы: выявить внутреннюю организацию глаголов познания и понимания 'знать', 'понимать', 'узнать', 'заметить' в обско-угорских языках и охарактеризовать смысловые отношения между их членами.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили глаголы мыслительной деятельности мансийского (сосвинский диалект) и хантыйского (казымский диалект) языков, полученные авторами от информантов и извлеченные из словарей хантыйского и мансийского языков и текстов. При работе над материалом использованы компонентный анализ, метод контекстного (дистрибутивного) анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Впервые исследована лексико-семантическая группа глаголов мысли обско-угорских языков 'знать', 'понимать' и их аналоги, определены дифференциальные признаки семантики изучаемых глаголов, взаимоотношения и особенности их сочетаемости, первичные и производные лексико-семантические варианты значений, частично выявлены аспектуальные варианты. Описаны основные глаголы группы и указаны их признаки; определено семантическое строение многозначных глаголов.

Заключение. Сравнение семантических структур близких по значению слов обско-угорских языков позволяет сделать вывод, что основные выделенные значения глаголов познания и понимания совпадают по изучаемым диалектам, однако в каждом языке имеются специфические значения и особые семантические сдвиги в значениях.

Ключевые слова: глаголы мысли, лексико-семантическая группа, семантика, обско-угорские языки

Для цитирования: Кондина Г. Р., Соловар В. Н. Глаголы интеллектуальной деятельности в обско-угорских языках // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 136–146. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.136-146.

Введение

Исследование семантической структуры глагольной лексики обско-угорских языков является весьма актуальным. В отечественном языкознании при описании системной организации лексики большое внимание уделяется изучению семантической структуры глаголов. Глаголы мысли обозначают сложный процесс мыслительной деятельности человека, однако, несмотря на это, в большинстве работ они не выделяются исследователями в отдельную группу.

Как отмечает В. Т. Садченко [17, 220], в настоящее время сформировались две основные тенденции: 1) относить глаголы мышления к лексемам, номинирующим сферу ментальности; 2) включать данные глаголы в состав единиц, характеризующих интеллектуальную деятельность.

Статья посвящена исследованию семантики глаголов мыслительной деятельности в казымском диалекте хантыйского языка и их сопоставлению с аналогичными глаголами в сосвинском диалекте мансийского языка. Описываются лексические и семантические параллели, оппозиции и семантические сдвиги в их значениях. Также делается попытка определить соотношение межъязыковых эквивалентов, объединяющих оба языка и диалекты. Данной группе глаголов присущи следующие особенности: небольшое число обско-угорских эквивалентов и превышающее количество специфических значений, развившихся у мансийских и хантыйских лексем.

Актуальность темы определяется неизученностью лексикологии обско-угор-

ских языков, отсутствием исследований, посвященных анализу и семантической классификации глагольных лексико-семантических групп, прежде всего в сопоставительном плане.

Цель работы – выявить внутреннюю организацию лексико-семантических групп глаголов мыслительной деятельности в обско-угорских языках и охарактеризовать смысловые отношения между их членами.

Обзор литературы

Ментальная сфера любого этноса отражает духовный мир и сознание нации, поэтому она так интересна в качестве объекта исследования и так сложна. Ментальные глаголы русского языка глубоко изучены в различных аспектах: семантико-синтаксическом¹ [4; 7], когнитивном [1; 8; 9], прагматическом [2; 3] и др. В трудах по лингвистике рассматриваются связи языка и мышления, описываются важнейшие подходы к изучению семантики слов различных лексико-семантических групп. Как следствие, создается научная база для исследований других языков, что актуально и для обско-угорских языков.

Вопросы изучения лексической семантики и семантики глагола интересовали и зарубежных ученых. Работы V. C. Gathercole, N.-E. Hansegård, A. Ketterer посвящены семантической специфике групп глагольных лексем как особого класса слов, их функционированию в определенном высказывании [22–24]. Применение принципов когнитивистики содействует исследованию роли языка в процессах познания и осмысления мира; описанию средств и способов языковой категоризации и концептуализации констант культуры².

На материале тюркских языков лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов интеллектуальной деятельности рассмотрена в ряде работ. Так, в статье Е. В. Тюттеше-

вой, О. Ю. Шагдуровой, А. В. Байыр-оол, Н. Н. Широковой исследованы глаголы интеллектуальной деятельности в северных диалектах алтайского языка, проведено их сравнение с литературным алтайским языком, шорским и хакасским, а также тувинским языками. Выполнен анализ лексических и семантических параллелей, оппозиций и семантических сдвигов. Определены соотношения межъязыковых эквивалентов, объединяющих разные языки и диалекты. Авторы пришли к выводу, что число общетюркских эквивалентов невелико, но имеется большое количество специфических значений, отмечается обилие монгольских заимствований в тувинском и алтайском литературных языках и др. [19]. В монографии О. Ю. Кокошниковой проанализированы связи и отношения между отдельными значениями наиболее многозначных глаголов тюркских языков Южной Сибири [10]. Е. П. Матвеевой описана семантическая структура якутского глагола ‘знать’ в сопоставлении с аналогичным глаголом алтайского языка, выявлены их совпадения и различия [13]. В работе Б. Б. Саналовой изучена внутренняя организация ЛСГ глаголов интеллектуальной деятельности алтайского языка в сопоставлении с киргизским языком, показана их семная структура, определены семантические структуры многозначных глаголов и типы отношений между семемами; выявлены эквиваленты описываемых алтайских слов в киргизском языке и определены сходства и различия их семантики и др. [18].

Семантическим исследованиям различных частей речи посвящены работы на материале хантыйского³ и мансийского⁴ языков [12; 14–16; 20; 21; 25].

Глаголы мыслительной деятельности составляют одну из значимых ЛСГ обско-угорских языков. Данные глаголы, пред-

¹ См.: Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981; Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1982.

² См.: Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.

³ См.: Диалектологический словарь хантыйского языка: (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург, 2011; Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка: (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск, 2012.

⁴ См.: Kannisto A. Wogulische Volksdichtung: Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto; bearbeitet und herausg egeben von Matti Liimola. Helsinki, 1963. Bd. 6. Munkácsi B. Wogul népköltési gyűjtemény. regék és énekek a világ teremtséről. Budapest, 1896. K. 4; Munkácsi B., Kálmán B. Op. cit.

ставляющие функционирование ума, сознания во всех проявлениях, объединены единой категориально-лексической семьей «интеллектуальный процесс». На материале мансийского и хантыйского языков рассматривалась лишь семантика глагола ‘думать’ [11; 12].

В данной статье мы изложим результаты наблюдений над семантикой глаголов ‘знать’, ‘понимать’ и их ближайших эквивалентов в обоих языках.

Практическое значение статьи состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в работе над созданием словарей, в преподавании лексикологии в учебных заведениях различного типа, а также для уточнения семантики глаголов мансийского и хантыйского языков.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили глаголы интеллектуальной деятельности мансийского (сосвинский диалект) и хантыйского (казымский диалект) языков, полученные авторами от информантов и извлеченные из словарей хантыйского и мансийского языков и текстов. В связи с отсутствием в хантыйской и мансийской лексикографии толковых словарей для определения значений глагольных единиц использованы толковые и энциклопедические словари русского языка⁵. При работе над материалом применялись компонентный анализ, метод контекстного (дистрибутивного) анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Среди основных глаголов казымского диалекта хантыйского языка и сосвинского диалекта мансийского языка к ЛСГ глаголов мыслительной деятельности мы относим следующие лексемы, выделенные по признаку «ситуация мыслительного процесса»: хант. *воты*, манс. *вӧнкве* ‘знать’; хант. *уша верты*, манс. *ханьсюнкве* ‘узнать’; манс. *торгамтаункве* ‘понимать, догадаться’.

Термин «семантическая структура слова» понимается в статье как совокупность взаимосвязанных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), связанных отношением семантической вторичности [13, 193].

При описании семантической структуры многозначных глаголов обско-угорских языков мы опирались на исследования, проведенные на материале хакасского языка О. Ю. Кокошниковой, и вслед за ней выделили: 1) основное значение (сразу возникает в памяти); 2) производно-номинативное значение (появляется в результате сужения или расширения значений) [10].

В ЛСГ глаголов мысли обско-угорских языков ранее мы описали основные глаголы: ‘думать, размышлять’ и ‘обдумать, оценивать’. Эти единицы занимают ведущее положение в группе, они не подчинены друг другу, являются семантически равносложными и взаимно дополняют друг друга, в основе их отношений имеется значение ‘оперирование знанием’ (*нөмәсты*, *артаҗәты/артацты* ‘думать, размышлять’). Между глаголом *нөмәсты* как базовой единицей и другими членами подгруппы наблюдаются привативные отношения (отношения включения). Значение глагола *нөмәсты* ‘реализовывать процесс мышления’ имеется в семантике любого глагола группы. Глаголы этой группы обозначают целенаправленное мышление, направленное на какой-то объект, что способствует возникновению некоего нового объекта [14].

На основе теоретических работ [5–7] и классификации Л. М. Васильева⁶ мы выделяем глаголы, представляющие мыслительные операции, результатом которых являются рассуждения, умозаключения, приобретение знаний, понимание и т. д. В данной статье исследуются глаголы понимания и познания хантыйского языка *воты* ‘знать’, *уша верты* ‘узнать’ и др. в сопоставлении с аналогичными глаголами мансийского языка *вӧнкве* ‘знать’, *ханьсюнкве* ‘узнать’, *торгамтаункве* ‘по-

⁵ См.: Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008; Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005.

⁶ См.: Васильев Л. М. Указ. соч. С. 122–145.

нимать', а также слова, входящие в другие ЛСГ, но имеющие в своей семантике интеллектуальную сему.

Для большей части глаголов мансийского языка имеются соответствия или эквивалентные ЛСВ в хантыйском языке.

Лексико-семантическим вариантом считаем одно из значений в структуре многозначного слова, а эквивалентами – сходные в обоих языках ЛСВ соответствующих лексем.

Глаголы хант. *вөты*, манс. *вӑнкве* 'знать' демонстрируют общую категориально-лексическую сему глаголов, представляющих процесс мышления. Их можно считать идентификаторами подгруппы глаголов познания в ЛСГ глаголов мыслительной деятельности. В мансийском и хантыйском языках эти глаголы составляют небольшую лексическую группу, что можно объяснить их многозначностью.

Как отмечает Н. Г. Бяковская, глаголы мышления имеют ряд особенностей, к которым относятся: 1) динамичность, проявляющаяся в возникновении новой позиции в сознании субъекта; 2) новизна высказывания, вводимого глаголами мысли; 3) неконтролируемость результата интеллектуальной деятельности; 4) актуальность глаголов мышления [4, 42].

В казымском и сургутском диалектах хантыйского и в мансийском языке представлены фонетически близкие глаголы: каз. *вөты*, сург. *вута*, манс. *вӑнкве*. В Диалектологическом словаре хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) для глагола шурышкарского диалекта *уцты* 'знать' приведено одно значение⁷.

В результате анализа собранного материала мы предлагаем следующие значения для глагола хант. *вөты*, манс. *вӑнкве* 'знать':

1) иметь сведения о ком-, чем-л.: хант. *Щи вер лӱв төп вөсӱэ* «Лишь он знал об этом»; *Имудтыйән лупийӱл*: «Йа, ӱнт хөн вөӱм: хутән хурем щи лӱжмсэн» «Ну, конечно, знаю: лебединый облик=мой ты украл»; *Лӱв ӱн вөсӱэ, щи көртән хӱвән тӱжты щи хӱцӱс* «Он не знал, это

стойбище давно осталось пустым»; *Муй вантсэн, муй вөсэн, тӱт имэна альэ, тӱт имэна лупэ* «Что видел ты, что знаешь, сообщи огню женщине, огню женщине скажи»; манс. *Ам пыгум ты лӱхыт пуссын вӱганэ* «Сын мой знает все эти дороги»; *Тав, улпыл, вӱгтэ* «Он, наверное, знает»; *Тав туп ты урыл вӱстэ* «Лишь он знал об этом». В этом значении позицию объекта может замещать предикативная часть предложения: хант. *Хӱв улсӱт, хуйән вөсы, ван улсӱт, хуйән вөсы* «Долго они спали, кто знал, коротко спали, кто знал»; *А, мӱнтты кӱнши йухӱтсэн кӱш, ма вөӱм кӱш* «А, меня искать пришел ты, конечно, я знаю, конечно»; манс. *Ягпыг вӱстэ, увситэ ат ёхты* «Брат знал, старшая сестра не придет».

Глагол *вөты* в форме причастия, сочетаясь с послелогом *эвӱт* 'пока', может находиться в зависимой предикативной единице в составе сложного предложения: *Ин сөхән ӱн вөты эвӱт, вӱймӱл па шӱншӱла ӱорӱнән версӱэ* «Пока не знал осетр, он взял и на спину=его хрящи сделал».

В фольклорных текстах встречается парный глагол *хӱжты-вөты* 'слышать-знать', семантическая структура которого получила более обобщенное значение за счет соединения двух глаголов: к мыслительной деятельности добавляется слуховое восприятие: хант. *Щи кӱш хӱжтал-вөтал=ән, упӱл ими па щи мулты нумӱс верӱс*; манс. *Вӱим, тав хӱлытэ-вӱгтэ, тав ягӱгитэ ос та матыр номылматас*; «Конечно, он слышит-знает, сестра его опять что-то задумала»; в данном примере парный глагол в форме причастия находится в позиции зависимой предикативной единицы в составе сложного предложения, второе причастие оформлено суффиксом местно-творительного падежа;

2) обладать знанием чего-л., иметь специальные познания в какой-л. области: хант. *Лӱв рөпата верӱл вөӱэ* «Он знает свою работу»; *Муй лӱв, пӱпи төпӱты вөнӱлӱм ут, вөӱл, щи мутишӱсӱэ* «Что он, умеющий добывать медведя, они знают, он понял»; ср.: сург. *Ма вуӱлӱм, қӱӱнӱ рыт*

⁷ См.: Диалектологический словарь хантыйского языка С. 133.

вӓрлѣ «Я знаю, как нужно делать лодку»; манс. *Тав такви рӯпататэ вӓгтэ* «Он знает свою работу»; *Ам вӓглум, хумус хӓп вӓрункве эри* «Я знаю, как нужно делать лодку»;

Среди основных глаголов казымского диалекта хантыйского языка и сосьвинского диалекта мансийского языка к ЛСГ глаголов мыслительной деятельности мы относим следующие лексемы, выделенные по признаку «ситуация мыслительного процесса»: хант. *воты*, манс. *вӓункве* ‘знать’; хант. *уша верты*, манс. *ханьсюнкве* ‘узнать’; манс. *торгамтаункве* ‘понимать, догадаться’.

3) быть знакомым с кем-л.: хант. *Мӓнты муй вӓлэн?* «А что, ты меня знаешь?»; *Щи ики лӓв сырыйа ӓн па вӓслэ, ӓнт па вантсӓлэ* «Этого мужчину он раньше даже не знал (не был знаком), даже не видел»; *Кашӓн кӓртӓн лӓв вӓсы* «Его знали в каждом стойбище»; манс. *Ам ты мӓхум ат вӓганум* «Я этих людей не знаю»; ср.: сург. *Ма бӓ йоӓ энтэ вуллам* «Я не знаю этих людей»;

4) понимать, сознавать, отдавать себе отчет в чем-л.: хант. *Ин утӓл ил мӓнмал ӓн вӓслэ, нух мӓнмал ӓн вӓслэ* «Он не знал, тот ушел вниз или вверх ушел»; манс. *Ам вӓглум, нау ёмас ӓлмхӓлас* «Я понимаю, что ты хороший человек»;

5) делать предположение, допускать: хант. *Щӓта иса йӓнхийӓлты йӓшӓв, вӓлӓм, пӓлтап ут ици вӓл иӓха* «Там дорога, по которой мы часто ездим, знаю, страшное существо будет (там) потом»; манс. *Та яласан лӓнхув хосыт, ам вӓглум, пилысьмау ут тот тах нӓглы* «По дороге, по которой ездим, я знаю, появится страшное существо».

Итак, семантическая структура глагола ‘знать’ в обоих обско-угорских языках совпадает, оба глагола демонстрируют пять одинаковых значений. Однако в хантыйском языке, кроме того, зафиксированы синонимичные глаголы. Так, к этой же группе мы относим хантыйский глагол *уша верты*, для которого нами зафиксиро-

рованы три значения, причем два первых синонимичны значениям глагола *воты*:

1) узнать, узнавать (кого), т. е. опознавать, распознавать по приметам: *Ма лывӓт уша версӓлам* «Я их узнала»; *Лӓв цирӓн вӓлци уша версӓлэ* «Он тогда только узнал»;

2) понимать смысл, содержание чего-л., уясняя их себе, проникая и доходя разумом до значения чего-л.: *Ар йицлӓп верты в йухтам йох уша верлӓт* «Много нового приехавшие сюда узнают»; *Мултӓн нӓн алицӓлӓн, ма уша па ӓн верлӓм* «Я не понимаю, что ты имеешь в виду». Синонимичными второму значению являются глаголы *уша навӓтты* ‘понять (букв.: в ум уронить)’, *уш тайты* ‘понимать (букв.: понимание иметь)’, *тӓнматты* ‘понять, уяснить (букв.: выпрямить)’: *Уш ӓн тайӓл* «Он не понимает (букв.: не имеет понимания)»; *Ма лӓв пунтрӓл ӓн тӓнматсем* «Я не понял его разговор»; фолькл. *Ай нӓрӓм хӓ щиты памӓтса, йӓма тӓнматсӓлэ ици вер* «Молодой мужчина из тундры получил наказ, он хорошо его понял». Аспектуальный вариант этого значения оформляется глаголом *йухтыйӓлты* ‘приходить’ в страдательном залоге в сочетании с именами *уш, сац* ‘понимание, ум’: фолькл. *Ай Мош хӓ вӓлци ушӓн йухтыйӓлла* «Ай Мош хӓ только тогда понял (букв.: пониманием приходим)»; *Йӓтна йил, па вӓлци сацӓн йухтыйӓлла, алпа, йухи мӓнты мосӓл* «Наступает вечер, и тогда только понимает, наверное, нужно идти домой»;

3) сообразить, понять, в чем дело, догадаться: *Уша ици верса, не вӓлмал* «Догадались (поняли) они, что женщина (это)».

В мансийском языке значение ‘узнать (человека)’ передается глаголом *ханьсюнкве*, а значение ‘узнать о событии (букв.: услышать)’ – глаголом *хӓлунокве*, например: *Тав такви пыге ат ханьсистӓ* «Он не узнал своего сына»; *Ам тӓнаныл хасьсанум* «Я их узнала»; *Тав тӓнт туп ные ханьсистӓ* «Он тогда только узнал тётю»; *Ам наӓн йильпи пальтувыл ат ханьсислум* «Я тебя в новом пальто не узнала»; *Ам ӓням мин-нӓ хӓлыслум* «Я узнала, что отец уезжает»; *Мӓн хӓлыслув, мосӓртын ягпыгув ты ӓхты* «Мы узнали о том, что скоро придет брат».

Таблица. Семантика хантыйского глагола ‘знать’ и его мансийские эквиваленты

Table. Semantics of the Khanty verb ‘to know’ and its Mansi equivalents

Хантыйский глагол / Khanty verb	Мансийские эквиваленты / Mansi equivalents
<i>вөты</i> ‘знать’	<i>вӧнкве</i> ‘знать’
Синонимы: <i>уша верты</i> ‘узнать’	
1. ‘узнать’	1. <i>ханьсюнкве</i> ‘узнать (по внешности)’ 2. <i>хӱлу́нкве</i> ‘узнать о событии (букв.: услышать)’
2. ‘понимать’ Синонимы: <i>уша павэ́тты</i> <i>уш тай́ты</i> <i>тӱ́нматты</i>	
3. ‘сообразить, догадаться’	

Таким образом, общее значение для этих двух мансийских глаголов – ‘обнаружить в ком-то знакомого или получить какие-нибудь сведения, знания о чем-нибудь’.

В каждом отдельном языке глагол может иметь несколько значений, которые в другом языке распределяются по разным глаголам. В хантыйском языке синонимичный глаголу *вөты* глагол *уша верты* имеет в своей семантической структуре три значения. Эквивалентами первого в мансийском являются глаголы *ханьсюнкве* ‘узнать (по внешности)’ и *хӱлу́нкве* ‘узнать о событии (букв.: услышать)’, т. е. в мансийском языке в этом значении имеются два эквивалента. В значении ‘понимать’ в хантыйском языке зафиксированы синонимы (таблица).

К ЛСГ глаголов понимания мы относим мансийский глагол *торгамтаункве* с основным значением ‘понимать, понять’. Глагол *торгамтаункве* имеет следующие значения:

1) понимать смысл, содержание чего-л., уясняя их себе, проникая и доходя разумом до значения чего-л.: *Ам торгамтаслум, тӱ́н матыр вӧру́нкве номсэ́гыт* «Я понимаю, что они что-то задумали»; *Ам таве ат торгамты́лум* «Я его не понимаю»; *Увсим ты ла́тны́т ёмся́кв торгамтасанэ* «Сестра хорошо поняла эти слова»; *Ам ат торгамтаслум, маньыр уры́л на́н поты́ртэ́гын* «Я не понимаю, что ты имеешь в виду»; *Ам ат торгамты́лум, маньыр ё́мтыс* «Я ничего не понимаю, что случилось»; *Ам нэ́матыр ат торгамтэ́гум, хумус э́лаль о́лу́нкве* «Я ничего не понимаю, как дальше жить»;

Ане́квав ат торгамты́тэ, тав э́рнэ то́ре хотьютын вуйвес «Бабушка (моя) не может понять, кто взял ее любимый платок»; *Ме́н тай а́псимё́нты́л сунсыме́н, нэ́матыр ат торгамты́мён, маньыр ё́мтыс, манры́г вӧ́рыл ё́хтум хумы́г туйты́л па́хв́тхатэ́г, манры́г о́мамён хот-и́а́гтыс, и́йкви?* «Мы-то с братом смотрим, ничего не поймем, что случилось, почему из леса приехавшие мужчины снегом кидаются, почему мама обрадовалась, танцует?»⁸;

2) понимать, постигать смысл речи на чужом языке: *Тав ма́ньси ла́ты́н торгамты́* «Он понимает мансийский язык». В этом значении в хантыйском всегда используется глагол слухового восприятия *хөлты* ‘понимать (букв.: слышать)’: *Щи и́кэн са́ран йасэ́у хөл* «Этот мужчина зырянский язык понимает»; *У́нем щи йасу́эт й́ма хө́лсэ́лэ* «Сестра=моя хорошо поняла эти слова». В мансийском языке также допустимо употреблять глагол слухового восприятия: *Ма́ньси ла́ты́н ху́лы кос* «Он мансийский язык понимает (букв.: слышит) ведь»;

3) смекнуть, сообразить (понимать что-л., быстро обдумывая, прикидывая в уме различные варианты решения проблемы): *Я́га́гим торгамта́стэ ос а́стал патана́с* «Сестра=моя сообразила и замолчала»; *Ня́врам мо́лях торгамта́стэ, маньыр вӧ́ру́нкве э́ри* «Ребенок быстро смекнул, сообразил, что делать»; *А́гири́сь торгамта́стэ, тавё́н а́стала́кве́г о́лу́нкве э́ри* «Девочка смекнула, что лучше промолчать»; *Ам а́ты торгамтаслу́м, манры́г тав сумка́тэ вистэ́* «Я не сообразила, почему он взял сумку». Аспектуальный вариант передает глагол *торгамтапу́нкве*: *Ма́хум пилы́сьма́н*

⁸ Маньши махманув потраныл = Рассказы манси: сб. / сост. Г. Р. Кондина, С. М. Ромбандеева; ред. Г. Р. Кондина. Ханты-Мансийск, 2014. С. 16.

утытн ёхтыманыл торгамтасаныл. Сбрахта нампа лунт сах, вās сах мёсгың яныл хосыт хāпыл та оясыт «Люди быстро сообразили о приходе неких страшных. На лодках по реке Сорахта, извивающейся, как кишка гуся, как кишка утки, убежали»⁹; Вбраян хум торгамтапуңкве пыл ат āлымас, сōвыррись тав тāратэ та тахас «Охотник сообразить даже не успел, зайчишка мимо него промчался»;

В каждом отдельном языке глагол может иметь несколько значений, которые в другом языке распределяются по разным глаголам. В хантыйском языке синонимичный глаголу *воты* глагол *уша верты* имеет в своей семантической структуре три значения. Эквивалентами первого в мансийском являются глаголы *ханьсюңкве* 'узнать (по внешности)' и *хулуңкве* 'узнать о событии (букв.: услышать)', т. е. в мансийском языке в этом значении имеются два эквивалента. В значении 'понимать' в хантыйском языке зафиксированы синонимы.

4) понимать с некоторым трудом смысл чего-л., какую-л. мысль в чьих-л. словах, разговоре и т. п.: *Ам тав номтэ торгамтаслум* «Уловил я его мысли»;

5) понять, в чем дело, догадаться: *Оматэ торгамтастэ, тав сысы минуңкве сēпитахтас* «Мать догадалась, что он собрался уходить»; *Ам ат ёхтынэм, нāн торгамтылын* «Вы поймете, что я не вернусь»; *Атям торгамтастэ, ягныге ат ёхты* «Отец=мой догадался о том, что брат его не приедет»; *Мāн хосат торгамтаслув, тав науыныл пōхын минас* «Мы давно догадались, что он уехал от тебя»; *Тāн торгамтасаныл, хотьютын ху́лпаныл сунсаве* «Они стали догадываться, кто проверяет их сети»;

6) осознать (понять что-л., убедившись в истине): *Ётыл усьта торгамтаслум* «Потом я только осознал всё»;

7) замечать, заметить, приметить (воспринимать зрением кого-либо, особо об-

ращая внимание на объект, выделяя, примечая его и делая какие-либо для себя умозаключения): *Тав сытамн минуңкве кос тау́хыс ос бныпён торгамтавес* «Она намеревалась тихо уйти, свекровь ее заметила»; *Ам сārтын аты торгамтāлыслум, тав āгмыу блнэ́тэ* «Я не замечала раньше, что он болен»; *Румам ат торгамтытэ, тав юрт нэ́тэ мори блы* «Друг (мой) не замечает, что его подруга ведет себя неприлично»;

8) начать ощущать, чувствовать: *Тарья лāглэ́т āгм торгамтас* «Дарья почувствовала (поняла) боль в ноге».

Анализ значений мансийского глагола *торгамтауңкве* 'понимать, понять' позволил выделить у него восемь значений, последнее из которых входит в ЛСГ глаголов ощущения.

В хантыйском языке в ЛСГ понимания входят также глаголы *мутшэ́ты*, *мутша́ньци*. Глагол *мутшэ́ты* имеет следующие значения:

1) понять, заметить: *Хāтлэ́м мāнэм, āн па мутшэ́сем* «Я даже не заметил, когда день прошел»; фолькл. *Найэ́у хө, вөртэ́у хө хурэм мутшāлэ́н* «Вы поймете, что я умер (букв.: образ мой божественный), заметите». Синонимом этому значению является глагол *сапи́ци* 'быть замеченным': *Хāтлэ́м ху́лам āн саи́цэс* «Я не заметила, как день закончился»;

2) заметить: *Нā́у мāнэ́т мутшэ́сэн* «Ты меня заметил»; *Вөнтпā́лэ́н ци мутшэ́сы* «Свекровь заметила его»; *Ма ци вє́р мутшэ́сем* «Я это дело заметил».

Глагол *мутшэ́ты* синонимичен глаголу *воты* в значении 'понимать, сознавать'.

Близкими по значению являются глаголы *мутша́ньци*/*мутша́цты* со значениями:

1) догадаться, догадываться: *Имэ́лты́йэн мутша́ньци питэ́с, ци арат панне́, пў́влы́лал па ху́лта мā́нлэ́т* «Наконец он стал догадываться, столько наливов, куда исчезает печень»;

2) понять, опомниться: *Ма ци́рэн тө́п мутша́цсэм* «Я тогда только опомнилась».

⁹ Мифы, сказки, предания манси (вогулов). Новосибирск, 2005. С. 312–313.

Акциональный вариант представлен глаголом *мутшийэжты* ‘замечать’: *Хуэты ханты йаухты пайт ан пэлы мутшийэжты* «Где-нибудь не замечали ли следы человека».

Из анализа материала следует, что мансийский глагол *торгамтаукве* в ЛСГ понимания является базовым, он включает восемь значений, которые в хантыйском языке распределены по разным единицам.

Заключение

В результате исследования описаны ведущие глаголы ЛСГ познания и понимания хантыйского языка и сопоставлены с единицами мансийского языка, определены первичные и производные ЛСВ значений этих глаголов, выделены их аспектуальные варианты. Описаны и глаголы других ЛСГ, вторичное значение которых совпадает со значениями ‘знать’, ‘понимать’. Выявлены основные глаголы этой группы и указаны их признаки; установлено и определено семантическое строение многозначных глаголов. Сравнение семантических структур близких

по значению слов обско-угорских языков позволяет сделать вывод, что основные выделенные значения глагола ‘знать’ совпадают в хантыйском и мансийском языках. Значения же мансийского глагола *торгамтаукве* имеют как совпадающие с хантыйским языком значения, так и специфические. Так, 5-е значение этого глагола соответствует значению хантыйского глагола *мутшаащи* ‘догадаться’, а 7-е эквивалентно значению глагола *мутшэты* ‘замечать’. Несколько других значений этого глагола имеют эквиваленты в хантыйском языке, а также свои специфические значения.

Позиция объекта мышления представлена разными структурными вариантами. Особенности семантики глаголов ‘знать’, ‘понимать’ находятся в зависимости от выражения объекта.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

каз. —	казымский диалект хантыйского языка
манс. —	мансийский язык
сург. —	сургутский диалект хантыйского языка
фолькл. —	фольклорный источник
хант. —	хантыйский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа СЧИТАТЬ // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. М., 1993. С. 7–22.
2. Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. М., 1989. С. 7–30.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. М., 1989. С. 31–54.
4. Бяковская Н. Г. Глаголы мысли в русском языке и их концептуально-семантические особенности // *Lingua mobilis*. 2011. № 3. С. 35–43.
5. Васильев Л. М. Значение как предмет современной лингвистической семантики // Исследования по семантике: межвуз. сб. науч. тр. Уфа, 1983. С. 11–20.
6. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, речи, мысли // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971. С. 38–310.
7. Васильев Л. М. Типы значений и их структурных компонентов // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях: докл. симпозиум, май 1979 г. Кишинев, 1982. С. 74–81.
8. Дмитриевская М. А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. ст. М., 1991. С. 78–85.
9. Зализняк А. А. СЧИТАТЬ и ДУМАТЬ: два вида мнения // Логический анализ языка.

- Культурные концепты: сб. ст. М., 1991. С. 187–194.
10. Кокошников О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири). Новосибирск: Сова, 2004. 144 с.
 11. Кондина Г. Р. Лексико-семантическая группа глаголов мыслительной деятельности в мансийском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 143–148. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.02.13.
 12. Кондина Г. Р., Соловар В. Н. Глаголы интеллектуальной деятельности в обско-угорских языках // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 2. С. 245–254. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-245-254.
 13. Матвеева Е. П. Семантическая структура глагола *бил*- ‘знать’ в якутском языке (в сопоставлении с алтайским глаголом *бил*- ‘знать’) // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 193–197.
 14. Молданова И. М. Акциональные суффиксы межкатегориального словообразования в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 216–227. DOI: 10.17223/18137083/65/20.
 15. Нахрачева Г. Л. Глаголы болевых ощущений в обско-угорских языках: семантика и механизмы семантической деривации // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 4. С. 681–691. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-681-691.
 16. Нахрачева Г. Л. Глагольные метафоры боли в обско-угорских языках // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 2. С. 292–302. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-292-302.
 17. Садченко В. Т. Лексико-семантическая группа глаголов мысли в русских говорах Приамурья // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19, вып. 1. С. 220–226. DOI: 10.31079/1992-2868-2022-19-1-220-226.
 18. Саналова Б. Б. Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2007. 167 с.
 19. Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Байыроол А. В., Широбокова Н. Н. Глаголы интеллектуальной деятельности в тюркских языках и диалектах Саяно-Алтая // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 251–266. DOI: 10.17223/18137083/53/27.
 20. Федоркив Л. А. Функционально-семантическая характеристика местоимения *немэлты/нэмэлты* в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 4. С. 707–719. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-707-719.
 21. Шиянова А. А. Обозначение цвета в диалектах хантыйского языка: структура и семантика лексических единиц // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 4. С. 747–755. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-747-755.
 22. Gathercole V. C. M. A study of the comings and goings of the speakers of four languages: Spanish, Japanese, English, and Turkish // Kansas Working Papers in Linguistics. 1977. Vol. 2. P. 61–94. DOI: 10.17161/KWPL.1808.713.
 23. Hansegård N.-E. Some Figures Concerning the Lexicon of Northern Lappish // Fenno-ugrica suecana. Tidskrift för finsk-ugrisk forskning i Sverige. Journal of Finno-Ugric Research in Sweden. 5. In honorem Bo Wickman. Uppsala, 1982. P. 92–110.
 24. Ketterer A. Semantik der Bewegungsverben: Eine Untersuchung am Wortschatz des französischen Barock. Zürich: Juris-Verlag, 1971. 431 S.
 25. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. 493 S.

Поступила 31.01.2023; одобрена 11.03.2023; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Г. Р. Кондина – аспирант Высшей школы гуманитарных наук Югорского государственного университета, galka.condina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7115-7764>

В. Н. Соловар – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, solovarv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-0117>

Semantics of verbs of thought in the Ob-Ugric languages

Galina R. Kondina

Yugra State University

Valentina N. Solovar

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,

Khanty-Mansiysk, Russia

Introduction. The article describes the semantics of verbs of mental activity in the Mansi and Khanty languages. The relevance of the topic is determined by the lack of research devoted to the analysis and semantic classification of verbal lexico-semantic groups, primarily in comparative terms. The purpose of the work is to reveal the internal organization of the verbs of cognition and understanding “to know”, “to understand”, “to learn”, “to notice” in the Ob-Ugric languages and to characterize the semantic relations between their members.

Materials and Methods. The article is based on the verbs of mental activity of the Mansi (Sosvinsky dialect) and Khanty (Kazim dialect) languages received by the authors from informants and extracted from dictionaries of the Khanty and Mansi languages and texts. When working on the material, component analysis, the method of contextual (distributive) analysis were used.

Results and Discussion. For the first time, the lexico-semantic group of the verbs of thought (“to know”, “to understand” and their analogues) of the Ob-Ugric languages was studied; differential signs of the semantics of the verbs under study were revealed, the relationships of these verbs and the peculiarities of their compatibility, primary and derived lexico-semantic variants of the meanings of these verbs were determined, their aspectual variants were partially revealed. The main verbs of the group are described and their signs are indicated; the semantic structure of polysemous verbs is determined.

Conclusion. Comparison of the semantic structures of similar words in the Ob-Ugric languages allows us to conclude that the main distinguished meanings of the verbs of knowledge and understanding coincide in the studied dialects, however, each language has specific meanings and special semantic shifts in meanings.

Keywords: verbs of thought, lexico-semantic group, semantics, the Ob-Ugric languages

For citation: Kondina GR, Solovar VN. Semantics of verbs of thought in the Ob-Ugric languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:136–146. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.136-146.

REFERENCES

1. Apresian IuD. Synonymy of mental predicates: COUNT group. *Logicheskii analiz iazyka. Mental'nye deistviia: sb. st.* = Logical analysis of language. Mental actions. Collection of articles. Moscow; 1993:7–22. (In Russ.)
2. Arutiunova ND. “Believe” and “see” (on the problem of mixed propositional attitudes). *Logicheskii analiz iazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov: sb. st.* = Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts. Collection of articles. Moscow; 1989:7–30. (In Russ.)
3. Bulygina TV, Shmelev AD. Mental predicates in the aspect of aspectology. *Logicheskii analiz iazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov: sb. st.* = Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts. Collection of articles. Moscow; 1989:31–54. (In Russ.)
4. Byakovskaya NG. Verbs of thought in the Russian language and their conceptual-semantic peculiarities. *Lingua mobilis*. 2011;3:35–43. (In Russ.)
5. Vasil'ev LM. Meaning as a subject of modern linguistic semantics. *Issledovaniia po semantike: mezhvuz. sb. nauch. tr.* = Studies in semantics. Interuniversity collection of scientific papers. Ufa; 1983:11–20. (In Russ.)
6. Vasil'ev LM. Semantic classes of verbs of feeling, speech, thought. *Ocherki po semantike russkogo glagola* = Essays on the semantics of the Russian verb. Ufa; 1971:38–310. (In Russ.)
7. Vasil'ev LM. Value types and their structural components. *Teoreticheskie problemy semantiki i ee otrazheniia v odnoiazychnykh slovariakh: dokl. simpoz., mai 1979 g.* = Theoretical problems of semantics and its reflection in monolingual dictionaries. Symposium papers, May 1979. Kishinev; 1982:74–81. (In Russ.)

8. Dmitrovskaya MA. Philosophy of memory. *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty: sb. st.* = Logical analysis of language. Cultural concepts. Collection of articles. Moscow; 1991:78–85. (In Russ.)
9. Zaluzniak AA. COUNTING and THINKING: two kinds of opinion. *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty: sb. st.* = Logical analysis of language. Cultural concepts. Collection of articles. Moscow; 1991:187–194. (In Russ.)
10. Kokoshnikova OYu. The semantic structure of a polysemantic verb in the Khakass language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia). Novosibirsk; 2004. (In Russ.)
11. Kondina GR. Lexico-semantic group of verbs of mental activity in the Mansi language. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Modern science: actual problems of theory and practice. Series of "Humanities". 2022;2:143–148. (In Russ.). DOI: 10.37882/2223-2982.2022.02.13.
12. Kondina GR, Solovarov VN. Verbs of intellectual activity in the Ob-Ugric languages. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2022;12;2:245–254. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-245-254.
13. Matveeva EP. The semantic structure of the verb *bil-* 'to know' in the Yakut language (in comparison with the Altaic verb *bil-* 'to know'). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology. 2008;1:193–197. (In Russ.)
14. Moldanova IM. The active suffixes of intercategory word-formation in the Khanty language (the Kazym dialect). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology. 2018;4:216–227. (In Russ.). DOI: 10.17223/18137083/65/20.
15. Nakhracheva GL. Verbs of pain in the Ob-Ugric languages: lexical typology and mechanisms of semantic derivation. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2019;9;4:681–691. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-681-691.
16. Nakhracheva GL. Verbal metaphors of pain in the Ob-Ugric languages. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2020;10;2:292–302. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-292-302.
17. Sadchenko VT. Lexical-semantic group of verbs of thinking in the Russian dialects of the Amur region. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* = The Humanities and Social Studies in the Far East. 2022;19;1:220–226. (In Russ.). DOI: 10.31079/1992-2868-2022-19-1-220-226.
18. Sanalova BB. Verbs of mental activity in the Altaic language (in comparison with the Kyrgyz language). Gorno-Altaysk; 2007. (In Russ.)
19. Tyuntesheva EV, Baiyrol AV, Shagdurova OYu, Shirobokova NN. Verbs of intellectual activity in the Turkic languages and dialects of Sayan-Altai. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology. 2015;4:251–266. (In Russ.). DOI: 10.17223/18137083/53/27.
20. Fedorkin LA. Functional and semantic characteristics of the pronoun *nemalty/nemalty* in the Khanty language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;4:707–719. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-707-719.
21. Shiyanova AA. Color designation in the dialects of the Khanty language: structure and semantics of lexical units. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2019;9;4:747–755. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-747-755.
22. Gathercole VCM. A study of the comings and goings of the speakers of four languages: Spanish, Japanese, English, and Turkish. *Kansas Working Papers in Linguistics*. 1977;2:61–94. DOI: 10.17161/KWPL.1808.713.
23. Hansegård NE. Some Figures Concerning the Lexicon of Northern Lappish. *Fenno-ugrica suecana. Tidskrift för finsk-ugrisk forskning i Sverige. Journal of Finno-Ugric Research in Sweden*. 5. In honorem Bo Wickman. Uppsala; 1982:92–110.
24. Ketterer A. Semantik der Bewegungsverben: Eine Untersuchung am Wortschatz des französischen Barock. Zürich; 1971.
25. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin; 1980;4.

Submitted 31.01.2023; reviewing 11.03.2023; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

G. R. Kondina – PhD Student, Higher School of Humanities, Yugra State University, galka.condina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7115-7764>

V. N. Solovarov – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, solovarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-0117>

Функции топонимов в художественных произведениях К. Ф. Жакова

Галина Константиновна Лисовская

Евгений Александрович Цыпанов

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия

Введение. В финно-угроведении, а также в коми языкознании явно недостаточно изучен язык художественных произведений, в том числе не рассмотрены вопросы о функциях топонимов в прозаических текстах. В начале XX в. в России был широко известен писатель Каллистрат Фалалеевич Жаков, параллельно занимавшийся также коми и финно-угорским языкознанием. Ономастический материал произведений К. Ф. Жакова еще не привлекал внимания исследователей его творчества, хотя топонимическая лексика играет особую роль в художественной картине мира писателя.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили книги К. Ф. Жакова «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» и «Сквозь строй жизни». В работе применялись традиционные методы лингвистического исследования, проверенные и апробированные при анализе топонимов: описательный, сравнительно-исторический, семантический и пр.

Результаты исследования и их обсуждение. Научная оценка произведений К. Ф. Жакова основывается на том, что географические названия в них – это образы, которые несут в себе художественно-смысловые функции связи с прошлым и вечным, настоящим и будущим духовным пространством Севера. Географическая среда определяет весь строй и сюжетные линии книг. Действие в них прямо зависит от пространственных передвижений героя, а топонимы составляют стержень путешествий. Произведения можно рассматривать как единый автобиографический текст. «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» и «Сквозь строй жизни» – это книги странствий. Основной ритм повествования создается географическими названиями. В статье представлены ойконимы, оронимы и гидронимы из двух произведений писателя.

Заключение. В текстах двух художественных произведений К. Ф. Жакова, проанализированных в настоящей статье, реальные топонимы выполняют две основные функции: информативную и художественно-символическую.

Ключевые слова: художественная литература начала XX в., язык художественной литературы, язык произведений Каллистрата Жакова, имена собственные, топонимы, функции топонимов

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта ИЯЛИ FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Лисовская Г. К., Цыпанов Е. А. Функции топонимов в художественных произведениях К. Ф. Жакова // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 147–156. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.147-156.

Введение

В последние 30 лет в литературоведении интенсивно исследуется творческое наследие Каллистрата Фалалеевича Жакова – философа и писателя, математика и филолога, одного из последних ученых-энциклопедистов.

К. Ф. Жаков родился 18 сентября 1866 г. в д. Давпон, пригороде г. Усть-Сысольска Вологодской губернии, в семье резчика по дереву. Успешно проучившись в Усть-Сысольском уездном училище, юноша в 1879 г. поступил в Тотемскую учитель-

скую семинарию, после чего скитался по российским городам и селам, зарабатывая на жизнь трудом разнорабочего. В 1891 г. он поступил в Санкт-Петербургский лесной институт, в 1896 г. перевелся в Киевский университет, однако вскоре вернулся в столицу и продолжил обучение в Санкт-Петербургском университете, после окончания которого в 1901 г. был оставлен на кафедре русского языка и литературы. На это время пришелся пик увлечения молодого ученого лингвистикой: он прошел

стажировку в Гельсингфорсском университете, подготовил несколько научных разработок по грамматике коми языка.

Затем К. Ф. Жаков увлекся философией, логикой, математикой и другими науками, создал философскую теорию лимитизма. В 1907–1917 гг. работал в Санкт-Петербургском психоневрологическом институте в должности профессора кафедры логики. В 1917 г. уехал с супругой из голодного Петрограда в Валгу. До 1921 г. жил в Эстонии, преподавал в Тартуском университете, потом переехал в Латвию, где 20 января 1926 г. скончался. Был похоронен в Риге, а в начале 1990-х гг. перезахоронен в Сыктывкаре.

В годы советской власти имя и творческое наследие писателя были под запретом по идеологическим и политическим основаниям: его считали ставленником буржуазии, философом-идеалистом, эмигрантом-антисоветчиком и т. п. Лишь в середине 1980-х гг. в России началось комплексное исследование жизни и творчества К. Ф. Жакова.

Обзор литературы

В период перестройки и гласности ученые начали активно изучать творческое наследие К. Ф. Жакова: были опубликованы сборник его произведений «Под шум северного ветра»¹ с большой вступительной статьей А. И. Туркина [16], биографический роман «Сквозь строй жизни»², отдельный препринт о жизни и творчестве писателя [2], литературная биография писателя (автор П. Ф. Лимеров) [6], многочисленные статьи о нем, главным образом принадлежащие литературоведу Г. К. Лисовской [3; 5; 7–13]. Анализ творчества писателя представлен в отдельной главе монографии В. Н. Демина по теории и истории коми поэзии [1, 126–148]. В 1990 г. была проведена первая научная конференция, посвященная писателю, выпущен сборник статей по ее материалам [4]. Ведущая роль в организации и проведении конференции принадлежала доктору филологических наук В. Н. Демину. Нет необходимости далее приводить ссылки на все изданные в последующие 30 лет работы, так как их много.

¹ См.: Жаков К. Ф. Под шум северного ветра: Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990.

² См.: Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Роман. Сыктывкар, 1996.

Однако язык и поэтика произведений К. Ф. Жакова практически не изучены. Редким исключением можно назвать статью Г. К. Лисовской о мифопоэтике его новеллистики [11]. Сам К. Ф. Жаков также занимался языкознанием. Свои лингвистические взгляды он осветил в ряде опубликованных статей и множестве прочитанных устных докладов. Область его научных интересов включала исследование грамматики коми языка, сбор и интерпретацию топонимического и ономастического материала в различных этнографических, фольклорных и художественных текстах. Лингвистические взгляды ученого проанализированы в статье Е. А. Цыпанова и И. Л. Жеребцова [18]. Роль топонимов в текстах художественных произведений К. Ф. Жакова еще не была отдельным объектом научного анализа.

Материалы и методы

Объектом исследования выступает топонимическая лексика в текстах двух крупных художественных произведений К. Ф. Жакова: книги очерков «На Север, в поисках за Памом Бур-Мормом» (1905 г.) и романа «Сквозь строй жизни» (1912 г.). Научная оценка произведений основывается на том, что географические названия у писателя – это образы, которые несут в себе художественно-смысловые функции связи с прошлым и вечным, настоящим и будущим духовным пространством Севера. Географическая среда определяет весь строй и сюжетные линии книг. Действие в них прямо зависит от пространственных передвижений героя, а топонимы являются основным стержнем путешествий. Их можно рассматривать как единый автобиографический текст.

Ф. Лежен, первый исследователь данного жанра прозы, называет его автобиографическим пактом, который «включает в себя достоверное сообщение о своей жизни (родители, родственники, этапы жизни – детство, отрочество, юность, зрелая жизнь; учеба, путешествия и т. д.); стандартизированный характер заглавий, в них устойчиво присутствует понятие времени и пространства» (цит. по: [17, 280]).

Роман «Сквозь строй жизни» – это книга странствий. Основной ритм повествования в ней определяется географическими названиями. Они присутствуют в 42 заглавиях глав книги из 91. В трех первых частях романа приведено 151 географическое название, из них 92 – это коми топонимы. Остальные топонимы относятся к другим географическим объектам Российской империи и иных стран и не являются предметом рассмотрения в статье. Методологической основой при подготовке статьи стали базовые положения о традиционных методах исследования топонимического материала: описательном, сравнительно-историческом, семантического анализа и пр.

В работе используется традиционная топонимическая терминология: *топоним* – имя собственное, означающие географический объект; *гидроним* – название водного объекта; *ойконим* – название населенного пункта; *ороним* – название территорий с определенными границами; *хороним* – название значительных территорий, регионов, областей, природных, исторических, административных.

Результаты исследования и их обсуждение

Общая характеристика коми топонимической системы кратко представлена А. П. Афанасьевым в предисловии к авторскому словарю-справочнику «Топонимия Республики Коми»: «В пределах Республики Коми географические названия коми и древнекоми происхождения в количественном отношении, бесспорно, преобладают повсеместно, за исключением отдельных небольших регионов, где преимущественно проживало и проживает русское население»³. Все выделенные в текстах К. Ф. Жакова топонимы являются реальными. Это изобилие коми названий писатель стремился максимально передать в своих прозаических произведениях, так как топонимы создают яркое представление о языке народа, проживающего в Коми крае, о его звучании в наименованиях.

Как утверждает К. Ф. Жаков, «язык в глубоком понимании этого слова имеет

всегда две стороны – звуковую систему, своеобразную гармонию, известное музыкальное сочинение, и внутреннюю сторону – систему образов, ряд настроений, исторических переживаний. Со словами “бор”, “дубрава”, “ельник” и т. п. возбуждаются мифы о старой религии, лесных богах, поэзии леса, возникают мысли о быте народа, о занятиях, промыслах, лесных приключениях и т. п.»⁴. Примечательно, что реальные топонимы писатель употребляет и в своих сказках, прикрепляя их содержание к географическим реалиям Коми края.

Как утверждает К. Ф. Жаков, «язык в глубоком понимании этого слова имеет всегда две стороны – звуковую систему, своеобразную гармонию, известное музыкальное сочинение, и внутреннюю сторону – систему образов, ряд настроений, исторических переживаний. Со словами “бор”, “дубрава”, “ельник” и т. п. возбуждаются мифы о старой религии, лесных богах, поэзии леса, возникают мысли о быте народа, о занятиях, промыслах, лесных приключениях и т. п.». Примечательно, что реальные топонимы писатель употребляет и в своих сказках, прикрепляя их содержание к географическим реалиям Коми края.

Введение автором топонимов Коми края в прозаические произведения выполняет две основные функции, суть которых будет обсуждена далее.

Информативная функция

Свои многочисленные топонимы К. Ф. Жаков вводил, стараясь максимально сохранить их традиционное произношение и адекватно передать его средствами русской графики, например: *Вильгорт*, *Колва*, *Придаш* и др. Естественно, в русских текстах невозможно отразить произношение гласного *õ* среднего подъема среднего ряда – этот звук отсутствует в

³ Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми: Слов.-справ. Сыктывкар, 1996. С. 15.

⁴ Центральный государственный архив Республики Коми. Ф. 945. Оп. 1. Ед. хр. 4. С. 3.

д. Джиян	с. Нившера/Нывсер
д. Давпон/Давпом	с. Подчерье/Пӧдчерем
с. Визинга/Визин	с. Усть-Кулом/Кулӧмдін
с. Шошка/Сёська	с. Троицко-Печорское/Мылдин
с. Ношуль	с. Троицко-Печорск/Мылдин
с. Вьльгорт	с. Придаш
с. Ижма/Изъва	д. Шила/Шыладор
с. Эжол/Эжов	с. Коквицы/От
с. Усть-Вымь/Емдин	с. От
с. Емдин/Емдин	д. Аквад
с. Пожог/Пожӧг	с. Серёгово/Серегов
г. Усть-Сысольск/Сыктывдинкар	с. Княжпогост/Нязьпогост(т)
д. Керос/Керӧс	д. Тыла
д. Ипатьдор	д. Веслянка
с. Усть-Нем/Нэмдин	с. Шойнаты
с. Чит	с. Ыджыдвидз
д. Жежим/Джежим	с. Пезмог/Пезмӧг
д. Ивадор	д. Проньдор
д. Дав	д. Сёйты
д. Кочпон/Кӧджпон	с. Ыб
д. Тимин/Тимино	с. Визябж/Визябӧж
с. Троицкое/Типӧсикт	д. Тыдор
с. Помосдин/Помӧсдин	с. Керчомья
с. Покча	д. Кармыльк
с. Межадор	с. Кибра/Кебра
с. Корткерос/Кӧрткерӧс	с. Шожим/Шожым
с. Маджа	д. Граддор
с. Лопыдин/Лопыдин	Уральские горы / Из
с. Локчим	с. Вишера/Висер
с. Позтыкерос/Позтыкерӧс	с. Щутор/Тшугӧр
с. Мордин/Мордин	д. Парма
д. Кия	д. Покча
с. Корткерос/Кӧрткерӧс	с. Придаш
с. Небдин/Нёбдин	с. Деревянск/Дереванной
д. Керос/Керӧс	
с. Шойнаты	
д. Джиян	

Список ойконимов и оронимов из книги
«На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом»

русском языке и в алфавите для него нет соответствующей буквы, поэтому он субституируется гласными буквами **о, э, е**: *Кӧрткерӧс* как *Корткерос*, *Пожӧгъю* как *Пожегъю* и др. В коми языке согласные **д, з, л, н, с, т** перед гласным **и** могут сохранять свою непалатальность в отличие от русского языка, где перед **и** они всегда мягкие. Для графического отображения этого в современный коми алфавит была введена буква **і** из латинской графики (*di* ‘остров’, *si* ‘волосок’ и др. Данную особенность произношения согласных в текстах на русском языке передать невозможно, поэтому во всех позициях у К. Ф. Жакова употреблена буква **и**, например *Мордин* записано как *Мордин*. Адекватно переданы специфические для коми языка аффрика-

ты **дж, дз** (*Ыджыдвидз, Маджа*) – так же, как принято в современном коми литературном языке, т. е. путем использования буквосочетаний.

В некоторых случаях отмеченные К. Ф. Жаковым в произношении населения начала XX в. топонимы сохраняют еще более древнюю форму, в современности их произношение и фиксация имеют иную фонетическую форму. Так, *Давпон* теперь произносится как *Давпом*, *Эжол* – как *Эжов* и др. Эти особенности передачи коми топонимов представлены в статье в списках ойконимов, оронимов и гидронимов, зафиксированных в книге К. Ф. Жакова «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом».

Вместе с тем в книге есть ряд официальных для того времени топонимов (русских или принятых тогда некими вариантами), для которых существовали или существуют исконно коми наименования или комиязычные формы, например: *Усть-Вымь* – коми *Емдин, Коквицы* – коми *От, Яреньга* – коми *Еринь*. Таких употреблений намного меньше, для удобства в списках они выделены жирным шрифтом.

В ряде случаев К. Ф. Жаков употребляет такие географические наименования, которые в начале прошлого века были неофициальными, на картах и в документах они не отмечены. Это, например, традиционно коми названия крупных сёл Корткеросского района *Ыджыдвидз* и *Шойнаты*, – официально именуемых *Большелуг* и *Сторожевск*. Так, в книге присутствует глава «Шойнаты», посвященная одноименному селу. Этот топоним связан с названием несохранившейся деревни, появившейся еще в XVI в. у озера *Шойнаты*, которое, в свою очередь, получило наименование от бора *Шойная* (от основ *шой* ‘могила, кладбище’ и *яг* ‘сосновый бор’), что означает ‘кладбищенский бор у озера’. Название связано с легендой о погибшей в этом озере древней чуди⁵.

Одним из древних коми поселений на правом берегу Вишеры является также *Большелуг* (впервые упоминается в

⁵ См.: Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Респ. Коми: Ист.-демогр. справ. Сыктывкар, 2000. С. 210–212.

1608 г.)⁶. В произведениях К. Ф. Жакова используется топоним *Ыджыдвидз* – местное название села, в котором «протекали первые дни» писателя⁷.

В целом названия населенных пунктов имеют ключевое значение для передачи идейно-художественного содержания книги, так как в селах Коми края автор или бывал раньше (в детстве, в экспедициях), или оказался впервые. Везде он встречается с интересными соплеменниками, коми-зырянами, слушает их легенды, поверья, жизненные рассказы, а всё это воскрешает, пусть и фрагментарно, древние золотые времена, которые автор и стремится показать читателю.

Гидронимы в текстах книг К. Ф. Жакова также несут важную информативную задачу, причем некоторые названия рек сегодня неизвестны. Примером может служить *Сысолью* – наименование, параллельное *Сыктыв* и *Сысола*.

Отдельные гидронимы, упомянутые в книге, не встречаются на территории современной Республики Коми, являются субстратными, оставленными прежним населением, предположительно древними карелами и вепсами, на что обращает внимание и сам автор. Он отмечает, что золотой век ушел, но сохранились имена, аккумулирующие в себе всю память поколений и даже память о тех народах, которые жили на севере до зырян, – о древних карелах или вепсах, часто отождествляемых с древней чудью: «Дильмеж, Мадмас, Кижмола, Яренга, – имена рек и местечек оставили бывшие народы»⁸.

Художественно-символическая функция

Географические названия в произведениях К. Ф. Жакова – не просто номинативные единицы, обозначающие реальные географические объекты, это и образы, несущие в себе художественно-смысловые функции связи с прошлым и вечным, настоящим и будущим духовным пространством Севера.

р. Сысола/Сыктыв	р. Кулом/Кулём
р. Сысолью	р. Пожег/Пожог
р. Вычегда/Эжва	р. Вымь/Емва
р. Печора	р. Емва
р. Двина	оз. Симты/Сімты
р. Емью/Емва	р. Пожегью/Пожогью
р. Вишера/Висер	р. Виледью/Вилядью
р. Виледь/Вилядь	р. Виледь/Вилядь
р. Виледью/Вилядью	р. Лемью/Льомью
р. Котьем/Котйом	р. Дильмеж
р. Прупью	р. Мадмас
р. Колва	р. Яренга/Еринь
р. Важью	р. Керкаош
р. Дырносшор/	р. Урбаш
Дырносшор	р. Чорва
р. Мылва	р. Ярокурье
р. Сойва	р. Удима
р. Нившера/Нывсьер	р. Ускорье
р. Вылышшор	оз. Кивокурье
руч. Пукдым	р. Тойма
р. Ремьель	р. Пиянда
р. Ляпкыдъель	р. Пинега
р. Енью	р. Уйма
р. Щугор/Тшугор	р. Луза
р. Щугорью/Тшугорью	р. Човью
р. Ковью	р. Ижма/Изьва
оз. Сёйты	р. Локчим/Локчим

Список гидронимов из книги
«На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом»

В текстах, написанных на русском языке, топоним – коми слово – является тем, что ученые называют самозначимой реальностью. Многократно повторяясь, он «выполняет роль психосемантической зарубки» как «сакральное слово в священном обряде» [15, 3]. В контекстах произведений воспеваются природа села и его население.

Проиллюстрируем высказанные положения тремя топонимическими единицами: *Локчим*, *Эжол* и *Ипатьдор*.

Локчим – название села в Корткеросском районе Республики Коми. В главе «Локчим» книги «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» писатель делится воспоминаниями: «В детстве, живя в деревне, я часто слышал от почтенных крестьян, что там, на востоке, за рекой Сысолой, за лесом сосновым, далеко-далеко есть Локчим – село; там собаки звонко лают, там мужчины – прекрасные стрелки на белок, а женщины – красавицы и ходят все в синих шушунах»⁹. Слово *Локчим* является также музыкальным рефреном:

⁶ См.: Афанасьев А. П. Указ. соч. С. 31.

⁷ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. С. 217.

⁸ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. С. 332.

⁹ Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. С. 232.

«— Вот он Локчим! — Вот оно! Локчим-то»; «— Так это Локчим, — начал я, взглянув в окно. — Да, Локчимом зовут люди»¹⁰.

Эжол — название села в Корткеросском районе. Интонационным всплеском это слово проходит через всю одноименную главу: «Эжол! Эжол! Может быть, у тебя найду я потерянную юность? Да, в Эжол-ле найду я утраченный покой души!»¹¹. В другом контексте повествователь мчится сквозь сказочный лес воспоминаний и грез к родным местам: «Но вот что-то белое мелькнуло... То селение за последней рошей... Это Эжол, Эжол!..» И первое разочарование: «Эжол, Эжол, как ты мал стал...»¹². Но люди так же прекрасны, как раньше: «Вот каков Эжол!»¹³. Топоним *Эжол* в рассказе отражает переживания автора от восторга, радостного ожидания чуда через сожаление об утраченных временах золотого века до щемящего чувства просветления.

Отдельные гидронимы, упомянутые в книге, не встречаются на территории современной Республики Коми, являются субстратными, оставленными прежним населением, предположительно древними карелами и вепсами, на что обращает внимание и сам автор. Он отмечает, что золотой век ушел, но сохранились имена, аккумулирующие в себе всю память поколений и даже память о тех народах, которые жили на севере до зырян, — о древних карелах или вепсах, часто отождествляемых с древней чудью.

Ипатьдор — название деревни в Сыктывдинском районе (современное название *Ипаты*). В памяти рассказчика «божественный» Ипатьдор в одноименной главе — это его детство, его золотой век,

и ожидание встречи с ним наполнено священным трепетом. В этом рассказе восклицания «Ах, Ипатьдор!», «Так вот — Ипатьдор!» также являются ритмическими, лирическими доминантами, которые отражают взрывы эмоций при виде грязных, пыльных улиц, сожженного леса, при осознании «суровой действительности», превращающей девочку с золотыми волосами из детского рая в безобразную старуху¹⁴.

Трагический разрыв между современностью и мечтой, весь комплекс чувств от спокойного, умиротворенного созерцания природы и восхищения до удивления, горечи, боли, сожаления передаются в прозе К. Ф. Жакова своеобразным движением ритма, основную роль в котором играют топонимы. В топонимическом пространстве гидронимы так же важны, как и ойконимы, они являются не менее частотными. Писатель отмечает: «Каждая речка в лесу, каждый ручеек, каждая горка имеют название»¹⁵; «Вся жизнь зырянина вдоль реки»¹⁶. Водная стихия в текстах прозаика, все реки и речушки — это движение и простор, это свобода, широкое дыхание Севера, это то, о чем тосковала его душа вдали от родины.

Кратко рассмотрим роль хоронимов в текстах К. Ф. Жакова, носящих общее значение и являющихся смысловыми доминантами. Это топонимы *Север, Парма, Юг, Россия, Сибирь*.

Север — самый частотный хороним. Он употребляется в двух значениях: 1) 'родина, Коми край', 2) 'весь российский Север'. *Север* в значении 'родина' приобретает духовно-нравственный, поэтический смысл уже в первой книге «Под шум северного ветра». Помещая *Север* в мифопоэтический контекст, К. Ф. Жаков создает миф Коми края — края язычества, первобытных лесов и чистых первобытных народов, древних сказаний о северных богах.

¹⁰ Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. С. 232.

¹¹ Там же. С. 193.

¹² Там же. С. 196.

¹³ Там же. С. 197.

¹⁴ Там же. С. 188–190.

¹⁵ Там же. С. 316.

¹⁶ Там же. С. 340.

Писатель использует для названия Коми края также хороним *Парма*, первичное значение которого ‘тайга, лес’. Коми-зыряне – дети Севера, дети дремучих лесов. «Дети Пармы!» – обращается пророчица Анна из рассказа «Дочь Пармы» к односельчанам¹⁷; «“Дети Севера”, – как сладки, как дороги вы сердцу моему», – восклицает писатель¹⁸. В стародавние времена хороним *Парма* был синонимом сочетания *Коми му* (‘Коми земля’), что подтверждается многими фактами. Во-первых, коми-пермяки и в современности словом *Парма* называют свой округ, традиционный хороним *Комму* там выходит из употребления. Во-вторых, в Республике Коми хороним сохраняется как синоним *Коми му* в названиях, например, литературоведческой книги А. К. Микушева “Парма весь тын съланкыв” («Песня над Пармой») или районной газеты Усть-Куломского района “Парма гор” («Голос Пармы») и др. На этом основании можно предположить, что во времена К. Ф. Жакова хороним *Парма* имел всеобщее употребление как синоним *Коми му*.

Топоним *Север* во втором значении включает также Архангельск, Сольвычегодск, Великий Устюг, который «краса и центр пространного однообразного Севера»¹⁹.

Содержательно *Север* у К. Ф. Жакова противопоставлен *Югу*: «На Юг, на Юг. Он манит меня к себе, туда, где свет науки ярко озаряет мир»²⁰. *Северу* противоположен и хороним *Россия*, содержащий оттенок значения огромного пространства: «Это не государство какое-то, это Россия, думал я, ни конца ни края»; «В каких руках находишься ты, великая Россия!» – с горечью пишет автор в романе «Сквозь строй жизни»²¹.

Содержанию топонима *Север* противопоставлена и *Сибирь*, еще один частотный топоним в произведениях К. Ф. Жакова.

Сибирь – это мечта коми крестьянина начала XX в. о сытной жизни: «Он стремится в привольную, хлебоборную, с хорошими лугами Сибирь», «под Сибирью зырянин разумеет губернию Пермскую, Тобольскую»²². Герой рассказа «Жизнь Фалалея» решил «отправиться в Сибирь, куда издавна отправились его земляки жить и поживать. В Сибири привольно, говорили ему соседи, там хлеба много родится, там лугов много, не то, что у нас на севере, где теснота кругом»²³. *Сибирь* также воплощает свободу, возможность реализовать себя.

Заключение

В текстах двух художественных произведений К. Ф. Жакова, проанализированных в настоящей статье, реальные топонимы выполняют две основные функции: информативную и художественно-символическую. Топонимическое пространство созданного писателем описания Коми края и его жителей, коми-зырян, сочетает в себе реалистическую основу и символический смысл, обеспечивающий художественную ценность произведений наряду с другими привлекаемыми языковыми ресурсами.

Обобщающее понятие *Север* через топонимическое богатство народных наименований географических объектов превращается в место личной памяти автобиографического персонажа, сливающегося с аккумулированной в нем коллективной памятью. Коми топонимы у К. Ф. Жакова – средоточие памяти и отражение ностальгии по прошлому, квинтэссенция коми мира, выраженная в языке. Несмотря на то что в текстах большую роль играют хоронимы, сохранение реальных географических наименований, имеющих конкретные денотаты, является важной особенностью использования данных топонимии в творчестве писателя.

¹⁷ Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. С. 174.

¹⁸ Там же. С. 194.

¹⁹ Там же. С. 71.

²⁰ Там же. С. 62.

²¹ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. С. 317.

²² Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. С. 346.

²³ Там же. С. 52.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демин В. Н. На небе звезда...: Введ. в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 288 с.
2. Демин В. Н., Микушев А. К., Лисовская Г. К., Кузнецова Т. Н. Творчество К. Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. 64 с. (Сер. препринтов «Научные доклады»; вып. 269).
3. Жеребцов И. Л. «Создам я сказку всемирную...»: (общественно-политические взгляды К. Ф. Жакова) // Родники Пармы. Сыктывкар, 1990. Вып. 2. С. 26–40.
4. К. Ф. Жаков. Проблемы творчества / редкол.: В. Н. Демин, А. К. Микушев (отв. ред.) [и др.]. Сыктывкар, 1993. 162 с. (Тр. Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН; вып. 55).
5. Кузнецова Т. Л. Творчество К. Ф. Жакова. Коми проза XX–XXI века // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2008. Вып. 4. С. 359–366.
6. Лимеров П. Ф. Каллистрат Фалалеевич Жаков. Сыктывкар: Эском, 2021. 296 с.
7. Лисовская Г. К. Возвращение К. Ф. Жакова // Север. 1992. № 2. С. 146–151.
8. Лисовская Г. К. Жанр проповеди в творчестве К. Ф. Жакова // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. Вып. 9: Уралистика. СПб., 2007. С. 51–55.
9. Лисовская Г. К. К. Ф. Жаков висьтъяслӧн аслыспӧлӧслун. Своеобразие рассказов К. Ф. Жакова // Коми филология. 2020. Вып. 1. С. 147–155.
10. Лисовская Г. К. К. Ф. Жаков и его роман «Сквозь строй жизни» в мифологическом аспекте // Финно-угроведение. 2001. № 2. С. 101–106.
11. Лисовская Г. К. Мифопоэтика новеллистики К. Ф. Жакова // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 423–425.
12. Лисовская Г. К. Новеллистика К. Ф. Жакова // К. Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. С. 57–64. (Тр. Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН; вып. 55).
13. Лисовская Г. К. Религиозный модернизм начала XX века и философия К. Жакова // Каллистрат Фалалеевич Жаков: грани творчества. Сыктывкар, 2018. С. 113–121.
14. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 423 с.
15. Смирнов И. П. Генезис: философские очерки по социокультурной начинательности. СПб.: Алетейя, 2006. 288 с.
16. Туркин А. И. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Жаков К. Ф. Под шум северного ветра: Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990. С. 5–45.
17. Франция-память / П. Нора и др. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 327 с.
18. Цыпанов Е. А., Жеребцов И. Л. О некоторых взглядах Каллистрата Жакова на язык // Советское финно-угроведение. 1989. № 4. С. 288–291.

Поступила 16.03.2022; одобрена 10.05.2022; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Г. К. Лисовская – научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, lisovskaja1330@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2846-765X>

Е. А. Цыпанов – доктор филологических наук, заведующий отделом языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, tsypanov@mail.illhkomisc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6351-2896>

The functions of toponyms in the works by K. F. Zhakov

Galina K. Lisovskaya
Evgeny A. Tsypanov

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. In Finno-Ugric studies, as well as in Komi linguistics, the language of fiction is insufficiently studied, including the functions of toponyms in prose. At the beginning of the XX century in Russia, the writer Kallistrat Falaleevich Zhakov was widely known. At the same time, he also studied Komi and Finno-Ugric linguistics. The onomastic material of the works by K. F. Zhakov has not yet attracted the attention of researchers of his works, although toponymic vocabulary plays a special role in the artistic picture of the writer's world.

Materials and Methods. The research is based on the books by K. F. Zhakov "To the North, in search of Pam Bur-Mort" and "Through the system of life". When writing the article, traditional methods of linguistic research, used in the analysis of toponyms, were applied: descriptive, comparative-historical, semantic, etc.

Results and Discussion. The research value of the works is based on the fact that the geographical names of K. F. Zhakov artistic and semantic meaning of the connection with the past and eternal, present and future spiritual space of the North. The geographical environment determines the entire structure and storylines of the books. The action in them directly depends on the spatial movements of the hero, and the toponyms form the core of travel. The works can be considered as a single autobiographical text. "To the North, in search of Pam Bur-Mort" and "Through the system of life" are the books of wanderings. The main rhythm of the story is created by geographical names. The article presents oikonyms, oronyms and hydronyms from two works of the writer.

Conclusion. In the texts of two works of fiction by K. F. Zhakov analyzed in this paper, real toponyms perform two main functions: informative and artistic-symbolic.

Keywords: fiction of the beginning of the XX century, the language of fiction, the language of the works by Kallistrat Zhakov, proper names, toponyms, functions of toponyms

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the state task of the Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", the state registration number of the project: FUUU-2021-0008 "The Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals".

For citation: Lisovskaya GK, Tsypanov EA. The functions of toponyms in the works by K. F. Zhakov. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:147–156. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.147-156.

REFERENCES

1. Demin VN. A star in the sky...: an introduction to the theory and history of Komi poetry. Syktyvkar; 1995. (In Russ.)
2. Demin VN, Mikushev AK, Lisovskaya GK, Kuznetsova TN. Creativity of K. F. Zhakov. Syktyvkar; 1991;269. (In Russ.)
3. Zherebtsov IL. "I will create a world fairy tale ...": (socio-political views of K. F. Zhakov). *Rodniki Parmy* = Springs of Parma. Syktyvkar; 1990;2:26–40. (In Russ.)
4. Demin VN, Mikushev AK at al., eds. K. F. Zhakov. The problem of creativity. Syktyvkar; 1993;55. (In Russ.)
5. Kuznetsova TL. Creativity of K. F. Zhakov. Komi prose of the XX–XXI century. *Literatura Urala: istoriia i sovremennost'* = Literature of the Urals: history and modernity. Ekaterinburg; 2008;4:359–366. (In Russ.)
6. Limerov PF. Kallistrat Falaleevich Zhakov. Syktyvkar; 2021. (In Russ.)
7. Lisovskaya GK. The return of K. F. Zhakov. *Sever* = North. 1992;2:146–151. (In Russ.)
8. Lisovskaya GK. The genre of sermon in the works of K. F. Zhakov. *Materialy XXXVI Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii* = Materials of the XXXVI International Philological Conference. Saint-Petersburg; 2007;9:51–55. (In Russ.)
9. Lisovskaya GK. The originality of the stories of K. F. Zhakov. *Komi filologiya* = Komi Philology. 2020;1:147–155. (In Russ.; In Komi)

10. Lisovskaya GK. K. F. Zhakov and his novel "Through the row of life" in the mythological aspect. *Finno-Ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies. 2001;2:101–106. (In Russ.)
11. Lisovskaya GK. Mythopoetics of short stories by K. F. Zhakov. *Finno-ugristika na poroge III tysiacheletia: materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* = Finno-Ugric studies on the threshold of the III Millennium. Materials of the II All-Russian scientific conference of Finno-Ugric studies. Saransk; 2000:423–425. (In Russ.)
12. Lisovskaya GK. Short stories by K. F. Zhakov. *K. F. Zhakov. Problemy tvorchestva* = K. F. Zhakov. The problem of creativity. Syktyvkar; 1993;55:159–163. (In Russ.)
13. Lisovskaya GK. Religious modernism of the early XX century and the philosophy of K. Zhakov. *Kallistrat Falaleevich Zhakov: grani tvorchestva* = Kallistrat Falaleevich Zhakov: facets of creativity. Syktyvkar; 2018:113–121. (In Russ.)
14. Nikolina NA. Poetics of Russian autobiographical prose. Moscow; 2002. (In Russ.)
15. Smirnov IP. Genesis: philosophical essays on sociocultural initiation. Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.)
16. Turkin AI. Kallistrat Falaleevich Zhakov. *Pod shum severnogo vetra: Rasskazy, ocherki, skazki i predaniia* = Under the noise of the north wind: Stories, essays, fairy tales and legends. Syktyvkar; 1990:5–45. (In Russ.)
17. Nora P, et al. France-memory. Saint-Petersburg; 1999. (In Russ.)
18. Tsypanov EA, Zharebtsov IL. About some views of Kallistrat Zhakov on language. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric studies. 1989;4:288–291. (In Russ.)

Submitted 16.03.2022; reviewing 10.05.2022; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

G. K. Lisovskaya – Research Fellow, Literary Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, lisovskaja1330@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2846-765X>

E. A. Tsypanov – Doctor of Philology, Head of the Department of Language, Literature and Folklore, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, tsypanov@mail.illhkomisc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6351-2896>

Прозвища как один из основных способов обозначения лиц у мордвы-эрзи (на примере жителей с. Старая Шентала Шенталинского района Самарской области)

Елена Юрьевна Логинова

Самарский государственный университет путей сообщения,
Самара, Россия

Введение. Известно, что на селе за многими членами коллектива закреплены не только кодифицированные номинации, но и всевозможные прозвища. Сельские эрзяне в этом отношении не являются исключением. Цель исследования – выявить и описать национально-культурное своеобразие семантики прозвищ эрзянского языка в коммуникативном аспекте на примере их функционирования в с. Старая Шентала Шенталинского района Самарской области.

Материалы и методы. Основной метод исследования – дескриптивно-аналитический. Описаны некоторые типологические особенности современных эрзянских прозвищ, дана их классификация на основе мотивационных признаков появления. Прозвища собраны путем анкетирования, опроса, включенного наблюдения.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования выявлены причины применения прозвищ, в частности это дань исторической традиции, необходимость в более точном обозначении лица в случае, когда имена и фамилии односельчан повторяются, реализация творческого потенциала языковой коммуницирующей личности. С помощью эрзянских прозвищ объекты речи оказываются охарактеризованными с разных сторон. В основе появления прозвищ лежат такие мотивационные признаки, как имена, фамилии, внешний облик, характер, особенности в поведении, в речи, привычка, любимое занятие, отличительный навык, сходство с героями литературных произведений, киногероями, артистами, происхождение, факты биографии, интеллектуальные способности, бытийность по отношению к другим лицам. Кроме индивидуальных прозвищ применяются и групповые (коллективные).

Заключение. В настоящее время прозвище как тип номинации не развивает такой активности, как раньше. Современные прозвища если и появляются, то уже не содержат национального колорита. Исследования подобного рода необходимы как возможность сохранить в памяти народа этот интересный и важный с исторической, культурной и лингвистической точки зрения пласт лексики.

Ключевые слова: мордва-эрзя, номинация лица, антропоним, прозвище, мотивационный признак, дескриптивно-аналитический метод

Для цитирования: Логинова Е. Ю. Прозвища как один из основных способов обозначения лиц у мордвы-эрзи (на примере жителей с. Старая Шентала Шенталинского района Самарской области) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 157–167. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.157-167.

Введение

Имена лиц – важнейший объект лингвистического исследования, так как имя называет главный денотативный компонент высказывания – участника описываемой ситуации.

Номинация лиц отличается большим числом вариантов. Лицо – объект речи может быть обозначено по-разному «в силу его природной и социальной многогранности, а также в силу его способности к действию и деятельности» [1, 308]. Называя лицо в процессе общения, мы относим

его к известному классу предметов или явлений и тем самым сообщаем понятие о нем. Называть того, о ком идет речь, можно разными способами: по признакам возраста и пола, по родству, по личному имени, по имени-отчеству, по фамилии, по прозвищу.

Н. Д. Арутюнова, рассматривая зависимость выбора единицы номинации от актуальной коммуникативной функции, уделяет большое внимание единицам, для которых характерна идентифициру-

ющая номинация. По мнению ученого, кроме имен собственных к ним относятся и определенные дескрипции. Последние отбираются в зависимости не только от «свойств идентифицируемого объекта, но и от фона, на котором он фигурирует и от которого он должен быть отделен», для чего в составе значения такой номинации должен присутствовать индивидуализирующий признак [2, 193–194].

Помимо идентификации имена собственные имеют и прагматическую функцию: она заключается в выборе конкретного варианта имени и выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего [19, 45]. Выбор подходящего имени для объекта основывается на наших знаниях о нем. «Каждый конкретный предмет или явление окружающего мира имеет целую систему свойств и различных связей, которые образуют в нашем сознании довольно сложное представление о данном предмете, т. е. знание о предмете. Наименование предмета совершенно немыслимо без предварительного, хотя бы самого элементарного знания данного предмета» [16, 159].

По справедливому замечанию Л. Б. Бойко, антропонимы «выступают как маркеры времени, социальных процессов, культурной и личностной идентичности», «имя представляет собой тот кусочек мозаики из национальной картины мира, без которого она была бы не только неполной, но и невозможной» [6, 20, 17]. Оним появляется, функционирует и исчезает в контексте конкретной культуры.

Как известно, каждый человек уникален: он обладает определенными внешними данными, способностями, чертами характера и т. п. Кроме того, все мы носим имена, данные нам при рождении. За многими членами коллектива закреплены не только кодифицированные номинации, но и всевозможные прозвища, которые иногда даются «со смыслом» [15]. Сельские эрзяне в этом отношении не являются исключением: они достаточно активно используют прозвища.

Цель исследования – выявить и описать национально-культурное своеобразие

семантики прозвищ эрзянского языка в коммуникативном аспекте на примере их функционирования в с. Старая Шентала Шенталинского района Самарской области. Рассматриваются основные семантические группы неофициальных именований, анализируются мотивационные признаки появления прозвищ, некоторые особенности их употребления в речи эрзян.

Обзор литературы

Прозвища как часть системы номинативных единиц того или иного языка стали объектом большого количества исследований. Русским прозвищам уделяется особое внимание в ономастических исследованиях последних десятилетий, в которых они предстают как источник лингвистической, лингвокультурной, этнокультурной, лингвострановедческой информации, как один из способов номинации лиц в отдельных регионах, как объект лексикографии, лингводидактики, как часть афористики, жаргона, просторечия¹ и т. д. [3–5; 7; 10; 14; 20].

Что касается финно-угристики, то нам известны лишь работы Н. И. Волковой, изучающей современные прозвища Республики Коми, в том числе на материале языка коми² [8; 9]. В других работах по ономастике прозвища рассматриваются как часть антропонимической системы удмуртского, марийского, венгерского, финского, эстонского языков.

Специальных исследований, посвященных функционированию прозвищ, в мордовском языкознании не обнаружено. Встречаются лишь упоминания о них, в основном в связи с происхождением имен и фамилий, в том числе мордовских [11; 12; 18].

Материалы и методы

Основным методом исследования стал дескриптивно-аналитический. Описаны некоторые типологические особенности современных эрзянских прозвищ, функционирующих в с. Старая Шентала, дана их классификация. Проанализированы семантическая наполненность и оценочность прозвищ, способы образования и мотива-

¹ См.: Волкова Н. А. О русских прозвищах // Большой словарь русских прозвищ. М., 2007. С. 28–33.

² См.: Волкова Н. И. Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. Сыктывкар, 2003.

ционные признаки их появления. Прозвища в количестве свыше 200 ед. собраны путем анкетирования, опроса, включенного наблюдения, охватывающего период с конца 1980-х гг. по настоящее время.

Результаты исследования и их обсуждение

Прозвища – это явление, существующее с древних времен. Слово «прозвище», или «прозвисьце», во времена В. И. Даля было вариантом термина «прозвание», т. е. «проименование, фамилия человека, придаточное имя, какое носит вся семья»³. Впоследствии слово потеряло основное прежде значение «фамилия». Однако позже прозвища стали мотивировочной базой для многих фамилий.

По мнению Д. Н. Ушакова, прозвище – это «название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица»⁴. Суть прозвищ, выделенная в данной дефиниции, подчеркивается и в определениях других исследователей и составителей словарей, например Н. В. Подольской: «...неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам»⁵. Как отмечает В. И. Супрун, прозвища появляются прежде всего в территориально или социально ограниченной речи, функционируют в диалектной, сленговой и жаргонно-просторечной среде [17, 102].

В современной лингво- и социокультурной ситуации существует противоречие между утвердившимся в обществе негативным отношением к прозвищам и реальным их положением в антропониимической системе. Было бы ошибочным недооценивать роль прозвищ. Прозвище сегодня – факт лингвокультурного пространства, неотъемлемая часть жизни людей, плод коллективного творчества, отражение мировоззрения, критического восприятия действительности. В совре-

менном социуме в основном это второе имя, относящееся к периферийной зоне ономастики/антропонимики. Что касается эрзянских сел Самарской области, то вплоть до начала XX в. этот вид антропонимов был предпочтительным среди их жителей. В то время население было многочисленным и наблюдались случаи, когда в разговоре при упоминании официального именования было непонятно, о ком идет речь, и только прозвище помогало идентифицировать объект речи.

В ходе исследования были выявлены причины применения прозвищ: 1) дань исторической традиции: прозвища являются, вероятно, самым древним, а изначально единственным типом именования; 2) необходимость в индивидуализации человека, более точном обозначении лица в случае, когда имена и фамилии односельчан повторяются, так как род может быть представлен несколькими семьями; 3) реализация творческого потенциала языковой коммуницирующей личности: речь в своей среде раскованна, непринужденна, прозвище дает возможность или реализует желание выделиться с помощью оригинальных новообразований.

Можно допустить, что присущие многим прозвищам эмоциональная окрашенность и способность сохранять лексическое значение подтверждают их близость к языческим именам предков. Как уже было отмечено, в основе многих фамилий и имен, в том числе эрзянских, лежат прозвища. Внедрение в мордовскую среду имен и особенно фамилий русского образца обусловлено в первую очередь христианизацией, начавшейся в середине XVI в., а позднее – потребностями государственного делопроизводства [12]. В связи с крещением у мордвы в массовом порядке стали распространяться русские (христианско-православные) имена, официально фиксировавшиеся в церковных метрических книгах. Но в быту такое имя выступало в качестве второго, первым же оставалось так называемое банное, или дохристианское, имя, дававшееся ребенку

³ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 3. С. 485.

⁴ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3. С. 933.

⁵ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 111.

по традиционному обряду имянаречения. Затем русское имя начало использоваться в качестве первоочередного, оттеснив мордовское на второй план, и наконец, оно полностью заменило мордовское, которое какое-то время еще бытовало в роли прозвища. В целом этот антропонимический процесс был довольно длительным, растянувшимся до второй половины XIX в. [18, 17]. Указы о переписях в XVII в. настойчиво требовали записывать имена с «отцы», т. е. с отчествами, и «с прозвища», т. е. с третьим членом антропонимической системы, когда сам термин «прозвище» стал обозначать и фамилию [18, 20–21].

Фамилии мордвы давали, производя их в основном из имени отца или из его прозвищного имени по типу русских фамилий на *-ов, -ев, -ин, -кин, -енков/-ёнков, -ский*. Так как отчествами или прозвищными отчествами у мордвы до крещения чаще выступали собственно мордовские личные имена, они и оказались закреплёнными в основах произведённых от них фамилий (Алгасов, Кельгаев, Шиндин, Ледяйкин, Кильдюшевский). Некоторые фамилии произошли от русских или мордовских прозвищных отчеств, не связанных с личными именами (Горбунов, Кривошеев, Рябов; Кевбрин (*кев* ‘камень’, *пря* ‘голова’), Сёрмавбрин (*сёрмав* ‘пестрый’, *пря* ‘голова’, Учамбрин (*уча* ‘овца’, *пря* ‘голова’)) [12].

Активное хождение прозвищ среди сельчан можно объяснить желанием уйти от использования имен, избежать их произнесения из-за боязни навредить носителю имени, характерным для наших предков. Это подтверждается и другими фактами. Так, распространенная сейчас именная форма называния ранее не была принята. Использовался термин родства *ни* ‘жена’ с суффиксом притяжательности, в соединении с именем мужа определяющий отношение к супругу: *Васянизе* ‘жена Васи’. В конце XX в. в эрзянских селах бытовал и вариант со словом *баба*, которым обозначали жену: *Костябаба* ‘жена Кости’. Словами-обращениями либо словами, указывающими на собеседника или упоминаемого родственника, становились *эй*, *тон* ‘ты’, *сон* ‘он’, *монь* (*монсесь*) ‘мой’. В беседе с детьми женщина называла мужа

тонть тетят / тынк тетянк ‘твой отец / ваш отец’, но ни в коем случае не по имени. Умалчивание имен мужа и жены в некоторых населённых пунктах сохранялось вплоть до недавнего времени [13, 228].

Анализ показал, что современные прозвища эрзян обычно являются дополнением к основному имени или заменяют его. Они даются в разные периоды жизни людей и главным образом односельчанами.

Особенностью использования прозвищ эрзянами является то, что они применяются преимущественно по отношению к лицам, не участвующим в коммуникации, т. е. выступают не в роли прямого обращения, а для называния лица в его отсутствие, при разговоре с третьим лицом. Прозвища не употребляются в присутствии адресата часто из соображений этики, из-за боязни обидеть обозначаемое лицо. При прямом обращении чаще используются имена. Исключением может быть устоявшееся, в том числе по молчаливому согласию носителя, шутливо-ироничное обращение.

С помощью эрзянских прозвищ объекты речи оказываются охарактеризованными с разных сторон.

Одна из главных целей исследования – установить мотивационные признаки, т. е. причины, появления прозвищ. Мотивационные признаки, лежащие в основе прозвищ, позволяют разделить их на несколько групп.

Прозвища, образованные от имен

Эрзянские формы русских имен: *Тюмо* от Тимофей, *Вантё* от Ваня, *Онтон* от Антон, *Кирё* от Кирилл, *Олда* от Евдокия, *Окся* от Ксения и укр. *Оксана*, *Кристё* от Кристина и др.

Имена с суффиксом **-ка**: *Петюшка* от Петя, *Николка* от Николай, *Татьянка*, *Зинка*, *Зойка*. Необходимо отметить, что в современной бытовой речи эрзи мужские имена с суффиксом **-ка** – очень распространенное явление: *Колька*, *Саушка* (*Санька*), *Лёнька*, *Ванька*, *Юрка*. Известно, что в прошлом русские личные имена, а по их типу и мордовские писались, а также произносились русскими нередко с уменьшительным русским суффиксом **-ка**. Так же и многие женские – исконно мордовские

личные и семейные, «жизненные» – имена содержали в конце элемент **-га/-ка** [12; 18].

Прозвища, получившиеся в результате трансформации имени: 1) на основе ассоциативного творчества, заключающегося в замене непривычного имени другим мало-знакомым словом: *Вьетнам* от Вениамин; 2) путем использования уменьшительно-ласкательной формы обиходно-бытового варианта имени, позволяющей продемонстрировать расположение к объекту речи: *Жорик* от Георгий, *Шурик* от Александр; 3) посредством использования сокращенного варианта имени, позволяющего упростить процесс общения в смысле не только скорости, но и стиля: *Троша* от Трофим, *Гриня* от Григорий.

Прозвища, возникшие на основе ассоциаций с именем: *Брежнев* (о мужчине по имени Леонид), *Попович* (о мужчине по имени Алёша).

Прозвища, образованные от фамилий

Современные прозвища, принимающие форму мордовских личных имен (исконных и заимствованных) или древних прозвищ путем отсечения суффиксов, с помощью которых когда-то были образованы фамилии: *Биськай* от Биськаев, *Бондяй* от Бондяев, *Кандрай* от Кандраев, *Лемай* от Лемаев, *Батай* от Батаев, *Турай* от Тураев, *Турлач* от Турлачев.

Прозвища, возникшие в результате трансформации фамилий на основе ассоциативно-звукового принципа. Мотивом для создания прозвищного имени оказывается сходство части фамилии с частью другого слова – имени собственного или нарицательного. Чаще всего в основе подобных прозвищ – чисто внешнее созвучие фамилии и прозвища. В результате языковой игры возникают антропонимы, которые напоминают существующие 1) прецедентные имена: *Паникин* от Панюшев, *Геракла* от Гераев, *Каштанка* от Каштанова; 2) нарицательные имена русского языка: *Француз* от Французов, *Калина* от Калинин, *Осёл* от Осипов; 3) нарицательные имена эрзянского языка: *Ёро* (сокращенное от эрз. *ёроков* ‘ловкий, способный’) от Ерофеев, *Пона* (эрз. ‘шерсть, масть’) от Пономарев.

Другие группы представлены небольшим количеством антропонимов.

Прозвище, получившееся в результате перевода основы фамилии с русского на эрзянский язык: *Верьгиз* (эрз. ‘волк’) от фамилии Волков.

Прозвище, основанное на использовании девичьей фамилии носителя: *Бируля*.

Прозвище, получившееся в результате сочетания трансформированных фамилии и имени: *Седай Паня* от Седаев Павел.

Прозвища, выделяющие определенные черты внешности

Мелкой Колька ‘мелкий Колька’ (из-за низкого роста), *Шульс* (Шульц – немецкая фамилия, с виду мужчина напоминал немца), *Швили* (-швили – часть грузинских фамилий, с виду мужчина напоминал грузина), *Цыган* (внешне мужчина был похож на представителя цыганской национальности. Помимо этого признака прослеживается и бытийность по отношению к другим лицам: в его доме останавливались кочующие цыгане. Это прозвище носят и другие члены семьи), *Абдула* (о мужчине, чьи черты напоминали восточного человека), *Китай* (Миша) (о главе семьи и о других ее членах, которые имели низкий рост и характерный разрез глаз), *Зэк/Зык* (с виду и по поведению напоминал бывшего заключенного), *Кепе Пря* – эрз. букв.: ‘босая голова’ (о лысом мужчине), *Лысый* (о мужчине с проплешиной), *Жираф* (из-за высокого роста и худощавого телосложения), *Носорог* (из-за большого носа), *Овто Юрик* – эрз. *овто* ‘медведь’ (о крупном мужчине), *Рицьяга* – эрз. ‘длинный кол’ (из-за высокого роста), *Рыжой Панька* (о рыжем мужчине по имени Павел), *Рыжой Киска* – эрз. *киска* ‘собака’ (о рыжих мужчинах), *Кудряв* (о кудрявом человеке), *Бомбовозка* (о невысокой, коренастой женщине), *Косой Колька*, *Куя Мария* – эрз. *куя* ‘толстый’ (о толстой женщине), *Пельканря* – эрз. букв.: ‘кончик пальца’ (о девушке маленького роста).

Прозвища, определяемые чертами характера, особенностями (манерой) поведения, образом жизни

Мужик (о человеке, который с детских лет по виду, осанке, поведению был похож на взрослого), *Полупьяный* (о мужчине, ко-

торого часто видели подвыпившим), *Угар*, *Спирт Василий* (о мужчинах, которые постоянно были в состоянии опьянения), *Чеерь* – эрз. ‘мышь’ (о тихом, кротком, незаметном мужчине), *Баламут* (о быстро говорящем мужчине), *Бандит* (о мужчине, постоянно нарушающем закон, порядок, правила), *Уды Туво* – эрз. ‘спящая свинья’ (о мужчине, любящем много спать), *Бука* – эрз. ‘бык’ (о мужчине, который ходит с опущенной головой и смотрит исподлобья), *Шайтян* – эрз. ‘чёрт’ (о вредном мужчине, чье поведение при этом часто непредсказуемо), *Хитрой* (о хитром человеке), *Симпатуля* (о человеке, который в юности позиционировал себя как привлекательный мужчина), *Бобо Петя* – эрз. бобо ‘пугало’ (о мужчине с громким голосом, которого боялись дети), *Хвальбун Володя* (часто хвалится), *Три Копейки* (о жадном человеке), *Пружина* (о мужчине, который во время ходьбы подсакивает), *Осёл* (о мужчине, низко опускающем голову и подсакивающим при ходьбе), *Конфетка* (о мужчине, который имел красивый дом и строго следил за чистотой в нем).

Рассматриваемая группа единиц достаточно многочисленна и разнообразна, и это не случайно. Традиция именования лица с учетом его характера и особенностей поведения имеет глубокие национально-культурные корни. Н. Ф. Мокшин, перечисляя обозначения основ традиционных, самобытных мордовских личных имен, одной из первых называет черту характера [12]. Преобладающее большинство именований данной группы возникло в результате метафорического переноса.

Прозвища, данные за особенности речи, речевое поведение

Баяш – пример онима, связанного со специфичным произнесением слова из-за недостатка дикции (вместо слова *бараш*, которым призывали баранов, овец). Несколько человек носят/носили прозвища, появившиеся из-за речевой привычки – регулярного воспроизведения ими речевых элементов (слов, фраз): *Ёман* – эрз.

‘пропаду’, *Гайни* – эрз. *гайни/гайница* ‘звонкий, звенящий; пылающий’, *Синдёрпун* (возможно, придуманное слово, произносимое мужчиной в нетрезвом состоянии), *Хрен С Ним*, *Хорьбай* (о мужчине, который часто, угрожая кому-то, произносил слово *хорьбадтян* ‘ударю’; ср.: эрз. *хропадемс* ‘ударить’).

Прозвища, полученные за привычку, любимое занятие, увлечение

Колган – эрз. ‘череп’ (из-за привычки бить головой противника во время драки), *Цёков* – эрз. ‘соловей’ (из-за привычки постоянно свистеть), *Барсук* (о мужчине, который имел привычку лечить своих домашних барсучьим жиром), *Дыман* (от ‘дым’) / *Качамо* – эрз. ‘дым’ (о много курящем мужчине), *Тюжа Надя* – эрз. *тюжа* ‘рыжий, коричневый’ (о женщине, которая красила волосы в такой цвет), *Есаул* (о мужчине, который любил и часто напевал одноименную песню).

Некоторые неофициальные именования служили для выделения какого-либо отличительного навыка, умения. Например, прозвище *Сокол* носил мужчина, который хорошо выполнял обязанности вратаря во время игры в футбол, за способность ловко маневрировать, видеть мяч и ловить его. *Плеш/Плешкин* – мужчина, который хорошо отбивал косу (*плешка* – эрз. ‘металлическая планка для отбивки кос’⁶). Женщину называли *Сабля Зоя* за ее умение воровать и быть непойманной.

Прозвища, причиной появления которых служит сходство с героями художественных произведений, киногероями, мультгероями, артистами

Вицин (о незаметном, слегка трусоватом мужчине), *Крокодил Данди* (о мужчине, который пытался копировать образ героя одноименного фильма), *Онё* (Онегин) (о мужчине, в котором видели черты литературного героя), *Муму* (о мало говорящем, необщительном мужчине), *Хазанов* (из-за внешнего сходства с артистом).

⁶ См.: Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. Эрзянско-русский словарь: ок. 27 000 слов. М., 1993. С. 486.

Прозвища, подчеркивающие интеллектуальные способности

Тумонь Таня – эрз. тумонь ‘дубовый’ (о женщине с ограниченным интеллектом и недостаточным образованием), Учитель Сельме – эрз. ‘учительский глаз’ (о много знающем человеке).

Прозвища, причиной появления которых служат происхождение, факты биографии

Таким признаком может являться 1) место: Пандо – эрз. ‘гора’ (о человеке, жившем под горой); 2) профессия: Милиция Василий (о сотруднике полиции), Лавшник Вера (продавец Вера; лавшник от лавка ‘магазин’), Паровозник (о мужчине, работающем машинистом на железной дороге), Майор, Капитан (о мужчинах, имевших такие воинские звания), Экономика (о мужчине по профессии экономист); 3) национальность: Татарка Галя.

Причиной закрепления за лицом прозвища может стать даже единичный случай, ситуация из жизни. Так, мужчину стали звать Дерни после замечания в его адрес: Кенкшеть дерни – эрз. ‘Дверь твоя скрипит’ (ср.: эрз. дерьгун ‘коростель’ – птица с характерным скрипучим криком, дерьк – наречно-изобразительное слово, передающее крик коростеля⁷). Прозвище Пири-пири получил мужчина, жена которого настаивала на том, чтобы тот установил забор: эрз. пирик ‘загороди’. Бандурой зовут человека, который в детстве просил отца купить ему гитару. Название музыкального инструмента заменено намеренно с целью усилить эмоциональную составляющую шуточной основы единицы номинации. Прозвище Подлюга мужчина получил за случай, когда испортил чужое имущество и не признал свою вину.

Прозвища, в которых прослеживается бытийность по отношению к другим лицам

С целью дифференциации личности используется двучленная модель, состоящая из имени предка (отца, матери, деда, прадеда и т. п.) с суффиксом неопределенного

генитива **-нь** с притяжательным значением (или без суффикса) и имени носителя прозвища: Анкань Толя ‘Толя – сын Анки’, Нато Вера ‘Вера – дочь Натальи’. Двучленная антропонимическая модель традиционно используется у мордвы еще с дохристианских времен [18]. Реже в качестве первого элемента употребляется нарицательное имя, ставшее собственным, так как является отдельным именованием лица: Татар Гена (о мужчине по имени Гена, который женат на татарке), Майор Люба (жена мужчины по прозвищу Майор). Морков – оним, произведенный от имени женщины Морква (эрзянская форма русского имени Марфа), которая была в роду у носителя прозвища.

Таким образом, некоторые прозвища закрепляются за людьми в детстве, другие – в определенные моменты жизни, когда для этого возникает причина. Проследить этимологию многих прозвищ в настоящее время уже не представляется возможным.

Большая часть рассмотренных выше прозвищ являются индивидуальными и принадлежат мужчинам. Практически в каждом доме все мужчины обладают прозвищами. В двух-трех случаях человек имел/имеет несколько прозвищ, обнаруживающих разные мотивационные признаки. Например, одного и того же мужчину зовут Бунё ‘бык’ (из-за привычки ходить с опущенной головой), Удмурт (из-за признаков монголоидности на лице), Песок Пеке – эрз. букв.: ‘живот с песком’ (из-за большого живота).

Кроме индивидуальных прозвищ в Старой Шентале применяются и групповые (коллективные) прозвища. Так, некоторые мордовские антропонимы бытуют в качестве названий родственных групп, состоящих из того или иного количества отдельных, но родственных семей, ведущих свое происхождение от одного общего, иногда очень дальнего предка, носившего дохристианское имя. В литературе они обозначены как «уличное наименование дома», «домашнее наименование», «родовое имя» [11; 12]. Семейно-родовые прозвища, или патронимы, есть и в других финно-

⁷ См.: Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. Указ. соч. С. 164.

угорских языках, например в марийском⁸. У эрзи они представляют собой имя предка-мужчины, основателя рода, с суффиксом неопределенного генитива, выражающим принадлежность (или без него), и передаются от поколения к поколению: *Сальтеень, Бондяень, Саймулонь, Терьконь*. Если нужно уточнить, о ком из членов семьи (рода) идет речь, добавляют индивидуальное (личное) имя: *Сальтей (Сальтеень) Галя* ‘Галя из рода Сальтея’. Уличное название могло произойти от прозвища, данного по особенностям характера, занятиям, внешним признакам и др. [11, 75]. Поэтому потомкам, членам семьи как наследство передавались и прозвища с элементами, представляющими собой нарицательные существительные. Например, целый род в селе носит прозвище *Шляпа (Шляпа Вася, Шляпа Галя, Шляпа Люда)* или *Шляпань* ‘Шляпин/Шляпина’, которое изначально было присвоено отцу семейства, любившему головные уборы типа шляпы.

Для обозначения жителей Старой Шенталы эрзяне соседней деревни используют прозвище *кельме вазт* – эрз. ‘холодные телята’. Несмотря на территориальную близость и общую национальную принадлежность, соседи осознают разницу в манерах и поведении. В прозвище они подчеркнули характерную и в то же время отличительную черту старошенталинцев: большую сдержанность, спокойствие, тихую, некрикливую манеру говорить.

Как видим, среди представленных прозвищных элементов количественно преобладают такие, которые образованы от имен и фамилий, либо такие, которые возникли на основе признаков (внешний вид, черты характера, поведение). Получившиеся имена представляют собой трансформированные личные имена и фамилии, суффиксальные образования, метафору, метонимию, прецедентные имена, зооморфные наименования, этнонимы, имена действия и т. д.

Что касается эмоционально-экспрессивной окрашенности выявленных единиц, то они так или иначе связаны с характеристикой носителя, передают отношение со

стороны их пользователей, дают оценку объекту. Выявленный материал говорит о наблюдательности, меткости, остром уме, способности замечать связи между явлениями из разных областей на основе имеющихся знаний, оригинальности мышления и о чувстве юмора эрзян.

Исследуемые в данной работе языковые единицы имеют четко выраженную ономаσιологическую и функциональную специфику: именуют лица или группы лиц по маркированному, «ориентационному» признаку, чаще всего коннотативно насыщенному.

Закключение

Наличие прозвищ в речи самарской мордвы-эрзи – факт лингвосоциокультурной жизни региона. Прозвища бытуют и в других мордовских селах области. За время существования прозвищ менялись принципы их образования, функции, но они никогда не уходили из бытовой речи. Однако сейчас этот тип номинации не развивает такой активности, как раньше. Прозвища занимают не центральное, а периферийное положение в системе номинации людей. Среди причин утраты прозвищ – ослабление степени их актуальности в связи с сокращением населения села, что приводит к уменьшению числа людей, имеющих одинаковые имена и фамилии; повышение образовательного уровня; распространение административного ресурса. Современные прозвища если и появляются, то уже не содержат национального колорита.

Исследования подобного рода необходимы как возможность сохранить в памяти народа такой интересный и важный с исторической, культурной и лингвистической точки зрения пласт лексики. Упустив время, мы потеряем ценный источник информации, каковым являются члены данного социума, они же носители языка, которые могли бы разъяснить мотивировку прозвищ. Рассчитываем на то, что поставленные в настоящей статье вопросы обеспечивают перспективность дальнейших исследований.

⁸ См.: Черных С. Я. Марийская антропонимия: истоки формирования и пути развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1996. С. 51.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация: (Виды наименований). М., 1977. С. 304–357.
2. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация: (Общие вопросы). М., 1977. С. 188–206.
3. Берестова Е. А. Система прозвищ диалектной языковой личности // Вопросы ономастики. 2015. № 2. С. 141–155. DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.2.007.
4. Боброва М. В. Прозвища как лингводидактический материал // Русистика. 2022. Т. 20, № 1. С. 22–34. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34.
5. Боброва М. В. Соматизмы в современных прозвищах Пермского края // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 2. С. 162–179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.019.
6. Бойко Л. Б. К вопросу о роли антропонимов в лингвокультуре // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2013. № 2. С. 13–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18844975> (дата обращения: 06.04.2022).
7. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 52–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24073225> (дата обращения: 06.11.2021).
8. Волкова Н. И. Прецедентные имена и словари современных прозвищ Республики Коми // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии: третьи Жуков. чтения: материалы Междунар. науч. симп. Великий Новгород, 2004. С. 32–36.
9. Волкова Н. И. Репрезентанты концепта *человек социальный* в сфере прозвищ Республики Коми // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 36–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/representanty-kontsepta-chelovek-sotsialnyy-v-sfere-prozvisch-respubliki-komi/viewer> (дата обращения: 05.04.2022).
10. Волкова С. Н. Прозвища в современной речевой коммуникации // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф. Великий Новгород, 2019. С. 281–286. DOI: 10.34680/2019.onomastics.281.
11. Куклин В. Н. Некоторые вопросы эрзя-мордовской антропонимии // Ономастика Поволжья: материалы II Поволж. конф. по ономастике. Горький, 1971. С. 73–75.
12. Мокшин Н. Ф. Мордовская дохристианская антропонимия // Ономастика Поволжья: материалы I Поволж. конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 59–64. URL: <http://op.imja.name/statji/mokshin1969.html> (дата обращения: 06.11.2021).
13. Мордва: Ист.-культур. очерки / ред. кол.: В. А. Балашов (отв. ред.) [и др.]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 655 с.
14. Никитина Т. Г. Антропонимический компонент регионального молодежного сленга // Язык. Речь. Речевая деятельность: межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород, 2004. Вып. 7. С. 139–143.
15. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Изд. 3-е / под ред. О. Б. Сиротининой. М.: URSS, 2009. 253 с.
16. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: (Общие вопросы) / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977. С. 147–187.
17. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: моногр. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
18. Сушкова Ю. Н. Юридикологические аспекты имени у мордвы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2008. № 2. С. 16–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridiko-antropologicheskie-aspekty-imeni-u-mordvy/viewer> (дата обращения: 06.11.2021).
19. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация: (Виды наименований). М., 1977. С. 5–85.
20. Цепкова А. В. Метафорические модели прозвищ, мотивированных особенностями характера и поведения человека (на материале прозвищ-антропонимов Новосибирской области) // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Кострома, 2020. Т. 1. С. 375–381. DOI: 10.34216/2020-1.onomast.375-381.

Поступила 10.06.2022; одобрена 05.07.2022; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Ю. Логинова – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика» Самарского государственного университета путей сообщения, lenlogin@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0887-827X>

Nicknames as one of the main ways of designating people in Erzya Mordovians (on the example of residents of the village of Staraya Shentala of the Shentalinsky district of the Samara region)

Elena Iu. Loginova

Samara State University of Railway Transport,
Samara, Russia

Introduction. For the rural population it is characteristic that many members are given not only codified nominations, but also all kinds of nicknames. Rural Erzya population is not an exception in this regard. The purpose of this study is to identify and describe the national and cultural identity of the semantics of the nicknames in the Erzya language. It considers the communicative aspect referring to the way their function in the village of Staraya Shentala, Shentalinsky district of the Samara region.

Materials and Methods. The main research method is descriptive-analytical. The paper describes some typological features of modern Erzya nicknames, gives their classification based on motivational signs of appearance. The nicknames were collected using questionnaires and observation.

Results and Discussion. The study revealed the reasons for the use of nicknames, among which is tribute to historical tradition, the need for a more accurate designation of a person in the case when the names and surnames of fellow villagers coincide, creative potential of a linguistic communicating personality. The Erzya nicknames help characterize the objects of speech from different sides. The main motivation behind engineering the nicknames is the names, surnames, appearance, character, features in persons' behavior, speech, habits, favorite activities, distinctive skills, similarity with the characters of literature, movie characters, artists, origin, facts of biography, intellectual abilities, relation to other persons. In addition to individual nicknames, group (collective) nicknames are also used in the village of Staraya Shentala.

Conclusion. Currently, a nickname as a type of nomination has lost its position in reference to the past. If modern nicknames appear, they no longer contain any national features. Such research is necessary as an opportunity to preserve such an layer of vocabulary which is interesting and important from historical, cultural and linguistic points of view.

Keywords: Erzya Mordovians, nomination, anthroponym, nickname, motivational characteristics, descriptive-analytical method

For citation: Loginova Elu. Nicknames as one of the main ways of designating people in Erzya Mordovians (on the example of residents of the village of Staraya Shentala of the Shentalinsky district of the Samara region). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:157–167. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.157-167.

REFERENCES

1. Arutiunova ND. Nomination and text. *Iazykovaia nominatsiia: (Vidy naimenovanii)* = Language nomination: (Types of names). Moscow; 1977:304–357. (In Russ.)
2. Arutiunova ND. Nomination, reference, meaning. *Iazykovaia nominatsiia: (Obshchie voprosy)* = Language nomination: (General issues). Moscow; 1977:188–206. (In Russ.)
3. Berestova EA. The system of nicknames in a dialect speaker's onomasticon. *Voprosy onomastiki* = Problems of onomastics. 2015;2:141–155. (In Russ.). DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.2.007.
4. Bobrova MV. Nicknames in teaching Russian as a foreign language. *Rusistika* = Russian Language Studies. 2022;20;1:22–34. (In Russ.). DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34.
5. Bobrova MV. Somatisms in modern nicknames of the Perm region. *Voprosy onomastiki* = Problems of onomastics. 2018;15;2:162–179. (In Russ.). DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.019.
6. Boyko LB. On the role of anthroponyms in language and culture. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta* = IKBFU's Vestnik. 2013;2:13–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18844975> (accessed 06.04.2022). (In Russ.)

7. Valter H, Mokiyeiko VM. Russian nicknames as an object of lexicography. *Vo-prosy onomastiki* = Problems of onomastics. 2005;2:52–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24073225> (accessed 06.11.2021). (In Russ.)
8. Volkova NI. Precedent names and dictionaries of modern nicknames of the Komi Republic. *Slovarnoe nasledie V. P. Zhukova i puti razvitiia russkoi i obshchei leksikografii: tret'i Zhukov. chteniia: materialy Mezhdunar. nauch. simp., 21–22 maia 2004 g.* = The Dictionary Heritage of V. P. Zhukov and the Ways of Development of Russian and General Lexicography: third Zhukovsky readings. Materials of the International scientific symposium. Velikiy Novgorod; 2004:32–36. (In Russ.)
9. Volkova NI. Representatives of the concept *person social* in the sphere of nicknames in the Republic of Komi. *Lingvokul'turologiia* = Linguoculturology. 2007;1:36–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentanty-kontsepta-chelovek-sotsialnyy-v-sfere-prozvisch-respubliki-komi/viewer> (accessed 05.04.2022). (In Russ.)
10. Volkova SN. Nicknames in the modern speech communication. *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* = Onomastics of the Volga region. Materials of the XVII International scientific conference. Velikiy Novgorod; 2019:281–286. (In Russ.). DOI: 10.34680/2019.onomastics.281.
11. Kuklin VN. Some questions of Erzya-Mordovian anthroponymy. *Onomastika Povolzh'ia: materialy II Povolzh. konf. po onomastike* = Onomastics of the Volga region. Materials of the II Volga conference on onomastics. Gorky; 1971:73–75. (In Russ.)
12. Mokshin NF. Mordovian pre-Christian anthroponymy. *Onomastika Povolzh'ia: materialy I Povolzh. konf. po onomastike* = Onomastics of the Volga region. Materials of the I Volga conference on onomastics. Ulyanovsk; 1969:59–64. URL: <http://op.imja.name/statji/mokshin1969.html> (accessed 06.11.2021). (In Russ.)
13. Balashov VA et al., eds. Mordva: historical and cultural essays. Saransk; 1995. (In Russ.)
14. Nikitina TG. Anthroponymic component of regional youth slang. *Iazyk. Rech'. Rechevaia deiatel'nost': mezhvuz. sb. nauch. tr.* = Language. Speech. Speech activity. Interuniversity collection of scientific papers. Nizhny Novgorod; 2004;7:139–143. (In Russ.)
15. Sirotinina OB, ed. Colloquial speech in the system of functional styles of the modern Russian literary language. Vocabulary. Ed. 3rd. Moscow; 2009. (In Russ.)
16. Serebrennikov BA. Nomination and the problem of choice. *Iazykovaia nominatsiia: (Obshchie voprosy)* = Language nomination: (General issues). Moscow; 1977:147–187. (In Russ.)
17. Suprun VI. Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential. Monograph. Volgograd; 2000. (In Russ.)
18. Sushkova IuN. Legal and anthropological aspects of the name of the Mordovians. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. Istoriiia* = News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences. Story. 2008;2:16–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridiko-antropologicheskie-aspekty-imeni-u-mordvy/viewer> (accessed 06.11.2021). (In Russ.)
19. Ufimtseva AA. Lexical nomination (primary neutral). *Iazykovaia nominatsiia: (Vidy naimenovaniia)* = Language nomination: (Types of names). Moscow; 1977:43–85. (In Russ.)
20. Tsepkova AV. Metaphorical patterns of nicknames, motivated by features of character and behaviour (based on anthroponymic nicknames of Novosibirsk region). *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t.* = Onomastics of the Volga region. Materials of the XVIII International scientific conference. Kostroma; 2020;1:375–381. (In Russ.). DOI: 10.34216/2020-1.onomast.375-381.

Submitted 10.06.2022; reviewing 05.07.2022; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. Iu. Loginova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Linguistics, Samara State University of Railway Transport, lenlogin@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0887-827X>

Интонация как средство передачи коммуникативного высказывания в коми прозе

Галина Васильевна Пунегова

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия

Введение. Целью статьи является изучение интонационных особенностей и средств передачи речевых актов в коми художественных произведениях. Голос как источник информации не привлекал внимания коми лингвистов, не изучены вопросы коми интонации. В связи с этим обращение к общей характеристике средств, с помощью которых коми прозаики отражают интонационные особенности речи своих персонажей, считается актуальным в коми языке и позволяет говорить о новом методе изучения восприятия фразовой интонации.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили примеры из произведений современной художественной литературы коми классиков. Методологической базой исследования стал комплекс лингвистических методов – описательный, перцептивный анализ фразовой интонации, лингвистический анализ текста, элементы структурно-семантического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение интонации позволило зафиксировать ряд просодических признаков. Описываемая речь героев художественных произведений исследовалась по разным параметрам акустики: длительности, интенсивности, высоте тона, тембру, темпу, ритмике; посредством неречевых звуков, через указание на особенности артикуляции, дикции; по сходству с явлениями звучащего мира. Обнаружено, что особенно детально в авторских ремарках описываются уровень громкости голосов персонажей, интенсивность звучащей речи.

Заключение. Исследовательский материал показал, что языковые функции интонации полно и последовательно могут отражаться не только в живой звучащей речи, но и на письме в форме речи литературного героя прозаических произведений. Функции и выразительные возможности интонации заключены в авторских обозначениях просодических характеристик речи. Большую роль в этом играет индивидуальный стиль автора, отличающийся чуткостью к звуковой стороне речи его персонажей.

Ключевые слова: коми язык, интонация, просодика, речевой акт, голос, авторские ремарки

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта: FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Пунегова Г. В. Интонация как средство передачи коммуникативного высказывания в коми прозе // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 168–179. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.168-179.

Введение

Прозаическую литературу исследователи по праву относят к основным источникам сведений об интонации. По определению Л. Д. Раднаевой, интонация «...является одним из важнейших фонетических средств передачи коммуникативного значения... выражения эмоционального состояния говорящего, его отношения к содержанию своего высказывания и высказывания собеседника, а также обеспечивает фонетическую цельность высказывания» [16, 59].

Известно, что каждому из основных коммуникативных типов высказывания и их разновидностям свойствен набор просодических признаков. Ввиду невозможности передачи голоса на письме интонационные особенности, характеризующие речь персонажа в прозаической литературе, специально отмечаются в словах автора. Нередко информация о тональности высказывания, а также о некоторых отличительных чертах голоса собеседников раскрывается в речи самих героев художественной литературы.

Данное исследование посвящено описанию языковых функций интонации в тексте художественных произведений. Особое внимание сосредоточено на средствах передачи коммуникативного типа высказывания и речевых актов.

Обзор литературы

До настоящего времени фразовая интонация коми языка остается неизученной. Тем не менее исследование просодических характеристик речи представлено в работах ученых по другим языкам, в том числе в сравнительно-типологическом аспекте [1–3; 10; 16; 21 и др.].

В ряде исследований затронуты вопросы классификации глаголов говорения [6; 7] и глаголов слухового восприятия [14], описаны особенности артикуляции и звучания по разным признакам и различными средствами. Освещаются также проблемы использования авторских обозначений интонации, ремарок с присущими им богатейшими возможностями передачи всех интонационных оттенков. Структурно-семантические и стилистические характеристики авторской речи в художественных произведениях нашли отражение в статье Г. В. Кукуевой [12].

Некоторые исследования направлены на изучение языка и стиля произведений одного автора. Так, В. П. Ковалевым рассматриваются способы интонационного оформления высказываний на примере звучащей речи героев прозаической литературы А. И. Куприна [11]. Т. Г. Винокур раскрываются стилистические и коммуникативные варианты речевого поведения, описываются разные роли коммуникантов в построении диалога, всесторонне анализируется речь говорящего [5]. Работа Н. Д. Светозаровой «Интонация в художественном тексте», написанная в русле лингвистического анализа текста, с позиций современной интонологии, отличается комплексным исследованием просодических компонентов речи. В ней представлена общая характеристика средств, с помощью которых писатели передают интонационные особенности речи героев [18]. К исследованию интонационных средств выражения эмоций обращает-

ся Л. А. Пиотровская, заостряя внимание на конвенциональных, условных языковых средствах [15]. Вопросам изучения эмоционально-оценочных коммуникем, соответствующих психоэмоциональному состоянию адресата, посвящен ряд работ лингвистов [8; 9; 19; 20; 22 и др.].

Теоретической основой данного исследования послужили труды ученых по изучению как общих вопросов просодики речи, так и частных проблем классификации и семантической характеристики глаголов говорения и слухового восприятия [2; 3; 4; 13; 17; 18 и др.].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили примеры из произведений современной коми художественной литературы. Объем выборки материала, составляющий более 5 000 единиц речевых фраз текстового диалога коми прозы, позволяет детально и всесторонне охарактеризовать интонацию речи героев, которая передается через авторские обозначения, фиксирующие передаваемые интонацией значения, а также звуковыми средствами, отражающимися в репликах героев. Методологической базой исследования стал комплекс лингвистических методов – описательный, перцептивный анализ фразовой интонации, лингвистический анализ текста, элементы структурно-семантического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Изучение выразительных возможностей интонации на примере авторских обозначений характеристик речи в художественных текстах коми прозаиков позволило зафиксировать ряд просодических признаков.

В авторских ремарках особенно детально описываются степень громкости голосов персонажей, интенсивность звучащей речи. Благодаря использованию глаголов (*вашнитны* ‘прошептать’, *шопнитны* ‘прошептать’, *мёмъявны* ‘мямлить’, *намёдны* ‘бормотать’, *муркнитны* ‘про-рокотать’, *эргыны* ‘громко рыкать, сильно браниться’, *аксыны* ‘горланить’, *горзыны* ‘кричать’, *нурбыльтны* ‘буркнуть,

пробормотать' и др.) и наречий (*муртса кывмён* 'едва слышно', *чõла* 'тихо', *гора* 'громко', *чорыда* 'сурово', *ёся* 'резко' и др.), характеризующих уровень громкости, писателями с особой чуткостью к звуковой стороне речи героев передается интонация произношения – от шепота до оглушительных звуков. Например, тихий голос персонажа, который при просьбе может доходить до шепота, описывается в словах автора следующим образом:

– *Ме эг, – муртса кывмён шуыштіс Анна да ёнджыка чабыртис кисõ*¹. «– Я нет, – едва слышно произнесла Анна и еще сильнее зажала кулачок»².

– *Гриша, мянõс... лыйласны?! – повзёмён вашнтис Михайлõ дядь*³. «– Гриша, нас... расстреляют?! – с испугу прошептал дядя Михаил».

– *Тянылы бурджык на кодкõ югдас, – намыштіс Ревекка. – А ме нõ мый вая, куш ачымõс?*⁴. «– Вам кто-то получше еще найдется, – пробормотала Ревекка. – А я-то что принесу, только саму себя?»

– *Тэ нõ мый, Сашок? – повзёмён шõпнитис батъыс*⁵. «– Что с тобой, Сашок? – испуганно прошептал отец».

– *Эг õмõй нин шулы? – нурбылтіс Стакей*⁶. «– Неужели еще не говорил? – пробормотал Стакей».

Определенная напевность, плавность, мягкость голоса персонажей, описываемые авторами произведений в ремарках к высказываниям героев, типичны для обращения с просьбой. Нередко в таких случаях голос героя сравнивается с кем- или чем-либо, как в следующем примере:

Сійõс палъõдис курõг моз меліа чуксалан гõлõсыс Игнат Анналõн:

– *Сейõй, сейõй, радейтанныд кõ... Ещõ на эм дай, сейõй...*⁷.

«Его разбудил нежно квохчущий (букв.: зовущий), как у курицы, голос Анны Игнатъевны:

– Кушайте, кушайте, если нравится... Еще ведь есть, кушайте...»

По признаку интенсивности речи просьба и мольба, произносимые тихим, иногда дрожащим голосом или шепотом, характеризуются замедленным темпом. В произведениях художественной литературы авторами широко используются глаголы или сочетания лексем «наречие + глагол» (*вашкõдны* 'шептать, нашептывать', *шõпкõдны* 'шептать, бормотать', *нурбылявны* 'мямлить, бормотать', *кыскыны* 'тянуть', *нюжõдны* 'тянуть', *вомгорулын шуны* 'про себя, негромко сказать', *гусьõн сёрнитны* 'тихо, шепотом, украдкой говорить', *нора висьтавны* 'жалобно говорить', *нõõжмыда висьтавны* 'медленно говорить', *надзõник шуны* 'тихонько, потихоньку сказать', *тэрмасьтõг висьтавны* 'неторопливо, не спеша говорить', *небыда шуны* 'мягко сказать', *лõня шуны* 'спокойно сказать', *шõпкõдõмõн висьтавны* 'шепотом, бормоча говорить' и др.), которые детально передают как уровень громкости, так и темп речи персонажей:

– *Тайõ мõд дела, – нюжõдыштіс Василей*⁸. «– Это другое дело, – протянул Василий».

Кроме того, на интенсивность речи могут указывать и графические средства, например многоточие внутри компонентов высказывания:

– *Митрей... сувтыштілы... – надзõник корис Остап*⁹. «– Дмитрий... постой... – тихонько попросил Остап».

Высокий/громкий голос и резкий, отрывистый тон характерны для приказа или команды. В авторских ремарках используется большое количество наречий (*лэчыда* 'резко', *скõрысь* 'сердито, со злостью', *ярскõба* 'четко, отчетливо', *гора* 'громко', *лёкысь* 'грубо, злобно'), прилагательных (*лэчыд* 'резкий', *ёсь* 'резкий', *гора* 'громкий', *ыджыд* 'громкий, большой', *чорыд*

¹ Козлова Е. В. Лõз кланича. Сыктывкар, 1988. С. 17.

² Здесь и далее перевод наш. – Г. П.

³ Попов Н. П. Сім съõд кымõр моз // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-õд воясõ. Сыктывкар, 1987. С. 71.

⁴ Юшков Г. А. Чугра: Роман. Сыктывкар, 1981. С. 217.

⁵ Торопов И. Г. Оштõ эн лый кыкысь: повестьяс. Сыктывкар, 1995. С. 66.

⁶ Юшков Г. А. Указ. соч. С. 35.

⁷ Осипов И. А. Игнатъевна // Ытва дырйи. С. 279.

⁸ Тимин В. В. Пармаын вошõм БТР: повесть. Сыктывкар, 2007. С. 163.

⁹ Изъюров И. В. Остаплõн туй // Ытва дырйи. С. 263.

‘строгий, суровый’) для характеристики громкого, звонкого, оглушительного голоса, например:

Йӧз костысь водзӧ петіс Вась Наста да, Иван вылӧ дзоргӧмӧн, гораа, лэчыд дӧлӧсӧн шуис:

– *Ме... медводз пыра бригадаӧ...*¹⁰.

«Из толпы людей вперед вышла Настасья Васильевна и, пристально смотря на Ивана, громко, резким голосом сказала:

– Я... вначале войду в бригаду...»

Дыр мысти нин лӧкысь горӧдіс: – *Косьявлӧй!.. Кисьтнытӧ ӧд лӧка кокни*¹¹. «После долгого молчания грубо крикнул: – Разбирайте!.. Разрушить ведь очень легко».

– *Тревога! – кодкӧ лэчыда горӧдіс пель весьтын. – Тревога!*¹². «– Тревога! – кто-то резко крикнул над ушами. – Тревога!»

Четкость (или раздельность) речевой фразы характерна для приказа, военной команды. Такой тип высказывания в зависимости от разных факторов (ситуативных или эмоциональных) может сохраняться даже при отсутствии указания на высокую степень интенсивности речи в словах автора произведения:

– *Чеччыны!*

*Горӧдіс эзыд дзуртан шыӧн, быттьӧ сімӧм дзир йылын нэмнас восьтывтӧм ӧдзӧс*¹³.

«– Встать!

Крикнул натянутым скрипучим голосом, будто давно не открывавшейся двери на заржавленных петлях».

Значение приказа в высказываниях героев оформляется писателями восклицательными предложениями и сопровождающими речевое сообщение ремарками:

– *Ноко, чеччӧй, чеччӧй! – шыаши стрӧдджыка нин...*¹⁴. «– Ну ка, вставайте, вставайте! – обратился уже поостроже...»

Приказной тон во фразе героя может быть представлен вопросительными предложениями, следующими за повествовательными, звучащая речь в которых не отличается ни уровнем громкости, ни эмо-

циональностью. Командный тон в таких высказываниях героев передается словами автора произведения, например:

– *А тиянлы, Захарыч, да главнӧй механиклы дасьтыны став оборудование, мед шахта стрӧитігкежлӧ ставыс вӧлі дась, – компрессор, лебѣдкаяс, кабель и сідз водзӧ. Гӧгӧрвоана?..*

*Тайӧ кывсӧ Олег Александровичыс быттьӧ эз юав, а крепыд точка пуктіс*¹⁵.

«– А вам, Захарыч, и главному механику подготовить все оборудование, чтоб к строительству шахты все было готово, – компрессор, лебедки, кабель и так далее. Понятно?..

Этим словом Олег Александрович будто бы не спросил, а поставил твердую точку».

Известно, что каждому из основных коммуникативных типов высказывания и их разновидностям свойствен набор просодических признаков. Ввиду невозможности передачи голоса на письме интонационные особенности, характеризующие речь персонажа в прозаической литературе, специально отмечаются в словах автора. Нередко информация о тональности высказывания, а также о некоторых отличительных чертах голоса собеседников раскрывается в речи самих героев художественной литературы.

В зависимости от обстоятельств нередко резкий порывистый тон персонажа меняется на спокойный, мирный, безмятежный. Причиной изменения тона может быть обращение героя к другому лицу или изменение ситуации, что объясняется в словах автора, например:

– *Ланьтӧй, – чорыдакодӧ заводитіс Кӧсьта Ким, а сӧсся Ӧнӧпрей Гриш вылӧ видзӧдлӧм бӧрын нюмыс петіс. –*

¹⁰ Пыстин И. И. Зурган // Ытва дырйи. С. 178.

¹¹ Изъюров И. В. Указ. соч. С. 256.

¹² Тимин В. Ракета Видзӧдӧ энжӧ: повесть. Сыктывкар, 1990. С. 90.

¹³ Изъюров И. В. Указ. соч. С. 280.

¹⁴ Безносиков В. В. Вильыш вӧрью: Повесть да висьтьяс. Сыктывкар, 1977. С. 20.

¹⁵ Куратова Н. Н. Аддзыслам на тшук: Повестьяс да висьтьяс. Сыктывкар, 1995. С. 30.

Мый нō шемōс усин? Тайōяс, видзōда да, шемōсмōдīsны¹⁶. «– Замолчите, – грубовато начал Ким Константинович, а затем, взглянув на Григория Ануфриевича, улыбнулся. – Что удивился? Эти, смотрю, смутили тебя».

– Тэ эськō петав, муцайтчан сōмын тани! – **ярскōба жō вочаалīs** Вириная, сēsся **небыдджыка нин водзōстīs**: – Лэчыв да лōсьōд пыжсō¹⁷. «– Ты бы вышел, мешаешься только здесь! – так же резко ответила Вириная, затем уже помягче добавила: – Спустиись и подготовь лодку».

Определенная напевность, плавность, мягкость голоса персонажей, описываемые авторами произведений в ремарках к высказываниям героев, типичны для обращения с просьбой. Нередко в таких случаях голос героя сравнивается с кем- или чем-либо.

Признаками военной команды помимо высокой громкости, пронзительности фразы, передаваемых словами автора, могут служить выделение согласных и растяжки гласных в речи персонажа. Средством их отражения во фразе на письме является графическое изображение в виде повтора гласных и согласных, деления слова на слоги, а также изменение фонемного состава словоформы, например:

– **Смир-р-рно-о-о-о!** – Кыліс коман-да¹⁸. «– Смир-р-рно-о-о-о! – Послышалась команда».

Большая громкость может передаваться на письме знаками слогораздела лексем. Таким образом авторы произведений фокусируют внимание читателя на звуковой стороне слова: поскольку оно фонетически выделено, маркировано, получает особую значимость во фразе:

Мыйкō горзīs сійō [Туркин], но Павел эз вела в дизельяслōн эргōм понда.

– **На-со-снō-йы-нōсь!** – **мый вынсьыс нин, буракō, горōдīs** Туркин¹⁹.

«Что-то кричал он [Туркин], но Павел не привык из-за рева дизелей.

– В на-со-снōй! – со всей силы, видимо, крикнул Туркин».

Авторы произведений достаточно часто используют во фразах своих героев растяжки гласных при звательной интонации речи. При этом выделение может концентрироваться как во всех слогах слов, так и в одном слоге, например:

– **Ку-у-зь-ма-а-а!** – горза став эбōсысь. – Тат-чō **локтō-ōй!**²⁰. «– Ку-у-зь-ма-а-а! – кричу со всей силы. – Сю-да иди-ите!..»

Дōлōдō-нуō, тōвзьō борда моз, пуркйō сьōд тшынōн, горзō зверь моз (поезд):

– **Э-э-эй!** Код сэнī – **ке-е-еж!**²¹.

«Несется, мчится как на крыльях, валит черным дымом, воет как зверь (поезд):

– Э-э-эй! Кто там – по-сто-ро-ни-и-сь!..»

Растяжка гласных характерна и для обращения к собеседнику на большом расстоянии. Удлинение гласного в данном случае достаточно часто сосредоточивается в абсолютном конце слова или на последнем слоге слова. На письме оно также передается написанием через дефис:

– **Пыийō-ō-ō-ōй!** – горōдīs кодīкō²².

«– Беги-и-и-те-е-е! – крикнул кто-то».

– **Пашка-а!** – аэропорт мыльк вылō нуōдысь трōпатī чой паныдыс котōртīgтыр горзīs Угор да шенасис кияснас. – **Пашка-а!**

Валерия эз кольччы сыысь, тшйōтш шенасис еджыд шляпанас, горзīs батъыслы:

– **Пап-ка-а!**²³

«– Пашка-а! – кричал Угор, поднимаясь в гору по тропке, ведущей к аэропорту, и махал руками. – Пашка-а!

Валерия не отставала от него, тоже махала белой шляпой, кричала отцу:

– Пап-ка-а!».

¹⁶ Попов А. В. Мыйсяма йōз: Повестьяс, висътъяс, пьесаяс. Сыктывкар, 1994. С. 8.

¹⁷ Юшков Г. А. Указ. соч. С. 216.

¹⁸ Федоров Г. А. Шуштōм кад // Ытва дырйи. С. 250.

¹⁹ Юшков Г. А. Указ. соч. С. 256.

²⁰ Безносиков В. В. Указ. соч. С. 56.

²¹ Чисталев В. Т. Менам гора тулыс: Кывбура да проза гижōдыс. Сыктывкар, 1980. С. 56.

²² Там же. С. 40.

²³ Куратова Н. Н. Указ. соч. С. 29.

Нередко интонационно оформленными оказываются разные виды коммуникативных типов высказывания. Переход от одного типа к другому чаще всего сопровождается авторскими ремарками («? – авторская ремарка: – !»), которые детализируют их разновидности, например:

Зинаида Павловна сюся видзёдліс Устиныч вылѡ, ставнас ѡйыштліс.

– *Он ылѡдчѡй? – и сэк жѡ горѡдіс: – Збыль тай! Менам Лѣша!*²⁴

«Зинаида Павловна внимательно посмотрела на Устиныча, вся загорелась.

– Не обманываете? – и тут же воскликнула: – Точно ведь! Мой Лѣша!».

В художественном произведении встречаются и особые варианты коммуникативных типов с так называемым набором просодических признаков. Так, коммуникативный акт просьбы-мольбы может «нарастать» от нормальной для этого типа громкости до гулкого, оглушительного звука, визга или вопля. Таким образом постепенно изменяется интенсивность голоса героя:

– *Викень дядь, едрона сила, бур кѡ колѡ, веший нянь дінсьыс, ми асьным пондам петкѡдлыны! – горѡдіс Комбед Ёльѡк.*

– *Ачыд быдты да вѡлись петкѡдлы! – воча горѡдіс Викень да, ош лапаяс кодь сойассѡ-кияссѡ паськѡдѡмѡн, шлапкысис-пуксис топыда суйѡм туся ыджыд мешѡкьяс вылѡ.*

Сэки Комбед Ёльѡк шаркнитіс-восьтіс боксьыс кабурсѡ да помтѡм лѡглунѡн сѡдзѡдіс пинь пырыс:

– *Тэд шуѡма, чеччы сѣтысь, кулацкѡй морда!*²⁵

«– Дядя Викень, едрена сила, если хорошему хочешь, отступись от хлеба, мы сами будем выносить! – крикнул Комбед Ёльѡк.

– Сам вырасти вначале, затем и выноси! – в ответ крикнул Викень и, распахнув, как медвежьи лапы, свои руки, расселся (букв.: плюхнулся-сел) на плотно набитые зерном большие мешки.

Тогда Комбед Ёльѡк с шумом открыл кобуру и с безграничным гневом крикнул, процедил сквозь зубы:

– Тебе сказано, встань оттуда, кулацкая морда!»

В прозаических произведениях нередки примеры, в которых отмечаются переходные (смешанные) коммуникативные типы, обладающие сложной предикативной семантикой и большой степенью эмоциональности, например в побудительно-вопросительных предложениях. Такой переходный тип может быть выражен сочетанием вопросительного и восклицательного знаков (?) во фразе в совокупности с авторской ремаркой:

– *Ме, пиѡ, вуджѡда найѡс мѡдлапѡлас, – шуѡ Микит.*

– *Да?! – оз тѡд, мый вочавидзны, ни мый вѡчны нѡйтчысь сьѡлѡма Виталей!*²⁶.

«– Я, сынок, переправлю их на другой берег, – говорит Никита.

– Да?! – не зная, ни что ответить, ни что сделать, с колотящимся сердцем воскликнул Виталий».

Указание на коммуникативный тип или его разновидность приобретает особое значение при недостаточности вербальных средств, тогда значение интонации речи персонажа передают авторские ремарки, например:

– *А-а-а? – мыкталыштіс Самарин!*²⁷.

«– А-а-а? – проямлил Самарин».

– *М-м-м, – нюмуніс Опонь!*²⁸.

«– М-м-м, – улыбнулся Опонь».

Интерес для исследования просодических характеристик представляют также некоторые типы речевых актов, содержащие в себе двусторонний процесс – говорение и восприятие услышанного. Речевой акт охватывает написание речи героев произведения и зрительное восприятие и понимание написанного. Достаточно часто интонацию в речевом акте можно распознать как с помощью отдельных графических обозначений, так и с помощью авторских ремарок.

²⁴ Юхнин В. В. Тундраса бияс: Куим юкѡна роман. Сыктывкар, 1984. С. 59.

²⁵ Торопов И. Г. Указ. соч. С. 38.

²⁶ Там же. С. 70.

²⁷ Юшков Г. А. Указ. соч. С. 160.

²⁸ Шестаков М. И. Пѡжар // Ытва дырйи. С. 147.

Приказной тон во фразе героя может быть представлен вопросительными предложениями, следующими за повествовательными, звучащая речь в которых не отличается ни уровнем громкости, ни эмоциональностью. Командный тон в таких высказываниях героев передается словами автора произведения.

Остановимся на просодических характеристиках отдельных речевых актов, отраженных в художественной прозе.

1. Извинение предполагает небольшую интенсивность, тихий голос, например:

– *Бабук, таво мыйкё кыин эн?*

– *Эг, Аннуш, эг, некор, да и татийм уджыс кид мыйкё оз нин пыр.*

*Тайё кывъяссё бабук шуис зэв нор, муджём гёлёсён*²⁹.

«– Бабуля, в этом году что-то связала или нет?

– Нет, Аннушка, нет, некогда, да и такая работа что-то уже не под силу (букв.: не идет).

Эти слова бабуля произнесла достаточно грустно, уставшим голосом».

– *Со татёни ставыс, кёкъямыс мешёк нин и колис... – вошём гёлёсён шуис Викень. – Ид и сю татёни, зёр и...*³⁰.

«– Вот здесь все, восемь мешков всего и осталось... – пропавшим голосом сказал Викень. – Ячмень и рожь здесь, и овес...»

– *Ачыд жё шулин, кытыд лолён пё колё овны, а олан кокни руён.*

– *Вёв и сийё джёмдылё, коть нель кока. Прёстит, дед.*

*Дед... Некор на тадзи Митин эз шулы сийёс. Тайё кывъяс тёдчис и шогсьём и каитчём*³¹.

«– Сам же говорил, надо жить в неподнятом настроении, а живешь легко-мысленно.

– Лошадь и та спотыкается, хотя на четырех ногах. Прости, дед.

Дед... Никогда еще так не называл его Митин. В его словах ощущались беспокойство и раскаяние (сожаление)».

2. Для обещания чего-либо больше подходит быстрый темп речи, иначе оно может приобрести оттенок неуверенности, при этом уровень громкости может различаться от высокого до низкого. В письменных текстах чаще всего встречаются речевые акты героев, сопровождающиеся вопросительно-ответными реакциями, короткими предложениями, что в конечном счете придает речи быстрый темп произношения. Кроме того, при обещании в речи собеседника может присутствовать нагромождение согласных. В этом случае комплекс двойных согласных несет оттенок большей убедительности в данном слове, обещании одного из собеседников, как, например, в следующем диалоге:

– *Мамук, эн петкёд, ой, эн петкёд, ме сэсса оз кут.*

– *Кыв сетан – некор он кут?*

– *Кыв сета – некорр оз кут*³².

«– Мамочка, не выноси, ой, не выноси, я больше не буду.

– Дашь слово – никогда не будешь?

– Даю слово – никогда не буду».

3. Интонацию осуждения, напротив, могут передавать растяжки гласных, для которых подходит медленный темп речи собеседника, например:

– *Да-а, – нюжёктис комбинатса начальник. – Государство со карточкаяс бырөдіс, сёй вёляысь, а ті дзось комбинат норма вылын пукөданныд*³³.

«– Да-а, – протянул начальник комбината. – Государство вот карточки ликвидировало, ешь сколько хочешь, а вы целый комбинат вынуждаете сидеть по норме».

4. При плаче, нытье или вое темп речи замедляется, а интенсивность голоса может изменяться от высокого до отрывистого и низкого. Для более четкого пони-

²⁹ Нефедова Ю. Кад пыр сёрни // Войвыв кодзув. 2014. № 6. С. 56.

³⁰ Торопов И. Г. Указ. соч. С. 36.

³¹ Рочев Е. Лёз тундра: Повесть да висьтъяс. Сыктывкар, 1980. С. 41.

³² Шахов Б. Ф. Тшөтшьяяс: Роман. Сыктывкар, 1985. С. 16.

³³ Юшков Г. А. Указ. соч. С. 183.

мания мыслей героя и его голоса авторы произведений мастерски передают звуковые оттенки и интенсивность в ремарках к диалогу. Характерным для выражения плача персонажа является также графическая растяжка гласных звуков:

– *На-ачки-ис!!! – ловтё кырышта-наа омлышитіс* Анук да уськөдчис нянь мешөкъяс вылө лизгырмунөм верөсыс дінө³⁴. «– Убил!!! – разбередив душу, провыла Анна и бросилась к упавшему от слабости на мешки хлеба мужу».

– *Кула. Ку-ула ме, – тіраліс батълөн гөллөсыс*³⁵. «– Умру. Умру я, – дрожал голос отца».

Кроме того, для таких выражений характерны также повторы лексем, например с отрицательным глаголом эг ‘я не (нет)’, где отрицание используется как метод психологической защиты героя от того, что происходит вокруг него:

– *Эг, эг... Эг, дитяяс, – повзёмысла пиньясыс таркакылісны лым пиын пукалысь тьөткәлөн*³⁶. «– Нет, нет... Нет, деточки, – стучали от страха зубы у сидящей в снегу тетки».

5. При возражении голос собеседника, как правило, твердый, резкий; такой интонации соответствуют высокая степень интенсивности и быстрый ритм речи, например:

– *А нылыс көть бур? Гашкө, “кадра” кутшөмкө?*

– *Абу-у! – ыркмунлі Павел*³⁷.

«– А девушка хоть хорошая? Может, “кадр” какой-нибудь?

– Нет! – рявкнул Павел».

– *Разрешитөй отсавны тіяңлы.*

– *Оз ков отсавны, – быттьө вундышитіс* Ахмировлысь кывъяссө *Рита. – Ми кызкө-мыйкө асьным нин*³⁸.

«– Разрешите вам помочь.

– Не надо помогать, – будто отрезала слова Ахмирова Рита. – Мы как-нибудь сами».

Типичны для этого речевого акта также наречия *гора* ‘громко’, *ёся* ‘резко’, *скөра*, *чорыда* ‘сурово’, *стрёга* ‘строго’, *виччысьтөг* ‘внезапно’, *өдйө* ‘быстро’ и др. Однако внимание читателя привлекает и речевой акт, в котором возражение собеседника передано в низкой степени интенсивности и в медленном темпе с помощью растяжек согласных, графически разделенных дефисом. В этом случае указывается на боязнь кого-либо, а также замешательство или растерянность, например:

– *Ветлы төдмав, мый вөчсө, – кутіс ыстыны вестөвөйөс.*

– *М-ме ог-г лысьт-т, – бөбьяліс* (диал. заикался) *вестөвөй, пельпомьясас юрсө сөйис*³⁹.

«– Сходи узнай, что там делается, – стал отправлять вестового.

– Я-я-я н-не ос-ос-мелюсь, – заикался вестовой, прижимая голову к плечам (досл.: в плечи голову засунул)».

6. Значение убеждения характеризуется обычно низкой интенсивностью, тихой, негромкой и спокойной, не слишком быстрой речью, например:

– *Босьт, ю, – небыдик шыён шуис сылы Оксинь*⁴⁰. «– Возьми, выпей! – мягким голоском сказала ей Аксинья».

7. Затяжки согласных абсолютного начала слова являются ярким признаком ругани, оскорбления, ссоры. Нередко во фразах персонажей сочетание согласных графически разделяется дефисом. Так авторы передают ненависть, неприязнь, злобу или гнев героя по отношению к собеседнику, например:

Зонмыд ырс чеччис пызан сайысь, кватитіс скамья вывсыс сөд беретсө, пунктіс шырөм юрас, сөдзөдышитіс:

– *Сс-сука! – и тэрыба мөдіс петанінлань*⁴¹.

«– Парень быстро встал из-за стола, схватил со скамьи черный берет, надел на постриженную голову, процедил:

³⁴ Торопов И. Г. Указ. соч. С. 39.

³⁵ Рочев Е. Указ. соч. С. 44.

³⁶ Попов Н. П. Указ. соч. С. 68.

³⁷ Юшков Г. А. Указ. соч. С. 138.

³⁸ Юхнин В. В. Указ. соч. С. 202.

³⁹ Федоров Г. А. Указ. соч. С. 243.

⁴⁰ Там же. С. 229.

⁴¹ Куратова Н. Н. Указ. соч. С. 26.

– Сс-сука! – и быстро направился к выходу».

8. Упрек-выговор связан с повышенной четкостью и раздельностью речи героев произведений, характеризуется особой ритмической структурой, например:

– *Анныс нō кōні? Ме чайті, сійō стада дорын.* <...>

– *Меным эз висътав, – Митин жугыля видзōдіс муō, поліс стариклōн синъясысь.* <...>

– *Ќтлаын локтінныд да... мыйла не-тор эз висътав? – быд кыв зэв лабутнōя да нōджйō шуаліс Вань дядь, быттйō ёсь кōрт тувъяс сатийōдіс морōсас Митинлы*⁴².

«– Где же Анна? Я думал, она возле стада. <...>

– Мне не сказала, – Митин грустно смотрел в землю, боялся глаз старика. <...>

– Вместе же пришли... почему ничего не сказала? – каждое слово дядя Ваня выговаривал серьезно и неторопливо, будто острыми гвоздями втыкал Митину в грудь».

При другой разновидности упрека может изменяться качество голоса от низкого к высокому (громкому), так называемый просодический тембр, а также нарушаться плавность речи собеседника, например:

– *Кывзы, Ќльōксан, мый тэ баба моз гудрасян?! – гōлōс кыпōдіс ѓні нин Кōсьта Ким*⁴³. «– Слушай, Александр, что ты как баба сплетничаешь?! – сейчас уже повысил голос Ким Константинович».

В художественных произведениях встречается и такая особенность, как использование разных звуковых средств в пределах одного речевого акта. Например, для убеждения, утешения или просьбы характерны, с одной стороны, низкий, мягкий тон, а с другой – быстрый темп произнесения, с использованием синтаксического повтора:

– *Гашкō, пиук, бурōн кыдзкō ладмōдчам, – бōрдан гōлōсōн нин корис*

мамыс. – *Бурōн вай кыдзкō-мыйкō...⁴⁴.* «– Может, сынок, по-хорошему как-то помиримся, – плачущим голосом просила уже мать. – Давай как-нибудь по-хорошему...»

Синтаксический повтор во фразах-репликах героев нередко меняет интонацию их речи. При повторе лексем звуковая организованность стремится к более четкому ритму, переходя к скандированию, например:

– *Всё. Меным тані нем вōчнысō. Ті кольччōй да больгōй, а ме муна...*

– *Всё! Всё! – деревня кузя мунігōн горзіс Василий Александрович.* – *Эн веськōдчы воча, Филиппова Ираида Филиппьевна! Мыйōн казяла – паныд локтан, кежа! Всё!...*⁴⁵.

«– Всё. Мне здесь нечего делать. Вы оставайтесь и болтайте, а я пойду...

– Всё! Всё! – кричал Василий Александрович, шагая по деревне. – Чтоб не встретилась мне, Филиппова Ираида Филиппьевна! Как увижу, что идешь навстречу, сразу сверну в другую сторону! Всё!...»

Заключение

Исследовательский материал показал, что языковые функции интонации полно и последовательно могут отражаться не только в живой звучащей речи, но и в той форме речи собеседника, что передается на письме, в диалогах художественного произведения. Функции интонации и ее выразительные возможности заключены в авторских обозначениях просодических характеристик речи. Большую роль в передаче интонации речи героев произведений играет индивидуальный стиль автора со свойственной ему чуткостью к звуковой стороне речи персонажей.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

букв. –	буквально
диал. –	диалектное слово
досл. –	дословно

⁴² Рочев Е. Указ. соч. С. 29.

⁴³ Попов А. В. Указ. соч. С. 44.

⁴⁴ Там же. С. 46.

⁴⁵ Шахов П. Ф. Повестыяс. Сыктывкар, 1977. С. 102.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баянова А. Т. Категория обращения и способы его выражения в калмыцком языке (на примере сказок в записи Г. И. Рамstedта) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28, № 6. С. 957–971.
2. Блохина Л. П. Просодические характеристики речи и методы их анализа. М.: МГПИИЯ, 2002. 74 с.
3. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 5-е изд. М.: Рус. яз., 1983. 239 с.
4. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.
5. Винокур Т. Г. К характеристике говорящего: Интонация и реакция // Язык и личность: сб. ст. М., 1989. С. 11–23.
6. Водясова Л. П. Описание как функционально-смысловой тип речи, его виды и роль в художественном тексте // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 3. С. 417–426. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-417-426.
7. Водясова Л. П. Семантико-синтаксический статус обращения и его эмоционально-оценочный потенциал // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 4. С. 616–623. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-616-623.
8. Гуляева Н. И. Вербальная репрезентация эмоций в коммуникативном поведении коми // Человек. Культура. Образование. 2021. № 3. С. 44–60. DOI: 10.34130/2233-1277-2021-3-44.
9. Гуляева Н. И. Коммуникемы с семантикой побуждения в коми языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 446–452. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-446-452.
10. Иванова И. Г., Егошина Р. А. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 16–28. DOI: 10.15507/20762577.013.2021.01.16-28.
11. Ковалев В. П. Звучащая речь в произведениях А. И. Куприна // Вопросы стилистики: межвуз. науч. сб. Саратов, 1977. Вып. 13. С. 100–114.
12. Кукуева Г. В. Авторская речь как стилистическая категория (на материале рассказов Е. Д. Айпина) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 70–79. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-70-79.
13. Маслова В. А. Основы современной лингвистики: курс лекций. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. 222 с.
14. Мосина Н. М., Паксюткина Ю. С. Семантика глаголов слухового восприятия в эрзянском и финском языках // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 12–19. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.012-019.
15. Пиотровская Л. А. Проблема системного описания эмотивных типов интонации // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: сб. ст. к 70-летию профессора кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Л. В. Бондарко. СПб., 2002. С. 215–223.
16. Раднаева Л. Д. Просодическая характеристика речи (на примере фрагментов художественных произведений русских писателей) // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 10. С. 59–61.
17. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 175 с.
18. Светозарова Н. Д. Интонация в художественном тексте. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 180 с.
19. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.
20. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Перемена, 2009. 169 с.
21. Iivonen A. Functional composition of an utterance explains its prosody // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: сб. ст. к 70-летию профессора кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Л. В. Бондарко. СПб., 2002. 171–175.
22. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Proceedings. Tübingen, 1992. P. 72–89.

Поступила 01.02.2022; одобрена 11.03.2022; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Г. В. Пунегова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, galina.syktsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2787-183X>

Intonation as a means of conveying an utterance in Komi prose

Galina V. Punegova

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The purpose of this paper is to study intonation features and means of conveying speech acts in Komi works of art. The voice as a source of information was not in the focus of the attention of Komi linguists, the issues of Komi intonation and the means of their reflection have not been studied. In this regard, the address to the general characteristics of how Komi prose writers reflect the intonation features of their characters' speech is considered relevant in the Komi language and allows us to speak about a new method of studying the perception of phrasal intonation.

Materials and Methods. The material for the study based on the examples from the works of modern fiction of Komi classics. The methodological basis of the study was a set of such linguistic methods as descriptive, perceptual analysis of phrasal intonation, linguistic analysis of the text, elements of structural and semantic analysis.

Results and Discussion. The study of intonation allowed us to state a number of prosodic signs. The described speech of the characters of literary works was studied according to various parameters of acoustics: duration, intensity, pitch, timbre, tempo, rhythm; by means of non-speech sounds, through an indication of the features of articulation, diction; by similarity with the phenomena of the sounding world. It was found that the author's remarks of works of art describe the speech volume of the characters in particular detail, the intensity of the sounding speech.

Conclusions. The research material has shown that the language functions of intonation can be fully and consistently reflected not only in live sounding speech, but also in writing in the form of the speech of the literary hero of prose works. The functions and expressive possibilities of intonation are contained in the author's designations of prosodic characteristics of speech. An important role is played by the individual style of the author, which is distinguished by sensitivity to the sound side of the speech of their characters.

Keywords: the Komi language, intonation, prosody, speech act, voice, author's remarks

Acknowledgments: The publication is prepared as part of the implementation of the state assignment of the Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", the state registration number of the project is IYALI FUUU-2021-0008 "The Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals".

For citation: Punegova GV. Intonation as a means of conveying an utterance in Komi prose. *Finnno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:168–179. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.168-179.

REFERENCES

1. Bayanova AT. The category of appeal and ways of its expression in the Kalmyk language (on the example of fairytales in the recording of G. J. Ramstedt). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology. 2018;28;6:957–971. (In Russ.)
2. Blokhina LP. Prosodic characteristics of speech and methods of their analysis. Moscow; 2002. (In Russ.)
3. Bryzgunova EA. Sounds and intonation of Russian speech. 5th ed. Moscow; 1983. (In Russ.)
4. Vasil'ev LM. Semantics of the Russian verb. Moscow; 1981. (In Russ.)
5. Vinokur TG. To the characteristics of the speaker: Intonation and reaction. *Iazyk i lichnost': sb. st.* = Language and personality. Collection of articles. Moscow; 1989:11–23. (In Russ.)
6. Vodyasova LP. Description as the functional-semantic type of speech, its types and role in the artistic text. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2019;9;3:417–426. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-417-426.
7. Vodyasova LP. Semantic and syntactic status of address and its emotional and evaluative potential. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;4:616–623. (In Russ.).

- DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-616-623.
8. Gulyaeva NI. Verbal representation of emotions in Komi communicative behavior. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie.* = Human. Culture. Education. 2021;3:44–60. (In Russ.). DOI: 10.34130/2233-1277-2021-3-44.
 9. Gulyaeva NI. The communicemes with the semantics of motivation in the Komi language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2020. 10;3:446–452. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-446-452.
 10. Ivanova IG, Egoshina RA. Prosodic characteristics of emotionally colored phrases in typologically unrelated languages: based on the Mari and French languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:16–28. (In Russ.). DOI: 10.15507/20762577.013.2021.01.16-28.
 11. Kovalev VP. Sounding speech in the works of A. I. Kuprin. *Voprosy stilistiki: mezhevuz. nauch. sb.* = Questions of style. Inter-university scientific collection. Saratov; 1977;13:100–114. (In Russ.)
 12. Kukueva GV. Author's speech as a stylistic category (based on stories by Ye. D. Aipin). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2020;10;1:70–79. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-70-79.
 13. Maslova VA. Fundamentals of modern linguistics. Lecture course. Vitebsk; 2018. (In Russ.)
 14. Mosina NM, Paksyutkina YuS. Semantics of verbs of auditory perception in the Erzia and Finnish languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;1:12–19. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.012-019.
 15. Piotrovskaya LA. The problem of systematic description of emotive types of intonation. *Problemy i metody eksperimental'no-foneticheskikh issledovaniy: sb. st. k 70-letiiu professora kafedry fonetiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov L. V. Bondarko* = Problems and methods of experimental phonetic research. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Professor of the Department of Phonetics and Methods of Teaching Foreign Languages L. V. Bondarko. Saint-Petersburg; 2002:215–223. (In Russ.)
 16. Radnaeva LD. Prosodic characteristics of speech (on the example of fragments from works of Russian writers). *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Buryat State University. 2013;10;59–61. (In Russ.)
 17. Svetozarova ND. Intonation system of the Russian language. Leningrad; 1982. (In Russ.)
 18. Svetozarova ND. Intonation in a literary text. Saint-Petersburg; 2000. (In Russ.)
 19. Shakhovskii VI. Emotions as an object of research in linguistics. *Voprosy psikholingvistiki* = Questions of psycholinguistics. 2009;9:29–42. (In Russ.)
 20. Shakhovskii VI. Language and emotions in the aspect of linguoculturology. Volgograd; 2009. (In Russ.)
 21. Ikonen A. Functional composition of an utterance explains its prosody. *Problemy i metody eksperimental'no-foneticheskikh issledovaniy: sb. st. k 70-letiiu professora kafedry fonetiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov L. V. Bondarko* = Problems and methods of experimental phonetic research. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Professor of the Department of Phonetics and Methods of Teaching Foreign Languages L. V. Bondarko. Saint-Petersburg; 2002:171–175.
 22. Nöth W. Symmetries and asymmetries between positive and negative emotion words. *Proceedings*. Tübingen; 1992:72–89.

Submitted 01.02.2022; reviewing 11.03.2022; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

G. V. Punegova – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, galina.syktso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2787-183X>

Названия мелких пушных зверей в коми языке

Анатолий Николаевич Ракин

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия

Введение. Работа посвящена лексике охотничьего промысла в коми языке. В статье в качестве самостоятельной микросистемы исследуются обозначения, употребляющиеся для номинации мелких пушных зверей, обитающих на территории Республики Коми. Вся совокупность рассматриваемых лексических единиц относится к обеим разновидностям лесных обитателей – к хищникам и растительноядным животным. Анализ фактического материала проводится с целью установления основных этапов формирования и развития данного компонента лексики охотничьего промысла коми языка.

Материалы и методы. Содержащийся в статье фактический материал принадлежит коми литературному языку. Из числа диалектных названий приводятся лишь те несколько примеров, которые содержатся в нормативных словарях. Рассматриваются названия как исконного, так и иноязычного происхождения. При разработке темы исследования автор оперирует такими методами, как описательный, сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный и статистический, а также использует приемы семантического и структурно-словообразовательного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Работа представляет собой первый опыт лингвистического исследования названий мелких пушных зверей в коми языке. По субстанциональному признаку данная лексическая микросистема относится к обозначениям объекта охотничьего промысла. На основе систематизации имеющихся праформ представлена диахронная иерархия исконной лексики, характеризующаяся наличием четырех компонентов древних названий: прафинно-угорских, прафинно-пермских, прапермских и пракоми. Установлены типы и количественный состав группы иноязычных названий, в которую входят древние и поздние заимствования.

Заключение. Формирование лексики коми языка, относящейся к мелким пушным промысловым животным, происходило в течение многих тысячелетий начиная с прафинно-угорской эпохи. Большинство названий анализируемой микросистемы принадлежит к исконному фонду словарного состава коми языка. Иноязычная часть в составе названий мелких пушных животных занимает незначительное место, ее формирование происходило в результате проникновения заимствований из двух внешних источников.

Ключевые слова: коми язык, лексика, обозначения объекта охотничьего промысла, названия мелких пушных зверей, исконный словарный фонд, заимствования

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Для цитирования: Ракин А. Н. Названия мелких пушных зверей в коми языке // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 180–188. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188.

Введение

Охота, как любительская, так и профессиональная, обладает двумя разными полюсами, на одном из которых находится ее субъект, а на другом – объект. Соответственно данный вид практической деятельности и всё, что связано с его реализацией, могут осуществляться лишь при наличии обеих этих реалий, при отсутствии той или другой он в принципе невозможен. Следует также отметить, что охота представляет

собой одно из древних занятий людей по добыванию средств существования и возникла значительно раньше других видов хозяйственной деятельности человека, таких как земледелие и скотоводство.

Словарный состав коми языка отражает обе указанные доминанты охотничьего промысла. В нем имеется достаточное количество номинативных единиц для обозначения как субъекта, так и объекта и всех

связанных с ними предметов охоты. При исследовании и описании лексики охотничьего промысла могут быть применены разные принципы классификации фактического материала, в том числе и такой экстралингвистический критерий, как размеры тела представителей промысловой фауны. С учетом этих показателей систематизация номинативных единиц позволяет выделить три самостоятельные микросистемы: а) обозначения крупных зверей (медведь, лось и др.); б) обозначения зверей средних размеров (лиса, заяц и др.); в) обозначения мелких пушных зверей (соболь, белка и др.). Поскольку первые две микросистемы рассмотрены в предыдущей нашей публикации [6], настоящая работа посвящена третьей микросистеме, т. е. названиям мелких пушных зверей.

Обзор литературы

В отечественном финно-угроведении разработка проблемы «Лексика охотничьего промысла» находится на начальной стадии. К настоящему времени по данной теме опубликованы три статьи. Одна из них подготовлена на материале марийского языка [5], две другие – коми-зырянского [6; 7].

Материалы и методы

Основным источником фактического материала послужила соответствующая часть словарного фонда коми языка, содержащаяся в лексикографических изданиях и специальных словарях (КРК; РКС; ПНК). Приведены сопоставительные примеры из коми-пермяцкого и удмуртского языков (КПРС; КПРС-РКПС; УРС). Краткие биологические сведения о промысловых животных заимствованы из источников справочного характера (ЖМК; РКЭ). Диахроническая классификация исконного компонента анализируемой лексики осуществлялась посредством реконструкций из этимологических источников (КЭСЯ; Rédei, 1988). Группа названий иноязычного происхождения, их количество и источники установлены с помощью исходных слов, содержащихся как в отечественной (Даль; СРЯ; СРГСУ), так и в зарубежной [10] литературе. Наряду с лингвистическими дан-

ными учитывались также сведения, приведенные в некоторых этнографических изданиях [1; 2]. Использовалась технология разработки темы, которая была создана автором при подготовке предыдущих двух исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

Микросистема обозначений мелких пушных зверей в коми языке состоит из 29 названий, относящихся к 11 объектам номинации, часть из которых – хищники (соболь, горноста́й, норка, куница, кидус, ласка, крот).

Хищные звери питаются другими лесными животными. Так, соболу в качестве пищи служат белки и бурундуки, а также зайцы. Зимой в ночное время он «охотится» на рябчиков, глухарей и тетеревов, укрывшихся под снегом от холода. Поедает мышевидных грызунов: полевок и пищух. Для куницы основу питания составляют белки, а кроме них – мелкие грызуны, лягушки, ящерицы, насекомые. Как и соболь, она нападает на довольно больших лесных обитателей: зайца или глухаря. Часто разоряет птичьи гнезда, поедая яйца и птенцов. Кидус – помесь куницы и соболя – питается грызунами, зайцами, птицами, насекомыми, летом добавляет в меню ягоды и орехи. В рацион норки входят преимущественно крысы, мыши, рыба, земноводные и беспозвоночные. Горноста́й при охоте проверяет норы водяных крыс и бурундуков. При обнаружении хозяев не только убивает их, но и присваивает жилище и всё, что там находится. Его добычей становятся также птицы, их яйца, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы, насекомые. Ласка употребляет в пищу домашних, полевых и лесных мышей, землероек, крыс, кротов, ящериц, голубей, мелкую рыбу. Грызунов она добывает, проникая в их норы, а зимой – в снежные ходы (ЖМК, с. 44). Крот поедает в основном дождевых червей и подземных насекомых.

Остальные четыре представителя мелких пушных зверей (белка, белка-летяга, бурундук, водяная крыса) не являются хищниками. Они существуют за счет употребления растений. Основу рациона белки

составляют семена хвойных деревьев: ели, сосны, кедра, которые зимой служат единственным кормом для этих зверей. Летом она питается травой, ягодами – рябиной, брусникой, можжевельником, костяникой. Любит грибы и даже сушит их впрок, насаживая осенью на ветки деревьев. Несмотря на то что водяные крысы считаются всеядными животными, они также предпочитают растительную пищу. На водоемах поедают корневища и плоды кувшинок, стрелолиста, а на полях и огородах – хлебные зерна и корнеплоды: картофель, морковь, свеклу. Белка-летяга обыкновенная питается вегетативными частями растений – почками, сережками, побегами, семенами и ягодами. Подобно белке и бурундуку, делает запасы пищи на всю зиму, так как в спячку не впадает, а в сильные морозы не выходит из гнезда по несколько суток. Основная пища бурундука – семена хвойных древесных пород, зерна культурных злаков, если обитает около полей. В небольших количествах им поедаются лесные ягоды и другие части растений (РКЭ, с. 279).

В работе анализируется фактический материал, принадлежащий коми литературному языку. Исключение составляют два примера, относящиеся к теме исследования, которые не являются общеупотребительными, а имеют территориально ограниченное распространение и отмечены в нормативном словаре соответствующими пометами: *чуш* диал. ‘норка’ (КРК, с. 722) и *сер* диал. ‘куница’ (КРК, с. 581).

Для номинации объектов обозначения данной микросистемы в коми языке употребляется не одно, а несколько названий, образующих синонимические ряды. Как показывает рассматриваемый материал, такие ряды состоят из двух, четырех и пяти членов.

Двучленные ряды: *сьодбёж*, *чужмёр* ‘горностай’, *анча*, *чуш* ‘норка’, *тулан*, *сер* ‘куница’, *орда*, *визьяорда* ‘бурундук’ и др.

Четырехчленные ряды: *борда ур*, *палюр*, *кушпаль*, *паляур* ‘белка-летяга’, *вурдысь*, *зымышыр*, *муош*, *мушыр* ‘крот’.

Пятичленный ряд: *ур*, *гёрд ур*, *пыжик ур*, *лöz ур*, *чирас ур* ‘белка’.

Структурно-словообразовательная система обозначений мелких пушных зверей

складывается из трех типов номинативных единиц: однословные лексемы (непроизводные и производные), двучленные образования (компози́ты) и составные названия.

Непроизводные слова состоят только из корневой морфемы, иных морфологических элементов не имеют. В данную группу названий входят следующие слова: *низь* ‘соболь’, *чуш* ‘норка’, *сер* ‘куница’, *ур* ‘белка’.

Производными обозначениями являются *тулан* ‘куница’ и *орда* ‘бурундук’, которые современными носителями коми языка воспринимаются как нечленимые морфологические единицы. Но с исторической точки зрения они считаются производными образованиями, имеющими в составе словообразовательные элементы. Так, относительно слова *тулан* ‘куница’ предполагается, что оно образовано от исчезнувшего глагола *тулны* ‘мелькать, мчаться, подкрадываться’ с помощью суффикса **-ан** (КЭСЯ, с. 426). *Орда* ‘бурундук’, видимо, появилось в результате сокращения широко употребляющегося в современном коми языке синонимического названия бурундука *визьяорда*, буквально обозначающего ‘полосатобокий, полосатобокий бурундук’ (*визья* ‘полосатый’, *орда* ‘бурундук’). Производящая основа в составе этих двух названий *орд* имела первоначальную семантику ‘бок’ (КЭСЯ, с. 206). Элемент **-а** является древним суффиксом отыменных прилагательных. По мнению некоторых исследователей, в данной функции он существовал уже в общепермскую эпоху [8, 174].

Группа композитных образований, т. е. двучленных названий в слитном или дефисном написании, которые структурно отличаются как от однословных лексических единиц, так и от названий из двух и более частей свободных сочетаний, включает в себя следующие обозначения: *сьодбёж* ‘горностай’, *ычи-кычи* ‘ласка’, *кушпаль* ‘белка-летяга’, *палюр* ‘белка-летяга’, *паляур* ‘белка-летяга’, *зымышыр* ‘крот’, *муош* ‘крот’.

Как видим, из числа приведенных композит часть названий имеют переносное значение: *сьодбёж* ‘горностай’ (букв.: чер-

ный хвост)’, *муош* ‘крот (букв.: земляной медведь)’.

В остальных примерах один из компонентов в современном коми языке никак не осмысливается и без второй части не употребляется: *ычи-кычи* ‘ласка’ (*ычи-* + *кычи* ‘собачка’), *зымышыр* ‘крот’ (*зым-* + *шыр* ‘мышь’), *кушпаль* ‘белка-летяга’ (*куш* ‘голый’ + *-паль*), *палюр*, *паляур* ‘белка-летяга’ (*паль-*, *паля-* + *юр* < *ур* ‘белка’).

Составные названия представляют собой двучленные словосочетания; образования с большим количеством частей здесь отсутствуют. Все обозначения данной группы образованы по двум структурным моделям:

1) «существительное + существительное»: *ва шыр* ‘водяная крыса’ (*ва* ‘вода’ + *шыр* ‘мышь’), *му шыр* ‘крот’ (*му* ‘земля’ + *шыр* ‘мышь’), *чирас ур* ‘белка’ (*чирас* ‘прошлогодняя кислая шишка’ + *ур* ‘белка’) и т. д.;

2) «прилагательное + существительное»: *васа вурдысь* ‘водяная крыса’ (*васа* ‘водяной’ + *вурдысь* ‘крот’), *борда ур* ‘белка-летяга’ (*борда* ‘крылатый’ + *ур* ‘белка’), *гөрд ур* ‘белка в летнем меху’ (*гөрд* ‘красный, рыжий’ + *ур* ‘белка’), *лөз ур* ‘белка в зимнем меху’ (*лөз* ‘серый’ + *ур* ‘белка’).

С помощью семантической классификации всю совокупность лексических единиц, относящихся к мелким пушным животным, можно распределить по двум основным группам: 1) немотивированные обозначения и 2) мотивированные названия.

Немотивированные названия, не имея смыслового значения, выполняют чисто номинативную функцию – называют соответствующего представителя промысловой фауны без указания на какой-либо денотативный признак, которым он обладает. Таковыми являются в основном одночленные лексемы: *ур* ‘белка’, *куш* ‘норка’, *тулан* ‘куница’ и т. д.

Мотивированные названия выполняют не одну, а две функции: они не только называют соответствующую реалию, но и указывают на тот или иной признак, на какую-нибудь отличительную черту объекта обозначения. Например, некоторые названия характеризуют промысловых животных по месту их обитания: *ва шыр* ‘во-

дяная крыса’ (КРК, с. 754) (*ва* ‘вода’, *шыр* ‘мышь’), *му шыр* ‘крот’ (КРК, с. 754) (*му* ‘земля’, *шыр* ‘мышь’).

Смысловое содержание следующих названий свидетельствует о том, что при номинации может быть использован и такой мотивировочный признак, как цвет шерстного покрова и особенности строения тела. У белки летний мех имеет красный цвет, поэтому по-коми она называется *гөрд ур* (ПНК, с. 49) (*гөрд* ‘красный, рыжий’, *ур* ‘белка’). К зиме этот пушной зверек становится серым и получает название *лөз ур* (КРК, с. 360) (*лөз* ‘синий, серый’, *ур* ‘белка’).

Бурундука отличает наличие пяти темных полос вдоль спины, что отражает его название *визяорда* (*визя* ‘полосатый’).

У горностая всегда (и зимой и летом) кончик хвоста черный – именно эта особенность обусловила появление в коми языке его названия *сьөдбөж* (букв.: ‘черный хвост’). Аналогичные обозначения имеются в двух других близкородственных языках: кп. *сьөдбөж* ‘горностай’ (ПНК, с. 162), удм. *сьөдбыж* ‘горностай’ (УРС, с. 621).

Белка-летяга между передними и задними конечностями имеет не покрытую шерстью перепонку, которой она в расправленном виде пользуется как парашютом во время перепрыгивания с дерева на дерево и планирования при полете в воздухе. Эти факты послужили основой для образования коми названий *борда ур* ‘белка-летяга’ (ПНК, с. 132) (букв.: ‘крылатая белка’) и *кушпаль* ‘белка-летяга’ (ПНК, с. 132) (*куш* ‘голый’).

Средства питания также могут быть мотивировочным признаком при номинации мелких пушных зверей. Как известно, основным кормом для белки служат семена хвойных пород, которые она добывает из шишек ели, сосны и кедра. Но эти древесные семена образуются не всегда, периодически бывают неурожайные годы. В таких условиях, чтобы не погибнуть от голода, белки вынуждены находить упавшие на землю прошлогодние шишки с прокисшими семенами и питаться ими. Данным обстоятельством обусловлено образование в коми языке названия *чирас ур* ‘белка, пита-

ющаяся прошлогодними шишками» (ПНК, с. 192). Первый компонент *чирас* в составе данного обозначения имеет значение ‘кислый’.

С точки зрения происхождения в составе анализируемой микросистемы, как и в других отраслях словарного фонда коми языка, можно выделить две части – исконную и заимствованную. В соответствии с хронологией возникновения в исконной части различаются допермские, прапермские и собственно коми-зырянские образования.

Особенностью допермского фонда анализируемых обозначений является то, что в нем отсутствуют слова, возникшие в прауральском языке, просуществовавшем до 4-го тыс. до н. э. [4, 409]. Остальные два компонента древней лексики (прафинно-угорские и прафинно-пермские) имеются.

К названиям прафинно-угорского периода – начало 4-го – конец 3-го тыс. до н. э. [4, 424] – относится обозначение соболя *низь* (КРК, с. 430), кп. *низь* уст. ‘соболя’ (КПРС, с. 273), удм. *низь* ‘соболя’ (УРС, с. 465) < общеп. **n'iz* ‘соболя’ (КЭСЯ, с. 190). Кроме близкородственных генетические соответствия имеются в финском, эстонском, хантыйском, мансийском, венгерском языках: < ф.-у. **n'uks'e* (*n'ukz-s'z*) ‘соболя’. В этимологических источниках сопоставительные примеры приводятся также из некоторых самодийских, тунгусских и палеосибирских языков, на основании чего допускается, что данное древнее название могло возникнуть в более раннюю, чем прафинно-угорская, эпоху (Rédei, 1988, с. 326).

Финно-пермский праязык приурочивается к периоду с конца 3-го до середины 2-го тыс. до н. э. [4, 433]. Из числа древних обозначений к данной группе, как и к предыдущей, принадлежит одно коми-зырянское слово: ур ‘белка’ (КРК, с. 688), кп. ур ‘белка’ (КПРС, с. 514) < общеп. **ur* ‘белка’ (КЭСЯ, с. 291). Удмуртское обозначение белки *коньы* (УРС, с. 317) с коми словами этимологически не связано. Генетические соответствия имеются в финском, саамском, марийском и мордовских языках: < ф.-п. **ora* ‘белка’ (Rédei, 1988, с. 343).

Следующие названия унаследованы из прапермского языка, возникшего в ре-

зультате распада прафинно-пермского языка-основы и просуществовавшего со 2-го тыс. до н. э. до VIII в. н. э. [9, 49]. Обозначения данной хронологической группы в количестве пяти слов употребляются только в современных пермских языках и соответствий в других родственных языках не имеют:

орда ‘бурундук’ (КРК, с. 459), кп. *орда* ‘бурундук’ (КПРС, с. 294), удм. *урдо* ‘бурундук’ (УРС, с. 698) < общеп. **orda* ‘бурундук’ (КЭСЯ, с. 206);

сер ‘куница’ (КРК, с. 561), удм. *сёр* ‘куница’ (УРС, с. 595) < общеп. **s'er* ‘куница’ (КЭСЯ, с. 250);

чужмөр ‘горноста́й’ (КРК, с. 715), кп. *чужмөр* ‘горноста́й’ (КПРС, с. 544), удм. *чөжмер* ‘горноста́й’ (УРС, с. 750) < общеп. **čõžmer* ‘горноста́й’ (КЭСЯ, с. 312);

палюр, *паляур* ‘белка-летяга’ (КРК, с. 481; ПНК, с. 132), *кушпаль* ‘белка-летяга’ (КРК, с. 132), кп. *паль* ур ‘белка-летяга’ (КПРС, с. 319), удм. *пулë* ‘белка-летяга’ (УРС, с. 556) < общеп. **pål'a* ‘белка-летяга’ (КЭСЯ, с. 216);

сьодббж ‘горноста́й’ (КРК, с. 624), кп. *сьодббж* ‘горноста́й’ (ПНК, с. 162), удм. *сьодбыж* ‘горноста́й’ (УРС, с. 621) < общеп. **s'öd-bõž* ‘горноста́й’.

Группа древних названий мелких пушных животных, состоящая из лексических единиц пракоми происхождения, характеризуется тем, что ее формирование происходило после завершения прапермской эпохи и расхождения общих предков коми с удмуртами, т. е. в период с IX по XI в. н. э. [3, 25]. Поэтому данный разряд номинативных единиц употребляется лишь в двух северных пермских языках – коми-зырянском и пермяцком: кз. *визьяорда* ‘бурундук’ (КРК, с. 102), кп. *визьяорда* ‘бурундук’ (КПРС, с. 73); кз. *ва шыр* ‘водяная крыса’ (КРК, с. 754), кп. *ва шыр* ‘водяная крыса’ (КПРС, с. 576); кз. *му шыр* ‘крот’ (КРК, с. 754), кп. *му шыр* ‘крот’ (КПРС-РКПС, с. 198); кз. *тулан* ‘куница’ (КРК, с. 661), кп. *тулан* ‘куница’ (КПРС, с. 492).

Следует отметить, что из состава общекоми лексики в соответствующих источниках этимологизируются в основном одночленные названия. Что касается обо-

значений, состоящих из двух компонентов (слов), которые, вероятно, также возникли в пракоми эпоху, то они обычно в специальных работах не рассматриваются и реконструкции праформ для них не производятся.

В диахронической иерархии исследуемой микросистемы самый верхний (или поздний) слой составляют собственно коми-зырянские обозначения. Эти названия мелких промысловых зверей употребляются только носителями современного коми-зырянского языка; на территориях проживания других родственных народов, в том числе коми-пермяков, они отсутствуют.

Группу собственно коми-зырянских обозначений образуют 11 номинативных единиц: *анча* ‘норка’ (КРК, с. 28), *борда ур* ‘белка-летяга’ (ПНК, с. 132), *васа вурдысь* ‘водяная крыса’ (КРК, с. 128), *зымшыр* ‘крот’ (КРК, с. 235), *чуш* ‘норка’ (КРК, с. 722), *ычи-кычи* ‘ласка’ (КРК, с. 765; РКС, с. 87) и т. д.

Название норки *анча* считается древнекоми образованием, первоначально состоящим из двух самостоятельных частей. Первый компонент *ан-* выводится из слова *ань* ‘женщина, женский’, который содержится в ряде других сложных слов коми языка, например в таких как *анькытиш* ‘горох’, *шомань* ‘щавель’, где, имея переносное значение, он выполняет уменьшительно-ласкательную функцию. Исследователи полагают, что второй компонент *-ча* этимологически связан с удмуртским названием норки *чайы* (УРС, с. 817) и изменение структуры коми слова соответственно происходило следующим образом: *an'-č'aji* > *an'-č'ai* > *ань-ча* > *анча* (КЭСКИЯ, с. 390).

Неисконная часть микросистемы мелких пушных зверей складывается из древних (одно слово) и поздних (три названия) заимствований.

Название крота *вурдысь*, употребляющееся только в коми-зырянском языке и не имеющее генетических соответствий в других пермских языках, считается заимствованием индоиранского происхождения. В качестве доказательства данной версии приводятся названия: др.-инд. *undurus* ‘мышь, крыса’, др.-перс. *wudro* ‘водяное животное’ (КЭСКИЯ, с. 70).

Группа поздних заимствований состоит из названий русского происхождения:

кидус, кидас ‘помесь куницы и соболя’ (КРК, с. 271) < рус., ср. *кидус* ‘помесь куницы и соболя’ (СРГСУ, с. 25; КЭСКИЯ, с. 123); *ласича* ‘ласка’ (КРК, с. 346, РКС, с. 87) < рус., ср. *ласица* ‘зверек’ (Даль, с. 238) [10, 75], *ластица* ‘зверек ласка’ (СРГСУ, с. 87); *соболя* ‘соболя’ (КРК, с. 600) < рус., ср. *соболя* ‘пушной зверек сем. кунных, с ценным мехом светло-коричневой или темно-бурой окраски’ (СРЯ, с. 170).

Заключение

Таким образом, впервые в пермском языкознании проведено лингвистическое исследование той части словарного фонда коми-зырянского языка, которая относится к лексике охотничьего промысла и состоит из названий мелких пушных зверей. На основе субстанциальных признаков, а также исходя из состава объектов номинации и предназначенного для их обозначения разряда лексических единиц данная группа рассмотрена в качестве самостоятельной микросистемы.

Обозначения мелких пушных зверей в работе подвергнуты анализу с учетом их предметно-понятийного содержания, а кроме того, на семантическом и структурном уровнях. Применение сравнительно-исторического метода исследования показало, что исконная часть данной микросистемы имеет древние истоки. В ней, как и в других разновидностях словарного состава, в соответствии с хронологией возникновения различаются допермский, общепермский, пракоми и собственно коми-зырянский компоненты. Допермский фонд характеризуется наличием двух компонентов древней лексики: прафинно-угорской и прафинно-пермской, особенностью которых, в отличие от групп более позднего происхождения, служит то, что они сохранились и употребляются как в близкородственных, так и в дальнеродственных языках. Названия, появившиеся в прапермскую эпоху, общие для современных трех пермских языков и не имеют дальнеродственных генетических соответствий (самодийских, угорских, прибалтийско-финских, марийско-мордовских). Отдельную группу составляют обозначения, возникшие после

завершения прапермской эпохи и образования пракоми языка. Самыми поздними являются лексемы, которые, кроме коми-зырянского языка, больше нигде не употребляются. Структурно-словообразовательная система данной хронологической группы представлена однословными не-

производными и производными образованиями, композитами и составными названиями. Начало формирования иноязычного компонента относится к прапермской эпохе. Его пополнение в последующие периоды произошло за счет небольшого числа заимствований русского происхождения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>диал.</i> –	диалектное слово
<i>др.-</i>	
<i>инд.</i> –	древнеиндийский язык
<i>др.-</i>	
<i>перс.</i> –	древнеперсидский язык
<i>кз.</i> –	коми-зырянский язык
<i>кп.</i> –	коми-пермяцкий язык
<i>общеп.</i> –	общепермский язык-основа
<i>рус.</i> –	русский язык
<i>удм.</i> –	удмуртский язык
<i>уст.</i> –	устаревшее слово
<i>ф.-п.</i> –	финно-пермский праязык
<i>ф.-у.</i> –	финно-угорский праязык
<i>Даль</i> –	Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2.
<i>ЖМК</i> –	Остроумов Н. А. Животный мир Коми АССР: Позвоночные. Сыктывкар, 1972.
<i>КПРС</i> –	Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

<i>КПРС</i> –	Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1993.
<i>РКПС</i> –	
<i>КРК</i> –	Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.
<i>КЭСЯ</i> –	Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1990.
<i>ПНК</i> –	Пембс нимъяслбн кывкуд / сост. А. Н. Ракин. Сыктывкар, 2002.
<i>РКС</i> –	Русско-коми словарь. Сыктывкар, 2003.
<i>РКЭ</i> –	Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1.
<i>СРГСУ</i> –	Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1971. Т. 2.
<i>СРЯ</i> –	Словарь русского языка / под. ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 4.
<i>УРС</i> –	Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008.
<i>Rédei, 1988</i> –	Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988. Bd. 1–2.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 393 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 45).
- Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в.: Культура промысла населения таеж. зоны европ. Северо-Востока. М.: Наука, 1983. 248 с.
- Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 135 с.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / ред. коллегия: д-р филол. наук В. И. Лыткин [и др.]. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Пекшеева Э. И. Историко-генетический анализ некоторых названий охотничьих ловушек в марийском языке // Финно-угроведение. 2019. № 1. С. 18–23.
- Ракин А. Н. Номинация объекта охотничьего промысла в коми языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 171–185. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.171-185.
- Ракин А. Н. Обозначения субъекта охотничьего промысла в коми языке // Вестник угроведения, 2021. Т. 11. № 2. С. 319–327. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.
- Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майтинской; предисл. Б. А. Серебренникова. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Literaturgesellschaft, 1910. 187 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 29).

Поступила 18.11.2022; одобрена 18.12.2022; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Н. Ракин – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, anatolij.rakin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-3560>

Names of small fur-bearing animals in the Komi language

Anatoly N. Rakin

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The paper considers the hunting vocabulary in the Komi language. As an independent microsystem, it studies the designations used for the nomination of small fur-bearing animals living on the territory of the Komi Republic. The whole set of the lexical units refers to both types of forest inhabitants – predators and herbivores. The analysis of the factual material is carried out to establish the main stages of the formation and development of this component of the Komi language hunting vocabulary.

Materials and Methods. The material contained in the paper refers to the Komi literary language. Of the dialect names, only a few examples are given that are contained in normative dictionaries. The names of both primordial and foreign-language origin are considered. When developing the research topic, the author uses such methods as descriptive, comparative-historical, synchronous-comparative and statistical, as well as methods of semantic and structural-word-formation analysis.

Results and Discussion. The article is the first experience of linguistic research of the names of small fur-bearing animals in the Komi language. By substantial basis, this lexical microsystem refers to the designations of the hunting object. The analysis of the factual material was carried out using synchronous and diachronic research methods. Based on the systematization of the available proto-forms, a diachronic hierarchy of the primordial vocabulary is characterized by four components of ancient names: Proto-Finno-Ugric, Proto-Finno-Permian, Proto-Permian and Proto-Komi. It establishes the types and quantitative composition of a group of foreign-language names consisting of ancient and late borrowings.

Conclusion. The formation of the Komi language vocabulary related to small fur-bearing commercial animals has taken place over many millennia since the Proto-Finno-Ugric epoch. Most of the names of the analyzed microsystem belong to the primordial vocabulary fund of the Komi language. The foreign-language component of the names of small fur-bearing animals takes an insignificant place, its formation occurred as a result of the penetration of borrowings from two external sources.

Keywords: the Komi language, vocabulary, designations of the hunting object, names of small fur-bearing animals, primordial vocabulary fund, borrowings

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research "Permian languages in the linguistic and cultural space of the European North and the Urals" (reg. No. 121042600252-7).

For citation: Rakin AN. Names of small fur-bearing animals in the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:180–188. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188.

REFERENCES

1. Belitser VN. Essays on the ethnography of the Komi peoples. XIX – early XX centuries. Moscow; 1958;45. (In Russ.)
2. Konakov ND. Komi hunters and fishermen in the second half of the XIX – early XX centuries: The culture of the commercial population of the taiga zone of the European North-East. Moscow; 1983. (In Russ.)
3. Lytkin VI. Historical grammar of the Komi language. Syktyvkar; 1957;1. (In Russ.)
4. Lytkin VI at al., eds. Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages. Moscow; 1974. (In Russ.)
5. Peksheeva EI. Historical-genetic analysis of hunting traps naming in the Mari language. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies. 2019;1:18–23. (In Russ.)
6. Rakin AN. Nomination of a hunting object in the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:171–

185. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.171-185.
7. Rakin AN. Designations of the subject of hunting in the Komi language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;2:319–327. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327.
8. Serebrennikov BA. Historical morphology of the Permian languages. Moscow; 1963. (In Russ.)
9. Khaidu P. Uralic languages and peoples. Moscow; 1985. (In Russ.)
10. Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors; 1910;29.

Submitted 18.11.2022; reviewing 18.12.2022; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. N. Rakin – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, anatolij.rakin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-3560>

Коллекции ливвиковских диалектных материалов Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Александра Павловна Родионова

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН

Татьяна Владимировна Пашкова

Петрозаводский государственный университет,

Петрозаводск, Россия

Введение. В статье предложен краткий обзор карельских аудиоматериалов на ливвиковском наречии карельского языка, хранящихся в фондах Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили электронно-информационные ресурсы, фольклорно-этнографический и лингвистический архивные фонды Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. При написании статьи были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный и историко-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В Фонограммархиве хранятся полевые научные материалы, собранные специалистами института начиная с 1930–1940-х гг.: образцы речи, фольклорные произведения, а также сведения о культуре и быте народов, проживающих в Республике Карелия и соседних регионах. В статье рассмотрены коллекции аудиоматериалов на ливвиковском наречии карельского языка, которые были собраны на территории Южной Карелии в Олонецком, Пряжинском, Суоярвском, Питкярантском районах. Они содержат не только образцы речи, но и некоторые данные по этнографии, топонимике, фольклору и имеют большую научную, культурную и историческую ценность. Часть материала ливвиковской коллекции (диалектные и фольклорно-этнографические материалы) представлена в статье в виде таблиц, которые помогут пользователям ориентироваться в ней. Источник может быть полезен для широкого круга специалистов: этнографов, языковедов, фольклористов, историков.

Заключение. Коллекции ливвиковских диалектных и фольклорно-этнографических материалов Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН включают в себя ценный лингвистический, фольклорный и этнографический материал. Нами рассмотрена небольшая часть уникального материала, хранящегося в архиве. Цифровизация архивных и полевых аудиообразцов карельской речи в формате речевого корпуса поможет в дальнейшем упростить обработку и хранение материалов, позволит ввести в научный оборот и разместить в открытом доступе аудиоматериалы, отражающие состояние карельских и вепсских диалектов начиная с середины прошлого столетия.

Ключевые слова: ливвиковское наречие, карельский язык, аудиоматериалы, Фонограммархив, образцы речи, фольклорно-этнографический материал

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20215 «Создание речевого корпуса прибалтийско-финских языков Карелии», проводимого совместно с органами власти Республики Карелия с финансированием из Фонда венчурных инвестиций Республики Карелия (ФВИ РК).

Для цитирования: Родионова А. П., Пашкова Т. В. Коллекции ливвиковских диалектных материалов Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 189–199. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.189-199.

Введение

В Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН) хранятся полевые научные материалы, собранные специалистами института начиная с 1930–1940-х гг. В первую

очередь это образцы речи, фольклорные произведения, а также сведения о культуре и быте народов, проживающих в Республике Карелия, Республике Коми, Архангельской, Тверской, Вологодской, Мурманской областях и др. В настоящий

момент фонд насчитывает 4 115 ед. хр. в формате аудио и 740 ед. хр. видео [11, 291]. В Фонограммархиве хранится 450 ч вепских и около 3 000 ч карельских записей. Самый большой фонд архива составляют записи, производившиеся в районах проживания карел. В ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН представлены все три основных наречия карельского языка: собственно карельское, ливвиковское и людиковское.

Первыми собирателями карельского материала в 1950-е гг. стали В. Я. Евсеев, Л. В. Суни, У. С. Конкка, С. Н. Кондратьева и др.; в 1960-е гг. он был зафиксирован А. С. Степановой, Э. С. Киуру, Х. П. Кабановой, А. П. Баранцевым, В. Д. Ряговым, Т. И. Вяйзинен, А. А. Митрофановой, Т. А. Коскии и др. Исследователями были записаны разнообразные по содержанию данные. Г. Н. Макаров собирал этнографические, фольклорные и языковые сведения, пословицы и поговорки. В 1958 г. М. И. Муллонен записала языковой материал у тверских карел. Карельский этнографический материал начала собирать в 1962 г. Р. Ф. Тароева (Никольская). В конце 1960-х гг. образцы речи у тверских карел фиксировала А. В. Пунжина, у тихвинских – В. Д. Рягов. В 1970-е гг. активную собирательскую работу среди северных карел вели Н. А. Лавонен, Р. П. Ремшуева, Н. Ф. Онегина и др. [9, 339].

В статье рассмотрены некоторые коллекции аудиоматериалов, которые были собраны на территории Южной Карелии в Олонецком и Пряжинском районах, а также в районе Приладожья начиная с 1940-х гг. Ливвиковская коллекция бесспорно имеет большую научную, культурную и историческую ценность. Она включает в себя не только образцы речи, но и некоторые данные по этнографии, топонимике, фольклору и т. д. Часть материала ливвиковской коллекции представлена в статье в виде таблиц, которые помогут пользователям ориентироваться в ней. Источник может быть полезен для широкого круга специалистов: этнографов, языковедов, фольклористов, историков.

Обзор литературы

Авторы обращаются к описанию диалектных и фольклорно-этнографических коллекций, собранных учеными Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в разные годы и хранящихся в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ранее исследования по истории формирования и фондам Фонограммархива ИЯЛИ и Научного архива КарНЦ были представлены прежде всего в трудах ученых сектора фольклористики и литературоведения [2; 4; 7–11]. Обзору тверских карельских и людиковских аудиоматериалов были посвящены работы языковедов ИЯЛИ КарНЦ РАН [12; 15]. В нашей статье мы попытаемся описать коллекции ливвиковских материалов, хранящиеся в Фонограммархиве института.

Материалы и методы

Исследование выполнено с применением описательного, сравнительно-сопоставительного и историко-хронологического методов. Материал ливвиковской коллекции для анализа извлечен методом сплошной выборки из описей материалов на карельском языке, размещенных на сайте ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН хранится крупнейшая в России коллекция аудиозаписей, произведенных сотрудниками института в ходе работы экспедиций в места компактного проживания карел Республики Карелия, Тверской, Ленинградской и Мурманской областей [12, 41].

Первые записи фольклорно-этнографического и языкового материала на территории проживания карел-ливвиков стали осуществляться в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Одним из первых собирателей была Гордеева¹, посетившая с этой целью в 1940 г. д. Котчура (информант Н. Г. Гречнева) и Вешкелица

¹ В описи не указаны инициалы.

(информант П. Р. Чаккиев) Пряжинского района (ед. хр. 3126, 3127)².

В 1940-е гг. известный фольклорист, финно-угровед В. Я. Евсеев записал на магнитофон южнокарельскую сказительницу и рунопевицу А. Ф. Никифорову, уроженку д. Эльмитозеро Кондопожского района, исполнявшую эпические песни, причитания, лирические песни, частушки (ед. хр. 5). Повторные записи от нее ученый сделал в 1952 и 1953 гг. (ед. хр. 16, 20). Кроме А. Н. Никифоровой В. Я. Евсеев записывал и других исполнителей, в частности в 1948 г. А. Е. Киброеву, уроженку д. Вешкелицы Пряжинского района (ед. хр. 4), в 1950-е гг. П. П. Иванову, уроженку д. Ведлозеро того же района (ед. хр. 207). Вместе с В. Я. Евсеевым сбором материала в с. Ведлозеро, Крошноезеро, п. Эссоила Пряжинского района занимались Л. В. Суни, И. В. Сало, Т. И. Вяйзинен (ед. хр. 17, 107, 110 и др.).

В 1960-е гг. исследователь карельского языка и культуры Г. Н. Макаров в д. Маясельга Пряжинского района записал бытовые рассказы (ед. хр. 818), а в окрестностях Олонца (д. Самбатукса), откуда сам был родом, – песни, частушки, свадебные плачи (ед. хр. 85). В 1968 г. он побывал в различных деревнях Коткозерского сельского поселения Олонецкого района, где записывал на магнитофон этнографический, фольклорный и языковой материал, собирал пословицы и поговорки (ед. хр. 146, 220–222) и многое другое³. Впоследствии именно собранный Г. Н. Макаровым во время ежегодных экспедиций материал (табл. 1) стал основой для составления регионального Словаря ливвиковского диалекта карельского языка, изданного в 1990 г., уже после смерти автора⁴.

Ливвиковские диалектные и фольклорно-этнографические материалы ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН

Магнитофонные записи на территории Южной Карелии осуществлялись и другим известным ученым-лингвистом В. Д. Ряговым. В ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН хранятся его записи, собранные в деревнях Пряжинского района: в Колатсельге в 1964 г. (ед. хр. 457, 458, 460–462), Мишиной Сельге (ед. хр. 716–718), Ершнаволоке (ед. хр. 720–723), Угмойле (ед. хр. 694–697), Корзе (ед. хр. 697–699) и др. в 1966 г., а также в с. Вешкелица Суоярвского района (ед. хр. 529–544) в 1965 г. и в д. Сяргилахта Пряжинского района (ед. хр. 1291) в 1970 г.⁵ (табл. 2).

Большая часть зафиксированных в полевых условиях аудиозаписей была впоследствии расшифрована и опубликована в образцах речи⁶, позднее эти записи были оцифрованы и размещены на платформе Открытого корпуса вепского и карельского языков (ВепКар)⁷.

Территория проживания карел-ливвиков привлекала и других известных ученых, работавших в ИЯЛИ КарНЦ РАН. Так, в 1968 г. экспедиционные выезды в Пряжинский район (п. Эссоила, д. Сямозеро) совершила Н. Ф. Онегина (ед. хр. 991–993, 994–995). В 1960–1969 гг. в деревни Олонецкого и Пряжинского районов неоднократно выезжала У. С. Конкка (ед. хр. 997–1001). Во время поездок в Олонец и его окрестности, в том числе совместно с М. Ф. Пахомовой, ею были записаны сказки, причитания, песни. Фольклорно-этнографические записи проводились У. С. Конкка в 1968 г. (ед. хр. 991–995). Целью этих экспедиций в первую очередь был сбор сказок и причитаний. Изучением топонимики на территории Олонецкого и Пряжинского райо-

² URL: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=16>; Описание материалов на карельском языке. URL: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=71> (дата обращения: 24.04.2023). Далее обзор материалов ФА ИЯЛИ РАН дается в тексте по этому источнику.

³ URL: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=32> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ См.: Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

⁵ URL: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=32> (дата обращения: 24.04.2023).

⁶ См.: Макаров Г. Н., Рягов В. Д. Образцы карельской речи: говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л., 1969; Näyteitä karjalan kielestä I. Joensuu; Petrozavodsk, 1994.

⁷ URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4437>; <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4369>; <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1582> (дата обращения: 24.04.2023) и др.

Таблица 1. Диалектный материал Г. Н. Макарова (выборка)
Table 1. The dialect material of G. N. Makarov (samples)

Единица хранения / Storage unit	Название / Name	Информант / Source	Год записи / Year of recording	Место записи / Place of recording
87/1	Častuški (Частушки) / Sung couplets	Группа женщин / A group of women	1959	Самбатукса / Sambatuxa
84/4	Häätiku (kylyvirzi) (Свадебный плач в бане) / Wedding cry in the bath	Н. Кузьмина, 63 г. / N. Kuzmina, 63 y. o.	1959	Самбатукса / Sambatuxa
87/7	“Kolme tytärtä” – starina (Сказка «Три дочери») / Fairy tale “Three daughters”	Группа женщин / A group of women	1959	Самбатукса / Sambatuxa
145/5	Ongela konzu lähten (Когда на рыбалку пойду) / When going fishing	В. А. Кириллов / V. A. Kirillov	1961	Верхний Олонец / Upper Olonets
146/2	Suutku-Griiššu (Сказка «Шут Гришка») / Fairy tale “Grishka, the Jester”	П. М. Ершова / P. M. Ershova	1961	Коткозеро / Kotkozero
146/4	Taloi on hyvä, bohattu taloi (Дом – хороший, богатый дом) / House – a good, rich house	П. М. Ершова / P. M. Ershova	1961	Коткозеро / Kotkozero
220/1	Kui oravua suadih... (Как белок ловили...) / When catching squirrels...	И. Н. Иванов, 1901 г. р. (ур. Ребойсельга) / I. N. Ivanov, born in 1901 (in Reboyselga)	1956	Коткозеро / Kotkozero
221/4	Kui nähtih kondieta (Как медведя видели) / When meeting a bear	С. Ф. Григорьева / S. F. Grigorieva	1963	Самбатукса / Sambatuxa
221/8	Vedehine oli Kuitižen joves (Водяной был в Куйтежской реке) / Vodyanoy was in the Kuitezhskaya river	С. Ф. Григорьева / S. F. Grigorieva	1963	Самбатукса / Sambatuxa
222/5	Häätiku (Свадебный плач: невеста плачет после рукобитья) / Wedding cry: the bride cries after the handshake ritual	С. Ф. Григорьева / S. F. Grigorieva	1963	Самбатукса / Sambatuxa
818-821/1	Бытовой рассказ (по-карельски), образцы говора / Everyday story (in Karelian), samples of dialect	П. Н. Макеева / P. N. Makeeva	1966	Маясельга / Mayaselga
1122/1	Рассказ о первых жителях д. Печная Сельга (Vas'oi) / The story of the first inhabitants of the village Pechnaya Selga	А. П. Аникиев, 62 г. / A. P. Anikiev, 62 y. o.	1968	Печная Сельга / Pechnaja Selga
1124/2	О жизни в деревне, о семье, крестьянских занятиях / About life in the village, family, peasant occupations	Е. И. Сергеева, 87 л. / E. I. Sergeeva, 87 y. o.	1968	Печная Сельга / Pechnaja Selga
1124/6	Уход за скотом / Livestock care	М. И. Сергеева, 78 л. / M. I. Sergeeva, 78 y. o.	1968	Мегрозеро / Megrozero
1124/7	Работа на лесозаготовках / Work in logging	М. И. Сергеева, 78 л. / M. I. Sergeeva, 78 y. o.	1968	Мегрозеро / Megrozero

нов активно занималась Н. Н. Мамонтова. На протяжении почти десятилетнего периода (1971–1978 гг.) ею были обследованы окрестности Олонца (д. Мегрега, Обжа, Самбатукса и др.) (ед. хр. 1650) и некоторые населенные пункты Пряжинского района (с. Ведлозеро, д. Койвусельга) (ед. хр. 2400–2410). В 1980-е гг. она возобновила сбор топонимики в Пряжинском районе в д. Колатсельга (ед. хр. 2898–2902, 2911–2912), Палалахта (ед. хр. 2909–2910), Савиново (ед. хр. 2985–2987), Ламбисельга (ед. хр. 2974). В 1972 г. в

фольклорно-этнографические экспедиции в д. Судалица (ед. хр. 1682–1683), Куйтежа (ед. хр. 1687–1691), Мегрега (ед. хр. 1691) Олонецкого района выезжали Н. А. Лавонен и А. С. Степанова и т. д.⁸

В настоящий момент сбор ливвиковского материала активно продолжается. Во время ежегодных экспедиций в места локального проживания карел-ливвиков отправляются записывать материал сотрудники сектора фольклористики и литературоведения В. П. Миронова, Л. И. Иванова, М. В. Кундозерова и др.

⁸ URL: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=32> (дата обращения: 24.04.2023).

Таблица 2. Диалектный материал В. Д. Рягоева (выборка)
Table 2. The dialect material of V. D. Ryagoev (samples)

Единица хранения / Storage unit	Название / Name	Информант / Source	Год записи / Year of recording	Место записи / Place of recording
457/1	О Гражданской войне / About the Civil war	В. Я. Редькин, 1901 г. р. / V. Ya. Redkin, born in 1901	1964	Колатсельга / Kolatselga
457/2	О том, как нанимались в батраки / How they were hired as laborers	М. Б. Рягоев, 1908 г. р. / M. B. Ryagoev, born in 1908	1964	Колатсельга / Kolatselga
460/2	Взяли моего мужа на войну / They took my husband to war	И. Ф. Ларионова, 1895 г. р. / I. F. Larionova, born in 1895	1964	Колатсельга / Kolatselga
461/3	Какие праздники праздновали раньше / What holidays were celebrated in the past	П. Н. Агафонова / P. N. Agafonova	1964	Колатсельга / Kolatselga
718/38	Mibo se on ruskičču? (Что такое краснуха?) / What is rubella?	Е. Т. Уткина / E. T. Utkina	1966	Мишин Сельга / Mishin Selga
719/11	Istuu ku ad'vo? Mide znaačči? (Сидит, как в гостях. Что означает?) / Acting like a guest. What does it mean?	П. В. Павлова / P. V. Pavlova	1966	Мишин Сельга / Mishin Selga
720/5	Oligo enne kalanostajaa? (Был ли раньше покупатель рыбы?) / Was there a fish buyer before?	В. С. Быков / V. S. Bykov	1966	Ершнаволок / Ershnavolok
720/6	Sano venehen laindu (Как лодку изготавливали) / How the boat was made	В. С. Быков / V. S. Bykov	1966	Ершнаволок / Ershnavolok
531/3	Eletti ukko da akku (Жили дед да баба) / Once upon a time, there was a grandfather and a grandmother	Е. В. Никонова / E. V. Nikonova	1965	Вешкелицы / Veshkelitsy
695/2	Kuzbo mečäs elittö? (Где в лесу жили?) / Where did you live in the forest?	А. И. Нестеров / A. I. Nesterov	1966	Угмойла / Ugmoila
695/15	Mi se on tönčöi? (Что такое брусника с толокном?) / What is lingonberry with oatmeal?	А. М. Смирнова / A. M. Smirnova	1966	Угмойла / Ugmoila
697/11	Kui kuvottih kangastu? (Как плотно ткали?) / How was the fabric woven?	М. Т. Калинина / M. T. Kalinina	1966	Корза / Korza
697/19	Kylvetihgo meččäh nagristu? (Сеяли ли репу в лесу?) / Did they sow turnips in the forest?	М. Т. Калинина / M. T. Kalinina	1966	Корза / Korza
1291/1	Suutkeilikas mužikku (Шутливый мужик) / A jokey guy	А. Ф. Чеснокова, 75 л. / A. F. Chesnokova, 75 y. o.	1970	Сяргилахта / Syargilakhta
1291/3	Sie on mužikku (Там мужик) / There's a man over there	А. Ф. Чеснокова, 75 л. / A. F. Chesnokova, 75 y. o.	1970	Сяргилахта / Syargilakhta

Следует отметить, что в отличие от ливвиковской коллекции аудиоматериалов, значительная часть которых не расшифрована и не переведена, а многие записи всё еще не опубликованы и крайне нуждаются в оцифровке [15, 69], ливвиковская коллекция представлена в более выгодном свете. Исследователями была охвачена большая часть ливвиковских населенных пунктов, собранные материалы преимущественно были расшифрованы и опубликованы в сборниках образцов речи и оцифрованы.

Фонограммархив как источник этнографического материала

Описи Фонограммархива бесспорно можно считать уникальным источником при исследовании, например этнографического материала. В описях можно найти зафиксированные специалистами по фольклору и этнографии в полевых усло-

виях записи с упоминаниями необходимых исследователям-этнографам тех или иных номинаций. Помимо диалектных словарей описи ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН являются проверенным и достоверным источником для сбора этнографического материала. Так, к вопросу образования карелоязычных именований знахаря (колдуна) исследователи обращались неоднократно. Чаще всего это были научные труды этнографической направленности, в которых упомянутый образ был всесторонне представлен с указанием лексем, употребляемых для его обозначения в карельском языке [3; 5; 13; 16–19]. Рассмотрим в качестве примера диалектизмы, связанные с наименованием «знахарь» на карельском языке [14, 135]. В описях можно обнаружить, что данное понятие во всех карельских коллекциях встречается достаточно часто: *tietäjä* (более 50 упоминаний), *tiedäjä* (более 40),

**Таблица 3. Именования знахаря и колдуна
в ливвиковской коллекции Фонограммархива (выборка)**

Table 3. Names of the healer and sorcerer in Livvic collection of Phonogramm Archive (samples)

Единица хранения / Storage unit	Название / Name	Информант / Source	Год записи / Year of recording	Место записи, собиратель / Place of recording, collector
3303/8	Suuret tiedäjät (Великие колдуны / знахари) / Great sorcerers / male healers	М. А. Фадеева / M. A. Fadeeva	1994	Колатсельга, Л. И. Иванова / Kolatselga, L. I. Ivanova
3369/14	Oligo tiedäjä? (Были ли знахари?) / Did healers exist?	А. Ф. Трифонова / A. F. Trifonova	1997	Колатсельга, А. С. Степанова / Kolatselga, A. S. Stepanova
3630/22	Buaboi tiezi äijän, oli hyvä tiedäjä (Бабушка много знала, была хорошей знахаркой) / The Grandmother knew a lot, was a good healer	А. Ф. Семукова / A. F. Semukova	2001	Куйтежа, А. С. Степанова, М. А. Михайлова / Kuitezha, A. S. Stepanova, M. A. Mikhailova
3631/12	Kui tiedäjä andau tiedovuot toizil (Как знахарь передает свои знания другим) / How a healer pass on his knowledge to others	Н. Д. Михайлова / N. D. Mikhailova	2001	Видлица, А. С. Степанова, М. А. Михайлова / Vidlitsa, A. S. Stepanova, M. A. Mikhailova
704/11	Enne oli tiedoiniekkaa (Раньше были знахари) / There used to be healers in the past	П. В. Амосова / P. V. Amosova	1966	Рубчейла, В. Д. Рягов / Rubcheila, V. D. Ryagoev
3303/89	Tiedoiniekkku svoad'bas (Знахарь на свадьбе) / A healers at the wedding	А. Я. Власова / A. Ya. Vlasova	1994	Колатсельга, Л. И. Иванова / Kolatselga, L. I. Ivanova
3303/91	Kui lehmeä liečči tiedoiniekkku (Как знахарь лечил корову) / How the healer treated the cow	А. Я. Власова / A. Ya. Vlasova	1994	Колатсельга, Л. И. Иванова / Kolatselga, L. I. Ivanova
3303/93	Tiedoiniekat jugieh kuoltah (Знахари умирают тяжело) / The healers die hard	А. Я. Власова / A. Ya. Vlasova	1994	Колатсельга, Л. И. Иванова / Kolatselga, L. I. Ivanova
3324/5	Tiedoiniekat oltih Hetin talossa (Знахари были в доме Хети) / The healers were in Heti's house	Т. В. Воронова / T. V. Voronova	1996	Соддер, Н. А. Лавонен, И.-Р. Ярвинен, Т. Утриайнен / Sodder, N. A. Lavonen, I.-R. Järvinen, T. Utriainen
3358/8	Papit käydih tiedoiniekkoih (Попы ходили к знахарям) / Priests went to healers	Ф. П. Егоров / F. P. Egorov	1997	Ведлозеро, Л. И. Иванова / Vedlozero, L. I. Ivanova
3364/3	Tiedoiniekkoa ei stolah pandu (Знахаря за стол не садят) / The healer is not seated at the table	М. Ф. Егорова / M. F. Egorova	1997	Ведлозеро, Л. И. Иванова / Vedlozero, L. I. Ivanova
3418/8	Tiedoiniekat (Знахари) / Healers	М. П. Волкова, С. Л. Волков / M. P. Volkova, S. L. Volkov	1999	Эссойла, Л. И. Иванова В. П. Миронова / Essoila, L. I. Ivanova, V. P. Mironova
3430/25	Tiedoiniekkaja oli (Знахари были) / The healers did exist	А. Т. Фотеева, В. А. Фотеев / A. T. Foteeva, V. A. Foteev	1999	Корза, Л. И. Иванова В. П. Миронова / Korza, L. I. Ivanova, V. P. Mironova
3429/7	Kurmoilas, Meloilas; Pavsoilas oldih suuret koldunat (В Курмойле, Мелойле и Павшойле были великие колдуны) / There were great sorcerers in Kurmoil, Meloil and Pavshoil	М. Ф. Нестерова / M. F. Nesterova	1999	Эссойла, Л. И. Иванова, В. П. Миронова / Essoila, L. I. Ivanova, V. P. Mironova

tiedäi (5), *kolduna* (более 20), *tiedoiniekkku* (более 100), упоминания *jeretniekka* (3) и *rautahampahain'i* (1) единичны⁹.

Обратившись к ливвиковской коллекции (табл. 3), можно обнаружить, что наименование *tiedäi* встречается в записях, зафиксированных на территориях проживания карел-ливвиков в с. Видлица и д. Куйтежа (Олонецкий район), с. Колатсельга (Пря-

жинский район) (ед. хр. 3303, 3369, 3630, 3631). Более распространенным наименованием знахаря среди карел-ливвиков является *tiedoiniekkku*, которое было зафиксировано исследователями в следующих населенных пунктах: д. Рубчейла, п. Эссойла, д. Корза, д. Сямозеро, с. Ведлозеро, д. Улялега, п. Соддер, с. Колатсельга (Пряжинский район), д. Куйтежа, с. Видлица (Олонецкий

⁹ URL: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=71> (дата обращения: 24.04.2023).

район), с. Вешкелицы (Суоярвский район) (ед. хр. 704, 3303, 3324, 3358, 3364, 3303, 3418, 3430 и др.). Наименование *kolduna* зафиксировано среди карел-ливвиков в п. Эс-сойла (Пряжинский район) (ед. хр. 3429).

Благодаря уникальным коллекциям, которые в разные годы были собраны и расшифрованы сотрудниками ИЯЛИ, подготовлены фундаментальные исследования в области языкознания, фольклористики, этнографии. На основе материалов архива составлены и изданы словари, опубликованы образцы речи и многочисленные сборники фольклорных произведений.

В условиях цифровизации научного знания языковеды Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН совместно с научными сотрудниками Института прикладных математических исследований (ИПМИ) КарНЦ РАН в 2016 г. занялись разработкой нового направления: созданием интернет-ресурса «Открытый корпус вепсского и карельского языков»¹⁰. Корпус ВепКар является многофункциональным, так как содержит большое количество инструментов, позволяющих языковедам успешно использовать этот ресурс в своих исследованиях. В настоящее время размещено более 4,7 тыс. текстов на 52 диалектах карельского и вепсского языков, словари и компьютерные программы для обработки, поиска и представления данных. Основу корпуса составляют письменные тексты различных жанров и типов, созданные начиная с XIX столетия [1, 103; 6, 289; 20, 30; 21, 48]. В дальнейшем цифровизация архивных и полевых аудиообразцов карель-

ской речи сможет упростить обработку и хранение материалов, позволит ввести в научный оборот и разместить в открытом доступе аудиоматериалы, отражающие состояние карельских диалектов. Для того чтобы уникальные лингвистические и фольклорно-этнографические материалы стали доступны для широкой аудитории, сотрудниками ИЯЛИ и ИПМИ КарНЦ РАН был создан Речевой корпус прибалтийско-финской речи, который представляет собой собрание звучащих текстов на разных диалектах карельского и вепсского языков, снабженных транскрипцией, разметкой и переводом на русский язык¹¹.

Заключение

Ливвиковская коллекция ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН включают в себя не только ценный лингвистический, но и фольклорный и этнографический материал. Нами представлена небольшая часть уникальных данных, хранящихся в архиве. Цифровизация архивных и полевых аудиообразцов карельской речи в формате речевого корпуса поможет в дальнейшем упростить обработку и хранение записей, позволит ввести в научный оборот и разместить в открытом доступе аудиоматериалы, отражающие состояние карельских диалектов начиная с середины прошлого столетия. Пополнение речевого корпуса уникальными аудиоматериалами Фонограммархива предоставит возможность широкому кругу пользователей не только увидеть, но и услышать карельскую речь, познакомиться с карельской культурой и бытом.

¹⁰ URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru> (дата обращения: 24.04.2023).

¹¹ URL: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/speech_corpus (дата обращения: 24.04.2023).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко Т. П., Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б., Крижановский А. А., Новак И. П., Пеллинен Н. А., Родионова А. П., Трубина Е. Д. Лингвистический корпус ВепКар – «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2021. № 7. С. 100–115. DOI: 10.17076/them1415.
2. Иванова Л. И. Архивная коллекция записей экспедиции 1956 года в Северную Карелию: (по материалам прибалтийско-финского фольклорного фонда Научного архива КарНЦ РАН) // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов: материалы VI науч.-практ. семинара. Петрозаводск, 2013. С. 46–57.
3. Иванова Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. 2012. № 4. С. 68–73.

4. Иванова Л. И. Материалы Г. Х. Богданова по фольклору и этнографии карелов в Научном архиве КарНЦ РАН // Федосовские чтения: материалы науч.-практ. краевед. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой. Петрозаводск, 2017. С. 158–165.
5. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы = Karjalazien mifolougizien kerdomuksien haldiet: исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012. Ч. 1. 557 с.
6. Крижановский А. А., Крижановская Н. Б., Новак И. П. Представление диалектов в Открытом корпусе вепсского и карельского языков (ВепКар) // Корпусная лингвистика – 2019: тр. Междунар. конф. СПб., 2019. С. 288–295.
7. Кузнецова В. П. Создание электронного научного фонда по фольклорному архиву Института ЯЛИ КарНЦ РАН // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 153–156.
8. Кузнецова В. П. Формирование фондов фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, проблемы их сохранения и систематизации // Кижский вестник. Петрозаводск, 2017. Вып. 17. С. 185–192.
9. Кузнецова В. П., Марковская Е. В. Фольклорный архив и историческая действительность (на материалах архивов Института ЯЛИ КарНЦ РАН) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 338–357. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-4-338-357.
10. Кузнецова В. П., Марковская Е. В., Герасимов Ф. С. Электронные ресурсы по фольклору Института ЯЛИ КарНЦ РАН // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов: материалы V науч.-практ. семинара. Петрозаводск, 2012. С. 9–14.
11. Миронова В. П., Лызлова А. С., Иванова Л. И. Электронно-информационные формы сохранения, доступности и популяризации архивных материалов // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 289–300. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-289-300.
12. Новак И. П. Коллекция тверских карельских диалектных материалов в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 41–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.566.
13. Пашкова Т. В. Наименования, классификация и социальный портрет знахаря в карельской среде // Финно-угорский мир. 2016. № 1. С. 38–42.
14. Пашкова Т. В., Родионова А. П. Именования знахаря и колдуна в карельском этноязыковом пространстве // Вестник угроведения. 2023. Т. 13, № 1. С. 134–142. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-1-134-142.
15. Родионова А. П. О коллекциях людиковских диалектных материалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.818.
16. Сурхаско Ю. Ю. Карельские колдуны // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989. С. 93–101.
17. Титова М. А. Карельский ведун “tiedoi-niekku”: социально-психологический портрет (на южно-карельском материале) // Бубриховские чтения: проблемы исслед. и преподавания прибалт.-фин. филологии: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 288–297.
18. Фишман О. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизненный цикл. Петрозаводск, 1994. С. 132–143.
19. Kolosova V., Pashkova T., Muslimov M., Sõukand R. Historical review of ethnopharmacology in Karelia (1850s–2020s): Herbs and healers // Journal of Ethnopharmacology. 2022. Vol. 282. DOI: 10.1016/j.jep.2021.114565.
20. Boyko T., Zaitseva N., Krizhanovskaya N., Krizhanovsky A., Novak I., Pellinen N., Rodionova A. The Open corpus of the Veps and Karelian languages: overview and applications // KnE Social Sciences. Integration processes in the Russian and International Research Domain: experience and prospects. 2022. P. 29–40. URL: <https://knepublishing.com/index.php/KnE-Social/article/view/10419>.
21. Krizhanovskaya N., Novak I., Krizhanovsky A., Pellinen N. Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs // Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 47–78.

Поступила 05.02.2023; одобрена 28.02.2023; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. П. Родионова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, santrar@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5645-9441>

Т. В. Пашкова – доктор исторических наук, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Collections of Livvic dialectal materials in the Phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Aleksandra P. Rodionova

Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Tatyana V. Pashkova

Petrozavodsk State University,

Petrozavodsk, Russia

Introduction. The article presents the overview of the Livvic dialectal audio materials stored in the Phonogram Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science (Petrozavodsk).

Materials and Methods. The article is based on the digital information resources, folklore-ethnographic and linguistic data obtained in the ILLH KarRC RAS archives. The research was carried out using descriptive, comparative, historical and chronological methods.

Results and Discussion. The Institute's Phonogram Archive stores field materials which have been collected by the Institute's specialists since the 1930s. These are speech samples, folklore works, as well as information about the culture and life of the peoples living in the Republic of Karelia, and neighboring regions. The article considers collections of audio materials in the Livvic dialect of the Karelian language, which were collected on the territory of South Karelia in the Olonetsian, Pryazha's, Suoyarvi's, Pitkyaranta's districts. They include not only speech samples, but also some data on ethnography, toponymy, folklore, etc. Part of the material from the Livvic collection (dialect and folklore-ethnographic materials) is presented in the article as the tables that help navigate it. It can be useful for a wide range of specialists: ethnographers, linguists, folklorists, historians.

Conclusion. The collections of Livvic dialect and folklore-ethnographic materials of the Phonogram Archive of the ILLH of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences include valuable linguistic, folklore and ethnographic material. The authors have presented a small part of the unique material stored in the archive. Digitization of archival and field audio samples of Karelian speech in the format of a speech corpus can further simplify the processing and storage of materials, can make it possible to introduce into academic and research environment and make available the unique audio materials which reflect the state of Karelian and Vepsian dialects since the middle of the last century.

Keywords: Livvic dialect, the Karelian language, audio materials, Phonogram Archive of the KarRC RAS Institute of Linguistics, Literature and History, speech samples, folklore-ethnographic material

Acknowledgments: The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No. 22-28-20215 "Creation of the speech corpus of the Baltic-Finnic languages of Karelia" implemented in cooperation with Karelia's authorities and financed from the Venture Capital Fund of the Republic of Karelia.

For citation: Rodionova AP, Pashkova TV. Collections of Livvic dialectal materials in the Phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:189–199. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.189-199.

REFERENCES

1. Boyko TP, Zaitseva NG, Krizhanovskaya NB, Krizhanovsky AA, Novak IP, Pelinen NA, Rodionova AP, Trubina ED. The linguistic corpus VepKar is a language refuge for the Baltic-Finnish languages of Karelia. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science. 2021;7:100–115. (In Russ.). DOI: 10.17076/them1415.
2. Ivanova LI. Archival collection of records of the 1956 expedition to North Karelia: *Finno-Ugric World*. 2023. Vol. 15, no. 2

- (based on the materials of the Baltic-Finnish folklore fund of the Scientific Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences). *Metodika polevykh rabot i arkhivatsiia fol'klornykh, lingvisticheskikh i etnograficheskikh materialov: materialy VI nauch.-prakt. seminara* = Methods of field work and archiving of folklore, linguistic and ethnographic materials: materials of the VI scientific and practical seminar. Petrozavodsk; 2013:46–57. (In Russ.)
3. Ivanova LI. The forest nose: archaic ideas of Karelians about disease, and magical loci of the healing rite. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Gumanitarnye issledovaniia* = Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science. Humanities Studies. 2012;4:68–73. (In Russ.)
 4. Ivanova LI. Materials of G. Kh. Bogdanov on folklore and ethnography of the Karelians in the Scientific Archive of the KarRC RAS. *Fedosovskie chteniia: materialy nauch.-prakt. kraeved. konf., posviashch. 190-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Fedosovoi.* = Fedosovsky readings. Materials of the scientific and practical local history conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I. A. Fedosova. Petrozavodsk; 2017:158–165. (In Russ.)
 5. Ivanova LI. Characters of Karelian mythological prose = Karjalazien mifologizien kerdomuksien haldiet: researches and texts of tales, stories, beliefs and beliefs of Karelians. Moscow; 2012;1. (In Russ.)
 6. Krizhanovsky AA, Krizhanovskaya NB, Novak IP. Dialects in Open corpus of Veps and Karelian languages (VepKar). Corpus Linguistics – 2019. Proceedings of the International conference. Saint-Petersburg; 2019:288–295. (In Russ.)
 7. Kuznetsova VP. Creation of an electronic scientific fund for the folklore archive of the Institute of Language, Literature and History of the KarRC RAS. *Kizhskii vestnik* = Kizhi Bulletin. Petrozavodsk; 2009;12:153–156. (In Russ.)
 8. Kuznetsova VP. Formation of the funds of the phonogram archive of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, problems of their preservation and systematization. *Kizhskii vestnik* = Kizhi Bulletin. Petrozavodsk; 2017;17:185–192. (In Russ.)
 9. Kuznetsova VP, Markovskaya EV. Folklore archive and historical reality (based on the archive materials of the Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Center RAS). *Studia Litterarum*. 2020;5:4:338–357. (In Russ.). DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-4-338-357.
 10. Kuznetsova VP, Markovskaya EV, Gerasimov FS. Electronic resources on folklore of the Institute of Language, Literature and History of the KarRC RAS. *Polevye issledovaniia i arkhivatsiia fol'klornykh i etnograficheskikh materialov: materialy V nauch.-prakt. seminara* = Field research and archiving of folklore and ethnographic materials. Materials of the V scientific-practical seminar. Petrozavodsk; 2012:9–14. (In Russ.)
 11. Mironova VP, Lyzlova AS, Ivanova LI. Digital information forms of archival material preservation, availability and popularization. *Vestnik arhivista* = Herald of an Archivist. 2021;1:289–300. (In Russ.). DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-289-300.
 12. Novak IP. Collection of Tver Karelian materials in the Phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2021;43;1:41–51. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2021.566.
 13. Pashkova TV. Names, classification and social portrait of a healer in the Karelian environment. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016;1:38–42. (In Russ.)
 14. Pashkova TV, Rodionova AP. Names of a healer and a sorcerer in the Karelian ethno-linguistic space. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2023;13;1:134–142. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-1-134-142.
 15. Rodionova AP. Collections of Ludic dialectal materials in the Phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2022;44;7:64–70. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2022.818.
 16. Surkhasko IuIu. Karelian sorcerers. *Uchashchimsia o religii i ateizme* = Students about religion and atheism. Petrozavodsk; 1989:93–101. (In Russ.)
 17. Titova MA. Karelian sorcerer “tiedoinieku”: socio-psychological portrait (based on South Karelian material). *Bubrikhovskie chteniia: problemy issled. i prepodavaniia pribalt.-fin. filologii: sb. nauch. st.* = Bubrikh readings: problems of research and teaching of the Baltic-Finnish philology. Collection of scientific articles. Petrozavodsk; 2005:288–297. (In Russ.)
 18. Fishman O. “Father” and sorcerers: lifestyles of the Karelian old believer community. *Obriady i verovaniia narodov Karelii: Chelovek i ego zhiznennyi tsikl* = Rituals and beliefs of the peoples of Karelia: Man and

- his life cycle. Petrozavodsk; 1994:132–143. (In Russ.)
19. Kolosova V, Pashkova T, Muslimov M, Sõukand R. Historical review of ethnopharmacology in Karelia (1850s–2020s): Herbs and healers. *Journal of Ethnopharmacology*. 2022;282. DOI: 10.1016/j.jep.2021.114565.
 20. Boyko T, Zaitseva N, Krizhanovskaya N, Krizhanovsky A, Novak I, Pellinen N, Rodionova A. The Open corpus of the Veps and Karelian languages: overview and applications. *KnE Social Sciences. Integration processes in the Russian and International Research Domain: experience and prospects*. 2022;29–40. URL: <https://knepublishing.com/index.php/KnE-Social/article/view/10419>.
 21. Krizhanovskaya N, Novak I, Krizhanovsky A, Pellinen N. Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs. *Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2022;13;2:47–78.

Submitted 05.02.2023; reviewing 28.02.2023; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. P. Rodionova – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, santrar@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5645-9441>

T. V. Pashkova – Doctor of History, Head of Department of Baltic-Finnic Philology, Petrozavodsk State University, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Международное десятилетие языков коренных народов: история становления, правовые основы, механизмы реализации

Василий Николаевич Немечкин

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Основной задачей данной статьи является исследование историко-правовых аспектов становления Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.), провозглашенного Генеральной Ассамблеей ООН, а также анализ документов, устанавливающих правовые основы и механизмы реализации данного десятилетия.

Материалы и методы. Методика исследования базируется на системном подходе. Автором применялись общенаучные (системный, анализ и синтез) и частнонаучные (историко-правовой, формально-юридический) методы познания. Материалом послужили основные международно-правовые документы, посвященные Международному десятилетию языков коренных народов. В ходе написания данной статьи был изучен широкий круг нормативных источников.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье рассматриваются исторические этапы становления Международного десятилетия языков коренных народов, дается обзор международно-правовых документов и нормативных правовых актов Российской Федерации, составляющих правовые основы проведения десятилетия и реализации языковых прав коренных народов. Раскрываются основные механизмы управления, координации и реализации десятилетия, среди которых особую роль играют ЮНЕСКО, Глобальная целевая группа, обеспечивающая стратегическое руководство и надзор в областях планирования, реализации и мониторинга прогресса в достижении целей, установленных Глобальным планом действий. Данный план определяет стратегические рамки, описывает основные действия и руководства по реализации, мониторингу и оценке деятельности системы ООН, национальных правительств, организаций коренных народов, гражданского общества, научных кругов, частного сектора и других субъектов.

Заключение. Автор приходит к выводу, что на уровне международного сообщества сформировалось достаточно серьезное понимание необходимости сохранения и развития языков, реализации языковых прав коренных народов, чему будет способствовать проведение Международного десятилетия языков коренных народов. Декада предоставляет уникальную возможность для введения дополнительных мер поддержки, в том числе путем реформирования национального законодательства, подготовки языковых кадров, развития цифровых языковых технологий и т. д.

Ключевые слова: международное десятилетие, языковые права, коренные народы, международные стандарты

Для цитирования: Немечкин В. Н. Международное десятилетие языков коренных народов: история становления, правовые основы, механизмы реализации // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 200–209. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.200-209.

Введение

По данным Организации Объединенных Наций (ООН), из 6 700 языков, на которых говорят во всем мире, 40 % находятся под угрозой исчезновения. Коренные народы составляют менее 6 % населения планеты и говорят на более чем 4 000 языках мира¹. Большинство языков,

находящихся под угрозой исчезновения, — это языки коренных народов.

С правозащитной точки зрения язык представляет собой один из центральных элементов реализации прав человека и имеет большое значение для достижения устойчивого развития. Многочисленные

¹ См.: UN DESA Policy brief No. 151. February 10, 2023. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-des-policy-brief-no-151-why-indigenous-languages-matter-the-international-decade-on-indigenous-languages-2022-2032/> (дата обращения: 10.05.2023).

исследования показывают, что языковые права рассматриваются в качестве фундаментальных прав человека [14–17]. Иными словами, язык выступает «ключом» к реализации многих прав человека, в том числе в сфере образования, судопроизводства, СМИ, экономической, экологической и других сферах.

ООН и ее специализированные учреждения и механизмы, такие как ЮНЕСКО, Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов, Экспертный механизм ООН по правам коренных народов, Специальный докладчик по правам коренных народов, последовательно привлекают внимание к проблеме исчезновения языков коренных народов и призывают к действиям, направленным на защиту их языковых прав. Важным механизмом продвижения темы языков коренных народов, мобилизации партнеров и ресурсов для совместных действий во всем мире стало провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН Международного года языков коренных народов (2019 г.) и Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.).

Усиление внимания к данной тематике связано прежде всего с кризисом языкового разнообразия человечества, проблемой исчезновения языков коренных народов. Во многих странах мира наблюдается тенденция уменьшения численности представителей коренных народов, владеющих родным языком, сокращения сферы его использования в профессиональной деятельности и быту. Кроме того, на уровне международного сообщества сформировалось достаточно серьезное понимание необходимости сохранения и развития языков, реализации языковых прав коренных народов, чему может способствовать проведение Международного десятилетия языков коренных народов [18].

Обзор литературы

Тематика сохранения и развития языков, а также защиты языковых прав коренных народов занимает одно из значимых мест в научных исследованиях российских и зарубежных исследователей (юристов, историков, этнографов, политологов, лингвистов).

Для более полной характеристики рассматриваемой проблемы были изучены работы А. Х. Абашидзе, Ф. Р. Ананидзе [1], Л. В. Андриченко [2], А. Л. Арефьева [3], Р. Ш. Гарипова [5], В. А. Кряжкова [7], С. В. Соколовского [10], А. В. Цыкарева [14; 19–21] и других отечественных ученых. Были привлечены также труды зарубежных авторов, таких как С. Дж. Анайя [12; 13], К. Карпентер [14], Ф. де Варенн [15; 16], Э. Кузборска [16] и др.

В коллективной монографии «Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах», вышедшей под редакцией А. Ф. Малого, С. В. Бухмина, Р. Ш. Гарипова [9], подробно исследуются вопросы, касающиеся закрепления статуса коренных народов, международных и национальных стандартов в сфере различных прав коренных народов, в том числе языковых.

В работе В. А. Кряжкова «Коренные малочисленные народы Севера в российском праве» [7] раскрываются историко-правовые и теоретические основы регулирования прав коренных малочисленных народов Севера России, анализируется природа специальных прав, в том числе права на родной язык, в аспекте национально-культурного самоопределения указанных субъектов.

Анализ положения языков коренных народов в общемировом масштабе, законодательства Российской Федерации в отношении прав коренных малочисленных народов, а также тенденций использования языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в образовательных учреждениях представлен в монографии А. Л. Арефьева [3].

Ф. де Варенн [15; 16] и Э. Кузборска [16] приводят в своих трудах исторический обзор становления и развития международных стандартов в сфере языковых прав коренных народов, раскрывают характер и объем прав коренных народов в контексте прав человека, анализируют связь между языковыми правами и правами человека.

Глубокое и всестороннее рассмотрение историко-правовых аспектов становления и развития Международного десятиле-

тия языков коренных народов содержится в работах А. В. Цыкарева [14; 19–21] и К. Карпентер [14]. Исследователями дается подробный анализ деятельности международного движения за признание и сохранение языков коренных народов, а также оценивается роль механизмов ООН в разработке стандартов в сфере языковых прав коренных народов.

Материалы и методы

Методика исследования базируется на системном подходе. Применялись общенаучные (системный, анализ и синтез) и частнонаучные (историко-правовой, формально-юридический) методы познания. Материалом послужили основные международно-правовые документы, посвященные Международному десятилетию языков коренных народов. В ходе написания данной статьи был проанализирован широкий круг нормативных источников. В частности, на международном уровне ими явились универсальные и региональные международно-правовые акты, гарантирующие реализацию языковых прав коренных народов, декларации и резолюции ООН и ЮНЕСКО, доклады и тематические исследования Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов, Экспертного механизма ООН по правам коренных народов, Специального докладчика по правам коренных народов. На внутригосударственном уровне источниками стали Конституция РФ, федеральное законодательство, подзаконные нормативные правовые акты РФ, касающиеся вопросов реализации государственной национальной политики, защиты прав коренных народов, сохранения и развития языков народов России.

Результаты исследования и их обсуждение

История становления Международного десятилетия языков коренных народов

Организация Объединенных Наций активно использует механизм международных десятилетий, выделяя специальный временной период, посвященный опреде-

ленной теме или проблематике. Тем самым ООН, учреждая подобные механизмы, стимулирует интерес к деятельности и программам в различных сферах, а также содействует активизации деятельности в определенной области на глобальном уровне.

Первоначально Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции от 21 декабря 1993 г. провозгласила 1995–2004 гг. Международным десятилетием коренных народов мира. Его целью являлось укрепление международного сотрудничества в решении проблем, стоящих перед коренными народами в области прав человека, культуры, окружающей среды, образования и здравоохранения [6].

22 декабря 2004 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию A/RES/59/174 о втором Международном десятилетии коренных народов мира, которое началось 1 января 2005 г. и завершилось в декабре 2014 г. Цели десятилетия заключались в следующем: содействовать недискриминации и включению коренных народов в процессы на всех уровнях, полному и эффективному участию коренных народов в принятии решений; пересмотреть политику развития, которая является культурно приемлемой для коренных народов; принять целевую политику/программы для развития коренных народов; разработать надежные механизмы мониторинга для улучшения жизни коренных народов.

В дальнейшем на уровне ООН, ее специализированных учреждений и механизмов стало уделяться достаточно серьезное внимание тематике сохранения и развития языков коренных народов. Так, 19 декабря 2016 г. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции A/RES/71/178 провозгласила 2019 г. Международным годом языков коренных народов. Были обозначены основные цели Международного года: привлечь внимание к острейшей проблеме утраты языков коренных народов и к настоятельной необходимости сохранять, возрождать и поощрять эти языки; предпринимать дальнейшие экстренные шаги на национальном и международном уровнях.

2019 г. завершился провозглашением Генеральной Ассамблеей ООН 18 дека-

бря (резолюция A/RES/74/135) Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.) с призывом незамедлительно начать подготовительный процесс к его организации.

В феврале 2020 г. в Мексике состоялось мероприятие высокого уровня «Проведение Десятилетия действий в интересах языков коренных народов». По его итогам была опубликована стратегическая дорожная карта для Десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.) и принята Лос-Пиносская декларация², которая служит основой для Глобального плана действий в рамках десятилетия. Глобальный план действий – это документ, определяющий стратегические рамки, описывающий основные действия и руководства по реализации, мониторингу и оценке деятельности для структур системы ООН, национальных правительств, организаций коренных народов, гражданского общества, научных кругов, частного сектора и других субъектов³.

22 марта 2021 г. ЮНЕСКО учредила своеобразный оргкомитет – Глобальную целевую группу для организации и проведения Международного десятилетия языков коренных народов⁴, которая представляет собой международный механизм управления, обеспечивающий стратегическое руководство и надзор в области планирования, реализации и мониторинга прогресса в достижении целей, установленных Глобальным планом действий.

В ноябре 2021 г. на 41-й Генеральной конференции ЮНЕСКО Глобальный план действий был рассмотрен и принят к сведению.

13 декабря 2022 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже состоялось торжественное открытие Международного десятилетия языков коренных народов в

формате мероприятия высокого уровня, участниками которого стали представители 125 государств, в том числе Российской Федерации.

Таким образом, на международном уровне сложился глобальный консенсус относительно безотлагательности разрешения кризиса языкового разнообразия общими усилиями коренных народов, государств и других заинтересованных сторон.

Правовые основы Международного десятилетия языков коренных народов

Международные стандарты

Организация и проведение Международного десятилетия языков коренных народов основаны на различных международных документах как универсального, так и регионального характера [8]. Среди них, в частности, можно выделить Конвенцию ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 г.), Международную конвенцию ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) и др.

Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г. в ст. 28 акцентирует внимание на необходимости принятия мер для сохранения языков коренных народов, для содействия их развитию и применению, а также для предоставления практической возможности детям таких народов обучаться грамоте на своем коренном языке.

Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. включает минимальные

² См.: Лос-Пиносская декларация [Чапультепек] – Проведение Десятилетия действий в поддержку языков коренных народов Лос-Пинос [Чапультепек]: Итоговый документ мероприятия высокого уровня под названием «Проведение Десятилетия действий в поддержку языков коренных народов». URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374030_rus (дата обращения: 10.05.2023).

³ См.: Global action plan of the International Decade of Indigenous Languages (2022–2032). URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379853?posInSet=110&queryId=f4082765-2f1f-4710-a706-047db14472d1-draft-data-297> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ См.: Global Task Force for Making a Decade of Action for Indigenous Languages. URL: <https://idil2022-2032.org/about-2022-2032/global-task-force/#1669392908348-01e1a4cf-1f37> (дата обращения: 10.05.2023).

стандарты языковых прав коренных народов. Так, согласно ст. 13, 14, 16 Декларации коренные народы имеют следующие права: возрождать, использовать, развивать и передавать будущим поколениям свою историю, языки, традиции устного творчества, философию, письменность и литературу; создавать и контролировать свои системы образования и учебные заведения, обеспечивающие образование на родных языках; создавать собственные СМИ на родных языках и получать доступ ко всем видам СМИ без какой-либо дискриминации.

Глобальный план действий – это документ, определяющий стратегические рамки, описывающий основные действия и руководства по реализации, мониторингу и оценке деятельности для структур системы ООН, национальных правительств, организаций коренных народов, гражданского общества, научных кругов, частного сектора и других субъектов.

С учетом того факта, что некоторые коренные народы находятся в ситуации национального меньшинства, на них могут дополнительно распространяться нормы о национальных меньшинствах (в той мере, в какой эти народы заинтересованы в применении к ним указанных норм) [7, III]. Исходя из этого определенную роль в международно-правовом регулировании языковых прав может иметь Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств 1992 г., которая призвана защищать и продвигать региональные языки и языки меньшинств и обеспечивать возможность для тех, кто на них говорит, пользоваться ими в частной и общественной жизни [11].

Кроме того, ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. закрепляет право этнических, религиозных и языковых меньшинств, а

также лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, пользоваться родным языком.

Статья 9 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1998 г. (в России ратифицирована Федеральным законом от 18 июня 1998 г. № 84-ФЗ) обязывает ее стороны признавать свободу получать и обмениваться информацией на языке национального меньшинства. Также ст. 11–14 данной конвенции обязывают участников признавать, что каждое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободно и без какого-либо вмешательства устно и письменно пользоваться языком своего меньшинства в личных контактах и в общественных местах; размещать на видном для общественности месте вывески, надписи и другую информацию частного характера на языке своего меньшинства; учреждать и организовывать собственные частные заведения для целей образования и профессиональной подготовки; изучать язык своего меньшинства и др.

Внутригосударственные стандарты

На уровне Российской Федерации в свете исследуемой темы необходимо выделить отдельные положения Конституции РФ 1993 г.: ч. 2 ст. 26: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»; ч. 3 ст. 68: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»; ч. 1, 2 ст. 69: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» и «сохранение этнокультурного и языкового многообразия»⁵.

Базовым нормативным правовым актом в сфере языковых прав народов России является Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.05.2023).

Федерации» (с изменениями и дополнениями). Принятие данного закона было направлено на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов РФ.

Статья 10 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» закрепляет положение о том, что лица, относящиеся к малочисленным народам, объединения малочисленных народов в целях сохранения и развития своей самобытной культуры вправе сохранять и развивать родные языки; получать и распространять информацию на родных языках.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, акцентирует внимание на важности сохранения языкового многообразия в Российской Федерации. Пункты 10, 12, 19, 21 данного документа определяют тему сохранения и развития языков народов России в качестве одного из долгосрочных и абсолютных приоритетов государственной политики Российской Федерации⁶.

Механизмы реализации Международного десятилетия языков коренных народов

Глобальный план действий предусматривает различные механизмы управления, координации и реализации мер по проведению Международного десятилетия:

- Секретариат Международного десятилетия языков коренных народов, который создан ЮНЕСКО как ведущее учреждение ООН в этом процессе;

- Глобальная целевая группа, обеспечивающая стратегическое руководство и надзор в областях планирования, реализации и мониторинга прогресса в достижении целей, установленных Гло-

бальным планом действий. В задачи данного органа также входит разработка рекомендаций по осуществлению Глобального плана действий с учетом региональных, национальных и местных особенностей;

- Национальные координационные механизмы (оргкомитеты) в различных странах;

- Профессиональные ассоциации, организации гражданского общества, СМИ, государственно-частные организации и другие институты⁷.

ООН и ее специализированные учреждения и механизмы последовательно привлекают внимание к проблеме исчезновения языков коренных народов и призывают к действиям, направленным на защиту их языковых прав. Важным механизмом продвижения темы языков коренных народов, мобилизации партнеров и ресурсов для совместных действий во всем мире стало провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН Международного года языков коренных народов (2019 г.) и Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.).

Важным принципом в рамках организации и проведения Международного десятилетия является достижение эффекта синергии. Многостороннее партнерство в сфере десятилетия включает взаимодействие различных заинтересованных сторон. Главенствующая роль в этом процессе отводится именно коренным народам (с учетом принципа «Ничего для нас без нас»), которые международно-правовыми актами и действующим российским законодательством рассматриваются именно как субъекты, а не объекты правового регулирования.

⁶ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ См.: Global action plan of the International Decade of Indigenous Languages (2022–2032). URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379853?posInSet=110&queryId=f4082765-2f1f-4710-a706-047db14472d1-draft-data-297> (дата обращения: 10.05.2023).

Важнейшей стороной партнерства являются государства и конкретные органы государственной власти, которые отвечают за проведение политики в отношении коренных народов, а также языковой политики. В этом контексте представляется весьма актуальным принятие соответствующих национальных планов действий и государственных программ в области сохранения и развития языков на национальном, региональном, местном уровнях.

В Российской Федерации создан Национальный организационный комитет и утвержден план основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. Международного десятилетия языков коренных народов⁸. По утверждению руководителя Федерального агентства по делам национальностей И. В. Барина, Россия «...в полной мере разделяет важнейшее положение Глобального плана действий о том, что проведение десятилетия является делом каждого. Мы намерены объединить усилия всех заинтересованных сторон, в том числе задействовать ресурсы государственных структур, потенциал языковых активистов. Эту позицию отражает принятый правительством РФ план мероприятий по проведению десятилетия»⁹. Анализируя положения утвержденного плана, следует отметить, что в этой работе задействован широкий спектр заинтересованных сторон: объединения коренных малочисленных народов, федеральные органы исполнительной власти, ведущие учреждения науки, образования, культуры и средства массовой информации.

Подводя итог исследованию, необходимо подчеркнуть, что тематика сохранения и развития языков коренных народов требует особого внимания. На сегодняшний день на уровне международного сообщества сформировалось достаточно серьезное понимание необходимости сохранения и развития языков, реализации языковых прав коренных народов. ООН, а также ее специализированные учреждения и механизмы последовательно привлекают внимание к проблеме исчезновения языков коренных народов и призывают к действиям, направленным на должную реализацию языковых прав, чему может способствовать проведение Международного десятилетия языков коренных народов.

Безусловно, проведение десятилетия не является панацеей при решении проблем исчезновения языков. Тем не менее оно предоставляет уникальную возможность для введения дополнительных мер поддержки, в частности путем реформирования национального законодательства, подготовки языковых кадров, развития цифровых языковых технологий и т. д. Проведение десятилетия уже сейчас содействует изменению отношения к языкам, в том числе на локальном, региональном, национальном, международном уровнях, дает импульс к сохранению, возрождению, продвижению и использованию языков коренных народов во всех сферах.

⁸См.: Распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 204-р «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. в РФ Международного десятилетия языков коренных народов». URL: <https://base.garant.ru/403514644/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁹Глава ФАДН: российский опыт сохранения языков коренных народов привлек внимание в ЮНЕСКО. URL: <http://unesco.ru/news/fadn-on-the-preservation-of-languages/> (дата обращения: 10.05.2023).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: Междунар.-правовой анализ. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 224 с.
2. Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2005. 384 с.
3. Арефьев А. Л. Социология языка. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: моногр. / под ред. Г. В. Осипова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 346 с.
4. Вартумян А. А., Манкиева А. В., Павлова М. Г. Международное десятилетие

- языков коренных народов в контексте этнополитических процессов // Современная наука и инновации. 2021. № 4. С. 226–232. DOI: 10.37493/2307-910X.2021.4.26.
5. Гарипов Р. Ш. Защита коренных народов в международном праве. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 255 с.
 6. Донской Р. И. Десятилетие коренных народов мира: научное обеспечение // Наука и образование. 2005. № 3. С. 31–36.
 7. Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: НОРМА, 2010. 559 с.
 8. Немечкин В. Н. Становление и развитие международных стандартов в сфере языковых прав коренных народов: историко-правовые аспекты // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 194–202. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.194-202.
 9. Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах: моногр. / под ред. А. Ф. Малого, С. В. Бухмина, Р. Ш. Гарипова. М.: Проспект, 2021. 360 с.
 10. Соколовский С. В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации. М.: ИЭА РАН, 2016. 69 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; вып. 250).
 11. Строгальщикова З. И. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств как важный механизм защиты языков коренных малочисленных народов России // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: кол. моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 188–197.
 12. Anaya S. J. Indigenous peoples in international law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2004. 396 p.
 13. Anaya S. J. International human rights and indigenous peoples: The move toward the multicultural state // Arizona Journal of International & Comparative Law. 2004. Vol. 21, no. 1. P. 13–61.
 14. Carpenter K., Tsykarev A. (Indigenous) language as a human right // UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs. 2020. Vol. 24, no. 49. P. 49–132.
 15. De Varennes F. Language rights as an integral part of human rights // International Journal on Multicultural Societies (IJMS). 2001. Vol. 3, no. 1. P. 15–25.
 16. Kuzborska E., De Varennes F. Language, rights and opportunities: the role of language in the inclusion and exclusion of indigenous peoples // International Journal on Minority and Group Rights. 2016. Vol. 23, issue 3. P. 281–305.
 17. Language: a human right. How indigenous peoples protect their threatened languages / C. Schäfer, J. Gercke, S. Lüneburg, Y. Bangert, R. Sonk. URL: https://www.gfbv.de/fileadmin/redaktion/Reporte_Memoranden/2019/Langugae_Report_English_version.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
 18. Requesens-Galnares A. Why indigenous languages matter: The International Decade on Indigenous Languages 2022–2032. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Policy brief no. 151. February 10, 2023. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-des-a-policy-brief-no-151-why-indigenous-languages-matter-the-international-decade-on-indigenous-languages-2022-2032/> (дата обращения: 10.05.2023).
 19. Tsykarev A. International Language Diplomacy: The United Nations International Decade of Indigenous Languages // Colorado Environmental Law Journal. 2023. Vol. 34, special issue. URL: <https://celj.cu.law/?p=941> (дата обращения: 10.05.2023).
 20. Tsykarev A. The international movement for recognition and preservation of Indigenous languages. URL: <https://medium.com/wikitongues/international-movement-for-recognition-and-preservation-of-indigenous-languages-149f269a0042> (дата обращения: 10.05.2023).
 21. Tsykarev A. The Philosophy and the work of the United Nations Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples with focus on the right to language for the indigenous peoples. URL: <https://disk.yandex.ru/i/OsIwFyZFuNvVFQ> (дата обращения: 10.05.2023).

Поступила 11.05.2023; одобрена 21.05.2023; принята 21.05.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. Н. Немечкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических технологий и правоведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, modmn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3650-4185>

International Decade of Indigenous Languages: the history of formation, legal framework, implementation mechanisms

Vasily N. Nemechkin

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The main objective of this article is to study the historical and legal aspects of the establishment of the International Decade of Indigenous Languages (2022–2032), proclaimed by the United Nations General Assembly, as well as to analyze international instruments, establishing the legal framework and mechanisms for the implementation of the Decade.

Materials and Methods. The research methods are based on a system approach. The general research (system, analysis and synthesis) and subject specific methods of knowledge (historical, formal-legal) were applied during the research. The main international legal instruments for the International Decade of Indigenous Languages were used. This article explored a wide range of regulatory sources.

Results and Discussion. The article considers the historical stages of formation and development of the International Decade of Indigenous Languages, gives an overview of international legal documents and normative legal acts of the Russian Federation, which constitute the legal framework for the implementation of the Decade. The article also considers the main mechanisms of management, coordination and implementation of the Decade, among which are the following: UNESCO, Global Task Force providing strategic guidance and oversight in the areas of planning, implementation and monitoring of progress towards the goals set by the Global Plan of Action. This document provides a strategic framework, describes the main actions and guidelines for the implementation, monitoring and evaluation of the activities of the UN, national governments, indigenous peoples' organizations, civil society, academia, the private sector and others.

Conclusion. The author concludes that, at the level of the international community, there is a rather serious understanding of the need to preserve and develop languages, the realization of the linguistic rights of indigenous peoples, The International Decade of Indigenous Languages will contribute to this end. The Decade provides a unique opportunity to introduce additional support measures, including by reforming national legislation, language training, digital language development, etc.

Keywords: international decade, language rights, indigenous peoples, international standards

For citation: Nemechkin VN. International Decade of Indigenous Languages: the history of formation, legal framework, implementation mechanisms. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:200–209. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.200-209.

REFERENCES

1. Abashidze AKh, Ananidze FR. Legal status of minorities and indigenous peoples: an international legal analysis. Moscow; 1997. (In Russ.)
2. Andrichenko LV. Regulation and protection of the rights of national minorities and indigenous peoples in the Russian Federation. Moscow; 2005. (In Russ.)
3. Arefev AL. Sociology of language. Languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Monograph. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow; 2018. (In Russ.)
4. Vartumyan AA, Mankieva AV, Pavlova MG. International decade of indigenous languages in the context of ethnopolitical processes. *Sovremennaya nauka i innovatsii* = Modern Science and Innovations. 2021;4:226–232. (In Russ.). DOI: 10.37493/2307-910X.2021.4.26.
5. Garipov RSh. Protection of indigenous peoples in international law. Kazan; 2012. (In Russ.)
6. Donskoi RI. World Indigenous Decade: scientific support. *Nauka i obrazovanie* = Science and Education. 2005;3:31–36. (In Russ.)
7. Kriazhkov VA. Indigenous peoples of the North in Russian law. Moscow; 2010. (In Russ.)

8. Nemechkin VN. Formation and development of international standards in the field of linguistic rights of indigenous peoples: historical and legal aspects. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;2:194–202. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.194-202.
9. Maloi AF, Bukhmin SV, Garipov RSh, eds. Legal status of indigenous peoples in Russia and foreign countries. Monograph. Moscow; 2021. (In Russ.)
10. Sokolovskii SV. The policy of recognition of indigenous peoples in international law and in the legislation of the Russian Federation. Moscow; 2016;250. (In Russ.)
11. Strogal'shchikova ZI. European Charter for Regional or Minority Languages as an important mechanism for protecting the languages of the indigenous peoples of Russia. *Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: kol. monogr. 2-e izd., pererab. i dop.* = The current state and ways of development of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Collective monograph. 2nd ed., revised and additional. Moscow; 2013:188–197. (In Russ.)
12. Anaya SJ. Indigenous peoples in international law. 2nd ed. Oxford; 2004.
13. Anaya SJ. International human rights and indigenous peoples: The move toward the multicultural state. *Arizona Journal of International & Comparative Law*. 2004;21;1:13–61.
14. Carpenter K, Tsykarev A. (Indigenous) language as a human right. *UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs*. 2020;24;49:49–132.
15. De Varennes F. Language rights as an integral part of human rights. *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*. 2001;3;1:15–25.
16. Kuzborska E, De Varennes F. Language, rights and opportunities: the role of language in the inclusion and exclusion of indigenous peoples. *International Journal on Minority and Group Rights*. 2016;23;3:281–305.
17. Schäfer C, Gercke J, Lüneburg S, Bangert Y, Sonk R. Language: a human right. How indigenous peoples protect their threatened languages. URL: https://www.gfbv.de/fileadmin/redaktion/Reporte_Memoranden/2019/Langugae_Report_English_version.pdf (accessed 10.05.2023).
18. Requesens-Galnares A. Why indigenous languages matter: The International Decade on Indigenous Languages 2022–2032. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Policy brief no. 151. February 10, 2023. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desapolicy-brief-no-151-why-indigenous-languages-matter-the-international-decade-on-indigenous-languages-2022-2032/> (accessed 10.05.2023).
19. Tsykarev A. International Language Diplomacy: The United Nations International Decade of Indigenous Languages. *Colorado Environmental Law Journal*. 2023;34. URL: <https://celj.cu.law/?p=941> (accessed 10.05.2023).
20. Tsykarev A. The international movement for recognition and preservation of Indigenous languages. URL: <https://medium.com/wikitongues/international-movement-for-recognition-and-preservation-of-indigenous-languages-149f269a0042> (accessed 10.05.2023).
21. Tsykarev A. The Philosophy and the work of the United Nations Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples with focus on the right to language for the indigenous peoples. URL: <https://disk.yandex.ru/i/OsIwFyZFuNvVFQ> (accessed 10.05.2023).

Submitted 11.05.2023; reviewing 21.05.2023; accepted 21.05.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. N. Nemechkin – Candidate Sc. {Law}, Associate Professor, Department of Legal Technologies and Law, National Research Mordovia State University, modmn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3650-4185>

100 лет марийского изобразительного искусства: национальный неоромантизм (1960–1980-е гг.)

Эльвира Мазитовна Колчева

*Казанский государственный институт культуры,
Казань, Россия*

Введение. Статья продолжает серию публикаций, посвященных 100-летию пути профессионального изобразительного искусства народа мари. Возникший на позднесоветском этапе неоромантизм необходимо четко обозначить, определить его место в изучаемом процессе.

Материалы и методы. Методы исследования основаны на авторском культурно-архетипическом подходе. Материалами исследования послужили произведения из фондов музеев Республики Марий Эл, архивные документы, публикации СМИ, каталоги.

Результаты исследования и их обсуждение. Позднесоветская культура как контекст национального неоромантизма отличается антропологическим поворотом, запросом на искренность и выражение индивидуальности. В ее рамках возникли неофициальное искусство, различные формы художественного эскапизма. В «суровом стиле» искусства МАССР национальная тема явила главные художественные инновации. Приезжие русские художники А. С. и Б. С. Пушковы, С. Ф. Подмарев, А. И. Бутов ввели в художественный лексикон республики концепт «Марий Эл», создали иконографический тип на основе традиционных архетипов Древа и Девы, тем самым содействовали формированию нового культурного архетипа. Национальный неоромантизм вышел из «сурового стиля» и одновременно сформировался параллельно. Его суть – поэтизация родной культуры. З. Ф. Лаврентьев реализовал это прежде всего через книжную графику, выступавшую одним из определяющих факторов развития этнокультурной рефлексии. Особую роль в развитии национального неоромантизма сыграли молодые художники-мари Н. В. Токтаулов, И. В. Ефимов, И. М. Ямбердов.

Заключение. Национальный неоромантизм (1970–1980-е гг.) определен как ступень развития профессионального изобразительного искусства народа мари, возникшая в рамках социалистического реализма (1940–1980-е гг.), но выходящая за его пределы по причине репрезентации актуальных проблем и приближения к архетипическим основам этнокультуры.

Ключевые слова: изобразительное искусство Марийской АССР, национальный неоромантизм, этнокультурная рефлексия

Для цитирования: Колчева Э. М. 100 лет марийского изобразительного искусства: национальный неоромантизм (1960–1980-е гг.) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 210–224. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.210-224.

Введение

С учреждением в республике Марийского отделения Союза художников СССР в 1961 г. начался этап его институционального оформления и обретения зрелости. Соцреализм стремился освоить местный этнокультурный текст, использовать его для создания собственных идеологем. Марийская культура стала предметом внимания как приезжих художников, так и уроженцев марийского края. Снова появились профессиональные художники-мари, многие из которых определили лицо марийского изобразительного искусства как этнона-

ционального феномена: З. Ф. Лаврентьев, И. В. Ефимов, Н. В. Токтаулов, В. А. Боголюбов, И. М. Ямбердов и др. Этнокультурная художественная рефлексия развивалась в «диалектической» коллизии национального и интернационального, которая должна была привести к формированию единой наднациональной (гражданской) общности – советского народа. Выходом из противоречивого властного дискурса стал национальный неоромантизм. Он развивался в 1960–1970-х гг. в рамках социалистического реализма, отличаясь от него тем, что

характер осмысления ментальных основ и судьбы народа могли выпадать из идеологических нарративов. В 1980-х гг. появились неомифологические тенденции как непосредственные предпосылки современного искусства этнофутуризма. Эта внутренняя интенция марийского изобразительного искусства позднесоветского периода требует сегодня глубокого осмысления, выявления ее связи с современностью в контексте становления профессионального изобразительного искусства народа мари.

Обзор литературы

Для изучения национального неоромантизма основополагающее значение имеют исследования С. М. Червонной [16; 17]. Именно ей принадлежит заслуга фиксации и терминологического определения феномена национального неоромантизма в искусстве советских народов 1970–1980-х гг. Интегрируя изучение национального неоромантизма в мировой художественный процесс, исследовательница предложила для описания этнически ориентированных художественных форм профессионального изобразительного искусства понятие «хоум-арт». Оно не имеет равнозначного эквивалента в русской искусствоведческой терминологии, не связано ни с классическими представлениями о жанрах, ни с понятием об исторических стилях. Хоум-арт – это «искусство, посвященное родной земле», «родному дому», «родному очагу», «своему народу». Его истоки можно проследить от романтизма начала XIX в. до множества этнографических направлений XX в., ставших «основной ипостасью формирующихся в советской системе “национальных школ” искусства “народов СССР”, в первую очередь искусства автономий Российской Федерации» [16, 39–40].

Профессиональное искусство мари представляет собой локальный феномен, марийский хоум-арт, и стилистически соотносимо с самыми разными и даже противоположными друг другу методами и направлениями. Оно не предполагает обязательного наличия национального стиля, но указывает на содержательный смысл этого искусства, на его социокультурные функции.

Ранее было отмечено, что именно на позднесоветском этапе в искусстве марийского края сформировался институт художественной критики [4, 108]. Искусствоведы МАССР Б. Ф. Товаров-Кошкин [15], Л. А. Кувшинская [6], Г. И. Прокушев [10; 11], Г. И. Соловьева [13] также внесли существенный вклад в изучение вопроса. В те годы они анализировали национальную тему с позиций социалистического реализма, поднимая вопрос о национальном и интернациональном в советском искусстве [12].

Г. И. Соловьева, будучи национальным искусствоведом, фактически первой прикоснулась к проблеме изобразительного искусства как этнокультурного явления. Порицая этнографизм 1920-х гг., она дала положительную оценку тем тенденциям, которые впоследствии и были названы национальным неоромантизмом. Накануне появления неомифологического искусства, верно ощущая «требования времени», искусствовед ставила перед национальными художниками задачи более глубокого постижения национальной культуры, предостерегая от внешнего стилизаторства и описательности, но вектор этого поиска определяла в идеологическом контексте, в «более глубоком осознании сути Великого Октября» [13, 13–14].

Материалы и методы

Для анализа национального неоромантизма перспективным является понятие «хоум-арт», сформулированное С. М. Червонной. Оно позволяет вычлени из регионального искусства марийского края национально-этнический феномен профессионального искусства народа мари. Суть хоум-арта, на наш взгляд, есть рефлексия ценностных универсалий национальной культуры, закрепленных, в частности, в этнокультурных архетипах. С этой точки зрения этнографический реализм 1920–1930-х гг., рассмотренный нами ранее [5], также можно представить как вариант марийского хоум-арта и его начальный этап, за которым следует национальный неоромантизм. Таким образом, опираясь на понятие хоум-арта, автор использует в работе методы исторического, искусствоведческо-

го, культурологического исследования и созданный на этой основе собственный культурно-архетипический подход¹.

Источниковую базу исследования по-прежнему составляют материалы изобразительного искусства (живопись, графика, скульптура) из фондов музеев республики, часть из которых опубликованы, в том числе автором. В первую очередь это коллекции изобразительного искусства Национального музея Республики Марий Эл им. Тимофея Евсеева (НМ РМЭ им. Т. Евсеева) и Республиканского музея изобразительных искусств Республики Марий Эл (РМИИ РМЭ).

Неопубликованные документальные источники представлены материалами Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Опубликованные источники включают в себя материалы средств массовой информации: периодики², буклетов³ и каталогов⁴. Среди публикаций ГА РМЭ⁵ следует отметить сборник документов по культурному строительству в Марийской АССР⁶, многотомный сборник документальных очерков «История сел и деревень Республики Марий Эл»⁷.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенности позднесоветского художественного процесса как контекст национального неоромантизма

В историографии сегодня принято различение понятий «советское искусство» и «соцреализм»: первое шире, хотя и несет «следы» соцреалистического дискурса, ко-

торый опирался на власть во всех ее видах и на новый субъект истории – массу «новых людей»⁸. На позднесоветском этапе стало очевидным наличие неофициального искусства, которое аккумулировалось в творчестве нонконформистов, откровенно отвернувшихся от идеологии в искусстве и пытавшихся вспомнить изобразительные языки авангарда начала века. Как замечает А. К. Якимович, оно стремилось к созданию своего мифа о демиургической силе искусства и связи последнего с духовностью и Богом. Художник мыслился не только новатором, но и пророком [19, 338–340].

Новое мировоззрение входило в конфликт с консервативными установками власти, что ярко продемонстрировала выставка, посвященная 30-летию Московского отделения Союза художников РСФСР в Манеже (1962)⁹. С новой силой развернулись дискуссии о границах допустимого в искусстве, когда предпринимались шаги по ревизии самого метода социалистического реализма. Попытки реабилитировать модернизм жестко пресекались, речь шла только о разновидностях реализма, его формах, эстетических и этических принципах. Новое искусство виделось в зазоре между отрицанием «формализма» и порицанием «фотографичности», «литературности». «Идеологическая направленность» оставалась главным вектором этого дискурса, но критика «парадного стиля» породила новые критерии соцреализма: «искренность» [14, 210], «содержательный взгляд на жизнь», «выражение индивидуальности» [9, 751].

Появились художники так называемого третьего пути [19, 345], полуофициаль-

¹ Проект РГНФ № 12-14-12000 а/В «Национальное изобразительное искусство как форма этнокультурной рефлексии: на материале марийского искусства»; проект РГНФ №15-14-12001 а(р) «Этнокультурное пространство народа мари в изобразительном искусстве Марийского края 1950–80-х годов».

² См.: Фаттахов Л. О творческой работе художников республики // Марийская правда. 1955. 16 нояб.; Ворончук И. Жил в лесном краю художник // Там же. 1991. 7 дек. С. 2–3.

³ См.: Творческое объединение «Марий художник»: буклет. Йошкар-Ола, 1993.

⁴ См.: Борис Сергеевич Пушкин. Живопись: каталог. Йошкар-Ола, 2003.

⁵ См.: Путеводитель по фондам ГКУ «Государственный архив Республики Марий Эл». Йошкар-Ола, 2012.

⁶ См.: Культурное строительство в Марийской АССР: сб. док. Кн. 2. 1941–1980 гг. Йошкар-Ола, 1985.

⁷ См.: История сел и деревень Республики Марий Эл. Волжский район: сб. док. очерков. Йошкар-Ола, 2003 и др.

⁸ См.: Круглова Т. А. Искусство соцреализма как культурно-антропологическая и художественно-коммуникативная система: исторические основания, специфика дискурса и социокультурная роль: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2005. С. 8.

⁹ См.: Ну, идите, показывайте мне свою мазню: протокольная запись 1 декабря 1962. Родина. 2004. № 3. С. 26–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18021542> (дата обращения: 19.05.2023).

Рис. 1. Б. С. Пушков. Свадьба. Центральная часть триптиха «Песня». 1970. РМЭ

Fig. 1. B. S. Pushkov. Wedding. The central part of the triptych "Song". 1970. Republican Museum of Fine Arts of the Republic of Mari El

ные, полузапрещенные. Они воспевали красоту и универсальные человеческие ценности, избегая конфронтации и официальных тем [20]. Сворачивался антропологический поворот в культуре. Его противоречие партийным догмам вело к тому, что реальные художественные процессы развивались в направлении ухода во внутренний мир личности, к лиричности и камерности, к различным формам социального эскапизма, например в виде романтики «сурового стиля», пассаизма и сельских идиллий национального неоромантизма.

Национальная проблематика в «суровом стиле» искусства Марийской АССР

Марийское искусство, институционально оформившееся в 1960–1970-х гг., вошло в художественную жизнь страны, когда уже стали возможны стилистические допущения. Поэтому наряду с творчеством последовательных соцреалистов в крае в 1960-х гг. получил развитие «суровый стиль», который впоследствии явился одним из источников марийского неоромантического хоум-арта 1970–1980-х гг.

Н. С. Степанян к преимуществам «сурового стиля» перед искусством, «обслуживающим тоталитарный режим», относит «...лишенное всякой внешней помпы отношение к жизни своих современников,

попытку ее правдивой (несколько романтизированной) интерпретации» [14, 203]. Изобразительные приемы «сурового стиля», в частности героизация характеров через огрубление письма, упрощенные линии рисунка, столкновение локальных цветов, плакатность, в полной мере отразились в манере таких мастеров республики, как А. И. Бутов, С. Ф. Подмарев, И. А. Михайлин. В той же манере пробует себя молодой И. В. Ефимов. Характерной чертой «сурового стиля» становится укрупнение формата картины, своего рода «станковая монументальность». Н. С. Степанян определяет это направление как «героизированный бытовой жанр» [14, 204–205]. Увлечениям времени следуют и художники МАССР.

Флагманом «сурового стиля» в изобразительном искусстве края является Борис Сергеевич Пушков (1931–2014). Получивший признание в 1960-х гг. как пейзажист, в 1970-е гг. он обращается к тематической картине и меняет стиль своей живописи. Однако справедливо будет отметить, что предпосылки к новой манере наметились уже в его пейзажном творчестве. Лирико-эпические полотна Б. С. Пушкова, порой значительного масштаба, написаны крупным мазком в напряженной цветовой гамме. Его широкие волжские просторы отличаются динамикой и приподнятым настроением («Приволжье», 1959; «Волжский

Рис. 2. С. Ф. Подмарев. Дорога на Карамасы. 1968. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 2. S. F. Podmarev. Road to Karamasy. 1968. T. Evseev National Museum of the Republic of Mari El

пейзаж», 1964; «Марийский край», 1976; и др.). В «суровой» манере художник создает произведения на исторические темы, в частности Великой Отечественной войны. Но его главной художественной инновацией становится разработка в «суровом стиле» марийской национальной темы. Ему принадлежат такие монументальные полотна, как «Семья» (1969), «Праздник урожая» (1972), «За молодых» (1974) и др., триптихи «Песня» (1970; рис. 1), «Песня о Родине» (1975–1980), в которых преимущественно изображены горные мари.

Б. С. Пушкин придавал героям своих картин утрированные антропологические черты, не вполне присущие мари, но от-

ражающие его представление о коренном народе края. Это напоминает попытки П. Т. Горбунцова уловить характерный этнический облик марийцев в конце 1920-х – начале 1930-х гг., за которые художник был подвергнут критике со стороны В. А. Мухина, обвинявшего того в отсутствии «высокой культуры и глубокой народности»¹⁰. Б. С. Пушкин такой участи избежал. Его марийцы, больше похожие на американских индейцев, были приняты критикой, воспринимались уже как допустимая стилизация и условность, подчеркивающая специфику марийской культуры – культуры суровых аборигенов края, близких к природе. Марийский искусствовед Г. И. Соловьева писала: «...художник сумел раскрыть смысл легенд, духовно-нравственных черт марийского народа, сумел подняться до отображения такого сильного образа земли марийской, ее людей, их быта и обычаев, что наш современник начинает воспринимать этот образ глазами народа» [13, 1/].

Художественная концепция Б. С. Пушкина идейно целиком укладывалась в рамки социалистического реализма. Так, картина «За молодых» репрезентирует идею Традиции, ее развития. В сцене свадебного застолья показано «движение» традиции от этнического прошлого к советскому настоящему, а своеобразным «переключателем», или связующим звеном, выступают фигуры фронтовиков-мари. Оценивая заслуги художника перед марийским искусством, Г. И. Прокушев награждает его эпитетом «утес, стоящий на страже завоеваний национального искусства»¹¹.

Сергей Федорович Подмарев (1935–1990), «совершенно необычное для российской живописи 70–80-х гг. явление», как отзывалась о нем С. М. Червонная [16, 75], приехал в МАССР в начале 1960-х гг. Его пейзажи этого периода декоративные, написанные плотным локальным тоном, крупными цветовыми плоскостями («Пруд в Чавайнуре», 1960-е; «Окрестности Чавайнура», 1960-е; «Дорога на Карамасы», 1968; рис. 2), что можно расценить как своеобразную дань «суровому стилю».

¹⁰ См.: Мухин В. А. Изобразительное искусство Марий // 15 лет социалистического строительства МАО. Йошкар-Ола, 1936. С. 209.

¹¹ Борис Сергеевич Пушкин. С. 4.

Художник проникся глубинной «марийскостью», вжился в природу и культуру мари, что проявилось в таких известных романтических полотнах, как «Онар» (1964), «Натюрморт марийский» (1969).

Весомый вклад в марийскую тему внес и Алексей Иванович Бутов (1935–1993), приехавший в Йошкар-Олу в 1958 г. по приглашению товарищества «Марий художник». В «суровой» манере им созданы портреты писателей и колхозников, но особенно значимы для истории марийского изобразительного искусства сюжетно-тематические полотна «Марий Эл» (1962; рис. 3), «На празднике песни Тойдемара» (1966), «Чавайн на Илети» (1968). Его «суровый стиль» оказался смягченным самым предметом отображения – марийской культурой. Картины написаны в декоративной, упрощенной манере, но исполнены нежного колорита и тонкой поэтики.

Необходимо отметить еще одно интересное явление, возникшее благодаря «суровым». Тяготевшие к символизму, они создали исключительный для марийского изобразительного искусства иконографический тип – «Марий Эл» (А. И. Бутов «Марий Эл», 1962; А. С. Пушкин «Марий Эл», 1972; Б. С. Пушкин «Марий Эл», правая часть триптиха «Песня о Родине», 1975–1980; Г. Ф. Богатырева-Кононова «Марий Эл», 1982). Композиция включала в себя два обязательных архетипических образа – леса (Древа) и женщины (Девы) – ключевых для традиционной ментальности мари. В большинстве случаев художники изображали березовую рощу. Современные результаты исследований символики растений в фольклоре тех лет, полученные А. В. и Н. Н. Глуховыми, подтверждают особенное значение образа березы. Отмечается, что «береза обычно символизирует красивую, гибкую, стройную девушку, часто бедную» [1, 82], «березовая рощица может означать группу подружек» [2, 259]. Следовательно, и женский архетипический образ в картинах в качестве необходимого элемента появился неслучайно. За фольклорными образами проступает более древнее, мифологическое двойничество, т. е. взаимозаменяемость образов Древа и Великой богини,

Рис. 3. А. И. Бутов. Марий Эл. 1962. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 3. A. I. Butov. Mari El. 1962. T. Evseev National Museum of the Republic of Mari El

сохранившаяся в орнаментах марийской вышивки.

Все это еще раз доказывает, насколько глубокий и искренний интерес питали к марийской культуре русские художники. Концепт «Марий Эл» по тем временам был необычным явлением; такое название марийского края на языках коренного этноса не использовалось в жизни республики. Сам эндотоним «мари» стал официально утверждаться в культуре только после образования Марийской автономной области (1920–1921 гг.) [18, 78]. Таким образом, введение аутентичного названия края «Марий Эл» в художественный лексикон способствовало романтической экзотизации образа марийцев. Так художники подчеркивали своеобразие этнокультурного мира мари.

Значение данного феномена четче высвечивается на фоне того, какое место занимало понятие марийского края в системе мировоззрения мари. В рейтинге ценностных образов, по данным А. В. и Н. Н. Глуховых, оно оказалось лишь на 19-м месте, после понятия «Родина, советская страна» (14-е место) [11, 75], которое пропагандировалось гораздо эффективнее. Таким образом, фактически русские

художники, изобретшие уникальную иконографию «Марий Эл», вводили в картину мира мари новые концептуальные образы, участвовали в расширении культурных горизонтов, обогащении представлений и формировании новых культурных архетипов. Тем самым они содействовали консолидации этноса.

В рассматриваемый период в искусстве республики заявил о себе первый за послевоенное время национальный художник Зосим Федорович Лаврентьев (1933–2020). Он по-своему использовал художественные открытия «сурового стиля». Графичность у него также была смягчена сочным и одновременно прозрачным колоритом, почерпнутым в цветовой гамме костюмов горных мари. Кроме того, статике «суровых» З. Ф. Лаврентьев противопоставил динамичность, хотя его работы также тяготели к плоскостности. Такое сочетание изобразительных приемов сразу выделило его на 1-й зональной выставке, в которой он принял участие с картиной «На концерт» (1964). По утверждению Г. И. Прокушева, «Лаврентьев сумел подслушать время, когда на смену суровому быту... послевоенных лет пришло обостренное чувство радости бытия, до краев наполнявшее деревенскую жизнь» [11, 75–76]. Живописца сразу же оценили как одного из ведущих мастеров сюжетно-тематической картины в республике [15, 32]. В фокусе его художественного интереса оказалась жизнь горных мари во всех ее проявлениях («Праздник в марийской деревне», 1967; «В гости к молодым», 1968; «Сваты», 1975; «На съезд учителей», 1987; и др.).

Становление национального неоромантизма в 1970–1980-х гг.

Национальный неоромантизм оформился в ситуации социально-культурного «застоя» конца 1960-х – 1970-х гг. в недрах соцреализма, не порывал с ним и не противоречил ему. В марийском хоум-арте неоромантическое направление было преобладающим до начала 1990-х гг. и находит продолжателей на современном этапе. Ему присуща поэтизация родной культу-

ры. Национальные художники-неоромантики предлагали публике идеализированное прошлое народа, делали первые шаги по пути мифотворчества и создания собственных мифологем. В этом не было намеренной конфронтации с официальным искусством. Нередко, как верно подметила С. М. Червонная, возникающее противопоставление даже не осознавалось самими художниками [16, 44–46].

Безусловно, молодому искусству финно-угорских народностей, получивших в РСФСР статус автономий, не хватало той степени независимости творческих позиций, какой обладали уже сложившиеся столичные и некоторые национальные школы. Искусство мари не имело потенциала, чтобы перерасти в неконформизм, у него не было не только кадров, но и исторических предшественников модернистского типа, с которыми бы восстанавливалась связь, как, например, в русском искусстве. В изобразительном искусстве МАССР вообще не существовало диспозиции «официальное-неофициальное», оно было только официальным. Первые попытки выразить себя вне задаваемых сверху норм были предприняты только к концу 1980-х гг.

Изобразительное искусство мари следует рассматривать в единстве с общими художественными процессами в российской провинции. Н. С. Степанян отметила такую тенденцию советского искусства в постсталинский период, как «тяга к лирическому высказыванию, свободному от навязчивых проповедей и идейных нагрузок» [14, 205]. Эта линия и получила развитие в марийском неоромантическом хоум-арте.

С. М. Червонная, называя данное явление «идиллическим направлением», отмечает, что в марийском искусстве оно имело «особую длительную протяженность в развитии», в чем и выразилась его национальная специфика. Причины этого, как она полагает, две. Одна кроется в ментальности народа, не утратившего «языческого восприятия одушевленной, обожествленной природы, мифологизированной фауны». Другая заключается в геополитическом положении марийского края,

изолированности «от магистральных путей развития агитационно-тематической живописи промышленно-транспортной зоны “Большой Волги”». Эти обстоятельства, по мнению С. М. Червонной, обернулись «неожиданно ценными завоеваниями. Здесь создается поле относительной творческой свободы» [16, 51]. Художник оказался ближе к природе, чем к власти. С этим можно согласиться в полной мере.

«Беспримерный уход в леса» совершил русский неоромантик С. Ф. Подмарев. Отойдя от «суровой» манеры, художник выработал индивидуальный живописный почерк, собственные колористические приемы, от декоративизма перешел к монохромной живописи, построенной на нюансах близких тонов. Его пейзажи становятся полусказочными («Лесная сказка», 1979; «Январь» 1979; «Над Маркитаном», 1983; «Пейзаж с луной», 1990), анималистические сюжеты тяготеют к символизму («Бег красной цапли», 1977; «Крик в ночи», 1985; и др.). Свой живописный стиль он объяснял влиянием марийской природы [11, 63].

Изменилась в сторону большей пластической достоверности и манера З. Ф. Лаврентьева. Жанровые картины дополнились галереей портретов земляков («Птичница О. Аталаева», 1967; «Дед Лаврентий», 1969; «Портрет матери», 1975; и др.), лирическими пейзажами («Дубы над Сурой», 1978; «Весна в родной деревне», 1975; «Пейзаж с охотником», 1977; и др.).

Значительный вклад З. Ф. Лаврентьев внес в искусство графики, обогатив ее национальным колоритом. Как утверждала Н. А. Розенберг, книжная графика выступала одним из определяющих факторов в развитии национально ориентированных тенденций в искусстве финно-угорских народов советского периода¹². По мнению В. Г. Кудрявцева, З. Ф. Лаврентьев явил собой «новый тип художника – исследователя родной этнической культуры» [7, 103]. Он был знатоком и собирателем произведений народного искусства, что нашло отражение в его произведениях. Более сотни книг было проиллюстрировано мастером,

Рис. 4. З. Ф. Лаврентьев. Иллюстрация к книге «Сказки лесов». 1972. РМИИ РМЭ

Fig. 4. Z. F. Lavrentiev. Illustration for the book “Tales of the Forest”. 1972. Republican Museum of Fine Arts of the Republic of Mari El

среди них первые марийские учебники «Букварь» (1975), «Азбука» (1982), издания марийских народных сказок (рис. 4), книги марийских писателей. По словам Г. И. Прокушева, данным фактом художник выполнил «гражданский долг перед своим народом» [11, 84–85].

Национальное своеобразие графики З. Ф. Лаврентьева заключается не только в плодотворном использовании этнографического материала, мотивов национального орнамента вышивки, но и в типах, характерах героев сказок. Именно в этом виде его творчества прослеживаются, с точки зрения исследователей, «эволюция художественных принципов и более внимательное отношение к эстетическим вкусам народа» [8, 142]. З. Ф. Лаврентьев стал одним из самых авторитетных деятелей изобразительного искусства МАССР.

В 1990-е гг. С. М. Червонная назовет творчество этого художника «идеализацией национальной истории и современности» [16, 49]. Строго говоря, это характерная черта национального неоромантического хоум-арта. З. Ф. Лав-

¹² См.: Розенберг Н. А. Прорубить окно в Азию: учеб. пособие. СПб., 2001. С. 145.

Рис. 5. Н. В. Токтаулов. Колхозницы деревни Товарнур (групповой портрет). 1980. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 5. N. V. Toktaulov. Collective farmers of the village Tovarnur (group portrait). 1980. T. Evseev National Museum of the Republic of Mari El

рентьев — первопроходец, наставник следующих поколений национальных художников. Его светлая, позитивная натура явила «мастера с установившимися представлениями о “советской” истории и действительности, никогда не подвергаемой им сомнению в “правильности”, — художника, от которого никто не ждал каких-либо выпадов и протестов» [16, 240]. Отметим, конформизм З. Ф. Лаврентьева был прежде всего следствием его внутренней духовной гармоничности, добродушия и неконфликтности.

Лирическую интонацию в марийском искусстве 1970–1980-х гг. продолжили молодые национальные художники И. В. Ефимов (род. 1946), Н. В. Токтаулов (род. 1949), В. А. Боголюбов (1954–2017), И. М. Ямбердов (род. 1955). Новую манеру приветствовали искусствоведа: «Молодое поколение сумело отринуть “суровый стиль” с большими холстами и пастозной, часто эскизной манерой письма, пришло к более тонкому пониманию живописной формы» [11, 246].

В творчестве живописцев этой «волны» стремление к познанию и выражению своеобразия марийского народа, этнического художественного мышления становится главной задачей. Им было суждено

во многом определить лицо марийского изобразительного искусства не только в 1980-х гг., но и на постсоветском этапе, а некоторым — сыграть свою роль в становлении финно-угорского движения этнофутуризма.

Николай Васильевич Токтаулов был первым из луговых мари выпускником столичного вуза, Московского художественного института им. В. И. Сурикова, куда направлялись молодые таланты из МАССР. Он стал «начинателем стилистических особенностей, пришедших на смену “суровому стилю”» [3, 247]. Его творческую манеру в эти годы отличают наивно-примитивистская стилизация, увлечение прозрачными лессировками и лакировкой. Л. А. Кувшинская видела особенности художественного почерка Н. В. Токтаулова в тонких тональных отношениях и мягкой цветовой гамме, отмечала способность создавать острохарактерные гротескные рисунки [6, 87]. С. М. Червонная определяла его работы того времени как «лубки-сказки о марийской деревне» [16, 50]. Г. И. Прокушев считал эту тенденцию «усилением национальных особенностей» [11, 247], с чем трудно согласиться, поскольку в традиционном искусстве марийцев не было нату-

Рис. 6. И. В. Ефимов. Весна в Горномари. 1980. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 6. I. V. Efimov. Spring in Gornomari. 1980. T. Evseev National Museum of the Republic of Mari El

ралистических изобразительных форм в виде наивных лубочных картинок. Существовала только геометрическая знаковая система орнамента вышивки, семантика которой в силу абстрактности знаков в XX в. была во многом забыта и в национальном костюме советского времени замещена растительным орнаментом.

Сельская идиллия, которую создавал Н. В. Токтаулов в своих картинах (рис. 5), не укладывалась в параметры колхозной действительности, но «глубоко и тонко соответствовала чаяниям, надеждам, неутраченным комплексам народной памяти и социальной мифологии, пока еще смутным символам национального возрождения...», — писала С. М. Червонная. Она же подметила, что постепенно в его живописи усилилось салонное начало, тиражирование в оливково-золотистой тональности темы «мари́йских красот» превратилось в расхожий провинциальный штамп [16, 51]. На то же позже обратил внимание Г. И. Прокушев [10, 70]. Забегая вперед, скажем, что в 1990–2000-х гг. художник словно растеряется и, когда мощно зазвучат

голоса этнических мари, с которыми он вместе пришел в искусство, ему нечего будет добавить в этот хор.

Тонким лириком вошел в мари́йскую живопись художник-горномари Измаил Варсонофьевич Ефимов. Изысканно и напевно он изображал традиционный уклад горных мари и сельскую действительность, без героизации, свойственной творчеству Б. С. Пушкина и графике И. А. Михайлина, а также без той безудержной радости и оптимизма, которая характеризует художественный мир его старшего земляка З. Ф. Лаврентьева. Полотна И. В. Ефимова тех лет, монументальные по размерам и масштабу репрезентации, тем не менее душевны, мечтательно-интимны («День прошедший», 1984; «Дедушкин очаг», 1984), порой отличаются добрым юмором («Мои земляки», 1981).

Первое признание таланта пришло к мастеру в 1979 г. с картиной «Провожают на фронт». Благоклонно встреченная советской художественной критикой, она должна была пополнить собрание Государственного Русского музея, но по ряду

Рис. 7. И. М. Ямбердов. Дед Мирон. 1980-е. РММИ РМЭ

Fig. 7. I. M. Yamberdov. Grandfather Myron. 1980s. Republican Museum of Fine Arts of the Republic of Mari El

причин оказалась в фондах НМ РМЭ им. Т. Евсеева. Через два года, в 1981 г., молодой художник был удостоен Диплома Академии художеств СССР.

В полотне автор не просто обращается к трагедии советского народа, через тему Великой Отечественной войны он поднимает более древнюю тему – вековую боль народа, связанную с проводами рекрутов на бесчисленные войны. Переживание, ставшее архетипическим для мари, ярко выразилось в фольклорном жанре рекрутских песен мари, оно словно звучит в этой картине. В сцене прощания родных и близких с молодым стриженным новобранцем присутствуют основные семиотические знаки этнокультуры, присущие рекрутской теме: солдат, мать, жена с ребенком на руках как своего рода деревенская мадонна. Традиционные атрибуты проводов – белое полотенце, перекинутое через левое плечо парня и завязанное у его правого бедра. Эта традиция существует в некоторых марийских деревнях до сих пор. К перекладине привязана ветка рябины – оберег, символ надежды на встречу.

По-новому для марийского хоум-арта зазвучала национальная тема в картине И. В. Ефимова «Весна в Горномари» (1980; рис. 6). На позднем советском этапе национально-культурная политика уже подразумевала полную этническую интеграцию. Вместо национального многообразия была предложена модель «единого советского народа», сформировался взгляд на этническое своеобразие как на что-то архаичное, отмирающее, уходящее в прошлое. Эта социальная установка вызывала сложные переживания у национальной интеллигенции. Ее осмыслению посвящена данная картина.

Сюжет выстроен на противопоставлении сельской молодежи и условно «городской», т. е. уехавшей из деревни в город. Если «деревенские» в национальной одежде танцуют и веселятся под традиционную гармонь, то молодой человек, одетый по городской моде, с престижным в то время транзисторным радиоприемником, наблюдает за ними со стороны. Этот модник, видимо, уже живет в городе, и национальное для него выглядит отсталым.

Таким образом художник ставит вопрос о взаимоотношении традиционной и современной культур, о национальных корнях и ассимиляции, об этнической идентичности. Поскольку картина о «весне», то главные действующие герои – молодые люди с их этнокультурным выбором.

Решительно вошел в марийское искусство конца 1970-х гг. Иван Михайлович Ямбердов. Прозрачными лессировками он создал исполненные глубокого покоя полотна («Солнце садится», 1980; «Утро в Карамасах», 1985; «Ночное», 1985; и др.). Со временем в его произведениях нарастала динамика. Будучи натурой темпераментной и страстной, художник стал проявлять своеобразие прежде всего в цвете. Колорит, сумеречный с яркими всполохами света, стал сильной стороной его живописи и главным выразительным средством. И. М. Ямбердов заявил о себе не только как мастер сюжетной картины и пейзажа («Родные просторы», 1983), но и как портретист, глубоко чувствующий психологию модели и, особенно, национальный характер («Бабушка Лчи», 1977; «Дед Матвей», 1980; «Дед МIRON», 1980-е; рис. 7; «Звонарь», 1988; детские портреты и др.). Его сюжетно-бытовые картины возвратили в пространство искусства этнографическую достоверность деталей быта народа, к этому времени уже во многом утраченную. Но это была не просто документальность, она наполнялась психологическим содержанием, как, например, в картине «В день свадьбы» (1986–1987), а также символическими смыслами («Медовый полдень», 1982).

Очень быстро в творчестве художника возникли собственно символические произведения («У старого дуба», 1982; «Праздник на площади», 1984; и др.). Он прибегает к метафорам и аллегориям. Так, картина «Красные кони» (1986), показанная на юбилейной выставке, посвящен-

ной 70-летию Октябрьской революции, в 1987 г. была трактована как образ революции, хотя Л. А. Кувшинская уже тогда отметила в ней некоторую «размытку» символа и реальности [6, 89]. Чуть позже сам автор скажет, что видел в работе предвосхищение распада Советского Союза, изображая республики как разбегающихся коней. Однако сегодня эта картина у редкого зрителя может вызвать столь узкие ассоциации, будь то Октябрьская революция или ее итог. Скорее, она порождает ощущение некоей живой, жизнотворящей энергии, летящей сквозь пространство и время.

Заключение

Таким образом, национальный неоромантизм (1970–1980-е гг.) – следующая ступень развития профессионального изобразительного искусства народа мари, возникшая на этапе окончательного институционального оформления и зрелости изобразительного искусства в Марийской АССР. Его появление связано с антропологическим разворотом советской культуры в послесталинский период и относительной стилистической свободой в искусстве. Возникнув в рамках социалистического реализма (1940–1980-е гг.), но в то же время выходя за его пределы, национальный неоромантизм стал не только способом осмысления актуальных проблем, но и приближением к архетипическим ценностным основам культуры. В становлении марийского хоум-арта на этом этапе была велика роль приезжих русских художников, которые, выступая как бы внешним заинтересованным «зеркалом» этнокультуры, тем самым способствовали углублению этнокультурной рефлексии. Символические репрезентации архетипов этнокультуры национального неоромантизма стоит рассмотреть отдельно в рамках авторской модели этнокультурного пространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухов А. В., Глухова Н. Н. Системная реконструкция марийской этнической идентичности. Йошкар-Ола: [Б. и.], 2007. 183 с.
2. Глухова Н. Н. Гендерный аспект флористической символики в марийских песнях // Проблемы марийской и сравнитель-

- ной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2015. С. 256–261.
3. Изобразительное искусство Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 273 с.
4. Колчева Э. М. 100 лет марийского изобразительного искусства: социалистический реализм (конец 1930-х – 1980-е гг.) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 100–115. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.100-115.
5. Колчева Э. М. 100 лет марийского изобразительного искусства: этнографический реализм (1920–1930-е гг.) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 293–307. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.293-307.
6. Кувшинская Л. А. Марийское изобразительное искусство 80-х годов (по материалам юбилейной выставки «Край марийский» 1987 года) // Фольклор и искусство в современной художественной культуре Марийской АССР: сб. ст. Йошкар-Ола, 1991. С. 81–92. (Вопр. мар. фольклора и искусства; вып. 9).
7. Кудрявцев В. Г. Марийская графика. Йошкар-Ола, 2001. 207 с.
8. Кудрявцев В. Г. Фольклор финно-угорских народов Поволжья и Приуралья в графике XX века: моногр. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 2010. 271 с.
9. Отдельнова В. А. Дискуссии о реализме в конце 1960-х гг. в стенограммах Московского отделения Союза художников РСФСР // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 746–754. DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-6-746-754.
10. Прокушев Г. И. О поэтике живописных произведений марийских художников на современном этапе // Фольклор и искусство в современной художественной культуре Марийской АССР: сб. ст. Йошкар-Ола, 1991. С. 64–80. (Вопр. мар. фольклора и искусства; вып. 9).
11. Прокушев Г. И. Этюды о художниках Марий Эл. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. 383 с.
12. Соловьева Г. И. К характеристике национального и интернационального в живописи Марийской АССР // Межнациональные связи марийского фольклора, литературы и искусства. Йошкар-Ола, 1984. С. 79–126. (Вопр. мар. фольклора и искусства; вып. 4).
13. Соловьева Г. И. О специфике и задачах развития исторического жанра в творчестве живописцев республики // Проблемы творчества художников Марийской АССР на современном этапе: сб. ст. Йошкар-Ола, 1989. С. 5–27. (Вопр. мар. фольклора и искусства; вып. 8).
14. Степанян Н. С. Искусство России XX века: Взгляд из 90-х. М.: ЭКСМО-пресс, 1999. 366 с.
15. Товаров-Кошкин Б. Ф., Червонная С. М. Художники Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. 88 с.
16. Червонная С. М. Все наши боги с нами и за нас: (Этническая идентичность и этническая мобилизация в современном искусстве народов России) / под ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО; Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. 298 с.
17. Червонная С. М. Выражение этнического самосознания марийского народа в современном изобразительном искусстве // Финно-угроведение. 1996. № 1. С. 72–81.
18. Чузаев Р. И. Легитимация эндоэтнонима «мари» в первой четверти XX в. // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 73–80. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.073-080.
19. Якимович А. К. Полеты над бездной: искусство, культура, картина мира, 1930–1990. М.: Искусство-XXI век, 2009. 463 с.
20. Kreuger A. The Gely Korzhev retrospective in Moscow: Why him? Why now? Afterall. 2016. Issue 42. URL: <https://afterall.org/article/the-gely-korzhev-retrospective-in-moscow-why-him-why-now-> (дата обращения: 07.07.2022).

Поступила 07.07.2022; одобрена 30.08.2022; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Э. М. Колчева – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения Казанского государственного института культуры, elviramk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3058-5308>

100 years of Mari fine art: national neo-romanticism (1960–1980s)

Elvira M. Kolcheva

Kazan State Institute of Culture,
Kazan, Russia

Introduction. This article continues a series of publications dedicated to the 100th year of the Mari fine arts. National neo-romanticism appeared at the late Soviet stage. It is important to clearly identify it and to determine its place in the process under study.

Materials and Methods. The research methods are based on the author's cultural and archetypal approach. The items of art, archival documents, media publications, catalogs were provided by the museums of the Republic of Mari El.

Results and Discussion. Culture of the late Soviet period, as a background of national neo-romanticism, is characterized by an anthropological change, a demand for sincerity and expression of individuality. Within its framework, unofficial art, various forms of artistic escapism arose. The ethnical theme brought the main artistic innovations into the 'severe style' of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic's art. Visiting Russian artists, A. S. and B. S. Pushkovs, S. F. Podmarev, A. I. Butov, introduced the concept of "Mari El" into the artistic vocabulary of the Republic, created the iconographic type based on the traditional Birch and Woman archetypes, thereby contributed to the development of the new cultural archetype. National neo-romanticism emerged from the 'severe style' and simultaneously formed. Its essence is the poetization of the native culture. Z. F. Lavrentyev implemented it, first, through book graphics to be one of the determinants of ethnocultural reflection. A special role in the development of national neo-romanticism was played by young Mari artists N. V. Toktaulov, I. V. Efimov, I. M. Yamberdov.

Conclusion. National neo-romanticism (1970–1980s) is a stage in the development of the Mari national fine arts originated within socialist realism (1940–1980s). But it goes beyond it due to the representations of the essential issues and approaching the archetypal principles of ethnoculture.

Keywords: fine arts of the Mari ASSR, National neo-romanticism, ethnocultural reflection

For citation: Kolcheva EM. 100 years of Mari fine art: national neo-romanticism (1960–1980s). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:210–224. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.210-224.

REFERENCES

1. Glukhov AV, Glukhova NN. Systematic reconstruction of the Mari ethnic identity. Yoshkar-Ola; 2007. (In Russ.)
2. Glukhova NN. Gender aspect of floral symbolism in Mari songs. *Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii: sb. st.* = Problems of Mari and comparative philology. Collection of articles. Yoshkar-Ola, 2015:256–261. (In Russ.)
3. Zenkin AA, ed. Fine arts of the Mari ASSR. Yoshkar-Ola; 1992. (In Russ.)
4. Kolcheva EM. 100 years of Mari fine art: socialist realism (late 1930s – 1980s). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:100–115. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.100-115.
5. Kolcheva EM. 100 years of the Mari fine arts: ethnographic realism (1920–1930). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:293–307. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.293-307.
6. Kuvshinskaia LA. Mari fine arts of the 80s (based on the materials of the anniversary exhibition "Mari Land" in 1987). *Fol'klor i iskusstvo v sovremennoi khudozhestvennoi kul'ture Mariiskoi ASSR: sb. st.* = Folklore and art in the modern artistic culture of the Mari ASSR. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1991;9:81–92. (In Russ.)
7. Kudriavtsev VG. Mari graphics. Yoshkar-Ola; 2001. (In Russ.)
8. Kudriavtsev VG. Folklore of the Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions in the graphics of the XX century. Monograph. Yoshkar-Ola; 2010. (In Russ.)
9. Otdelnova VA. Discussions on realism at the end of 1960s in the shorthand reports of the artists' Union Moscow Branch of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. *Observatoriia kul'tury* = Observatory of Culture. 2016;13;6:746–754. (In Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-6-746-754.

10. Prokushev GI. On the poetics of paintings by Mari artists at the present stage. *Fol'klor i iskusstvo v sovremennoi khudozhestvennoi kul'ture Mariiskoi ASSR: sb. st.* = Folklore and art in the modern artistic culture of the Mari ASSR. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1991;9:64–80. (In Russ.)
11. Prokushev GI. Etudes about the artists of Mari El. Yoshkar-Ola; 2003. (In Russ.)
12. Solov'eva GI. On the characteristics of the national and international in the painting of the Mari ASSR. *Mezhnatsional'nye svyazi mariiskogo fol'klora, literatury i iskusstva: sb. st.* = Interethnic ties of Mari folklore, literature and art. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1984;4:79–126. (In Russ.)
13. Solov'eva GI. On the specifics and objectives of the development of the historical genre in the work of painters of the republic. *Problemy tvorchestva khudozhnikov Mariiskoi ASSR na sovremennom etape: sb. st.* = Problems of creativity of artists of the Mari ASSR at the present stage. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1989;8:5–27. (In Russ.)
14. Stepanian NS. Art of Russia of the XX century: View from the 90s. Moscow; 1999. (In Russ.)
15. Tovarov-Koshkin BF, Chervonnaia SM. Artists of the Mari ASSR. Yoshkar-Ola; 1978. (In Russ.)
16. Chervonnaia SM. All our gods are with us and for us: (Ethnic identity and ethnic mobilization in contemporary art of the peoples of Russia). Moscow; 1999. (In Russ.)
17. Chervonnaia SM. Expression of the ethnic identity of the Mari people in contemporary fine arts. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric studies. 1996;1:72–81. (In Russ.)
18. Chuzaev RI. The legitimization of the endo-ethnonym “Mari” in the first quarter of the XX century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;1:73–80. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.073-080.
19. Iakimovich AK. Flying over the abyss. Art, culture, picture of the world. 1930–1990. Moscow; 2009. (In Russ.)
20. Kreuger A. The Gely Korzhev retrospective in Moscow: Why him? Why now? *Afterall*. 2016;42. URL: <https://afterall.org/article/the-gely-korzhev-retrospective-in-moscow-why-him-why-now-> (accessed 07.07.2022).

Submitted 07.07.2022; reviewing 30.08.2022; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. M. Kolcheva – Candidate Sc. {Arts}, Associate Professor, Department of the Museology, Cultural Studies and Art History, Kazan State Institute of Culture, elviramk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3058-5308>

Разработка дизайн-проекта сценического удмуртского костюма на основании использования книг о национальной одежде

Ирина Анатольевна Сазыкина

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия*

Введение. В статье актуализирована проблема создания этнических сценических костюмов для народных коллективов. Рассматриваются этапы разработки дизайн-проекта удмуртского этнического костюма для сцены в мастерской художника на основе материалов книг о народной одежде и с участием студентов Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили современные сведения об удмуртском национальном костюме, обобщенные в трудах специалистов в области изучения национальных костюмов финно-угорских народов, в первую очередь М. К. Завьяловой и С. Х. Лебедевой. В работе использовались общенаучные методы: системного анализа, сравнения, семантического анализа, а также интегративный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Для удмуртского национального женского костюма характерны такие особенности, как сакральность, знаковость. Женская одежда испещрена символами. С глубокой древности удмурты наделяли одежду магическими свойствами, что нашло отражение в орнаменте. Изучение истории национального костюма как составной части жизни этноса является важнейшей культурологической задачей. Исследования С. Х. Лебедевой и М. К. Завьяловой послужили основным источником идей при создании дизайн-проектов сценических костюмов, выполненных художником – автором статьи для народного удмуртского ансамбля «Нардон» и Культурно-туристического центра «Усадьба Тол Бабая». Активное участие в этом процессе принимали студенты Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета.

Заключение. В настоящее время удмуртский национальный костюм практически исчез из реальной жизни этноса. В таких условиях возрастает значение научных исследований специалистов по костюму – этнографов, искусствоведов, историков. Важный вклад в дело сохранения национальной культуры вносят народные творческие коллективы. Разнообразие сценических костюмов достигается работой художника по костюму.

Ключевые слова: национальный костюм удмуртов, геометрические и солярные сакральные знаки, оберег, сценический национальный костюм

Для цитирования: Сазыкина И. А. Разработка дизайн-проекта сценического удмуртского костюма на основании использования книг о национальной одежде // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 225–236. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.225-236.

Введение

У художника по костюму не всегда есть возможность выехать на полевые сборы интересующего его материала. В этом случае в работе над созданием сценического образа неоценимую помощь оказывают научные труды специалистов. В контексте нашего исследования, связанного с выявлением особенностей удмуртского национального женского костюма, особый интерес представляют две книги, опубликованные приблизительно в одно время (1990–2000-е гг.): «Татарский костюм»

М. К. Завьяловой [4] и «Удмуртская народная одежда» С. Х. Лебедевой [8]. Данные книги легли в основу настоящего исследования и использованы при разработке дизайн-проектов сценического удмуртского костюма с участием студентов Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета.

М. К. Завьялова и С. Х. Лебедева – известные специалисты в области изучения национальных костюмов финно-угорских народов. С. Х. Лебедева большую часть

жизни посвятила работе в Национальном музее Удмуртской Республики имени Кузубая Герда, где стала автором и организатором многих этнографических выставок. М. К. Завьялова возглавляет этнографический сектор всех фондов Национального музея Республики Татарстан. Ежегодно коллекция музея пополняется предметами материальной и духовной культуры народов, проживающих на территории Татарстана, а также этнических татар за пределами республики. Как и коллега из Удмуртии, М. К. Завьялова – автор многих выставок, рассказывающих о костюмах: «Одежда народов Поволжья»; «Лицевое орнаментальное шитье»; «Жемчуг и бисер народов Поволжья» [4, 255]. Исследовательница обладает обширными знаниями в области изучаемых ею тем (костюм, вышивка, дополнения к изделиям). Под руководством М. К. Завьяловой сотрудники музея собирают этнографический материал, связанный не только с татарским костюмом, но и с костюмами других народов, проживающих в Поволжье. В частности, объектом их интереса являются бавлинский вариант южноудмуртского костюма, распространенный на территории Бавлинского района, а также завятский костюмный комплекс, характерный для Балтасинского района Республики Татарстан.

Обзор литературы

К проблеме анализа особенностей финно-угорского (удмуртского) костюма за последние годы обращались Л. В. Мелешкина [10], Л. А. Молчанова [11], Е. Е. Нечвалода [12], А. Н. Павлова [13], А. И. Сабурова [15], И. Л. Сиротина [17] и ряд других исследователей.

В трудах С. Н. Виноградова, М. К. Завьяловой, К. М. Климова, С. Х. Лебедевой многосторонне показана сакральная, «оберегающая» функция финно-угорской национальной одежды, определена роль знаков, узоров, наносимых на одежду и головные уборы с помощью различных техник. По утверждению И. Л. Сиротиной, «семиотика финно-угорского народного костюма выявляет первосмыслы его

символов, отражающих мировоззренческие ориентиры, сущность человеческой жизни» [17, 59].

В книгах М. К. Завьяловой и С. Х. Лебедевой представлен разнообразный материал, собранный авторами за время многолетних научных экспедиций по родному краю. Как справедливо заметила А. Н. Павлова, исследование костюма в этнографии обычно сопряжено с изучением вопросов этногенеза, взаимодействия и взаимовлияния этнических культур [13, 5].

Фокус авторского внимания определяют сами названия книг: в одной из них речь идет о национальном костюме, а в другой – о национальной одежде. Л. В. Орленко в Терминологическом словаре одежды объясняет разницу между понятиями «костюм» и «одежда»: «...в понятие “костюм” входит одежда, обувь, прическа, косметика, головной убор, украшения, перчатки»; «Если одежда служит человеку для того, чтобы защитить его от климатических воздействий, то костюм отражает внешний образ человека, выявляет его внутреннее содержание и является психологической, социальной, возрастной и исторической его характеристикой»¹.

В исследовании М. К. Завьяловой речь действительно идет не только об одежде, но и о косметике и украшениях, выявляются отличия городского костюма от костюма сельских жителей, особенности костюма различных этнических и территориальных групп. В частности, сообщается, что зажиточные женщины применяли усму для бровей, сурьму для ресниц, хну для ногтей [4, 84, 87]; «городские барышни украшали себя ожерельями, накосниками (тат. *чулты*), браслетами, серьгами из драгоценных металлов с самоцветами» [4, 89]. В круг интересов автора входят сам костюм, дополнения к нему, а также быт и нравы разных социальных групп проживающих на территории Татарстана народов. Большое внимание уделено особенностям технических приемов вышивки.

С. Х. Лебедевой тщательно изучена народная одежда северных, южных, срединных удмуртов и бесермян. Исследователь-

¹ Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды: Ок. 2000 слов. М., 1996. С. 115.

ница одной из первых среди специалистов по национальной одежде в Удмуртии проанализировала, во что одевались удмурты в разное время, выполнила технические эскизы представленных групп одежды и охарактеризовала каждую из них, обратила внимание на особенности мужских и женских национальных костюмов.

«Удмуртская народная одежда» – фундаментальный труд о национальной одежде одного из финно-угорских народов России. Здесь представлены технические эскизы рубах *дэрем* с подробным описанием, а также верхней одежды *шортдэрем* основных групп удмуртов: северных и южных. Помимо непосредственно одежды в книге нашли отражение платки *сюлык*, вышивки, нагрудники *кабачи*, головные уборы и полотенца. На наш взгляд, заслуга автора состоит еще и в современной подаче визуализации и эскизов, что важно для информативности и соответствует духу сегодняшнего времени. На страницах книги наряды демонстрируют наши современники – молодые люди творческих профессий (художники братья Степановы, оформитель книг Юрий Лобанов, руководитель фольклорно-этнографического ансамбля «Чипчирган» Ирина Пчеловодова и др.).

Сегодня на смену традиционным техникам декора приходят новые технологии (принты, набойки, батик и т. п.), с помощью которых можно придать новое «звучание» специфическим деталям национальной одежды в молодежных коллекциях прет-а-порте по удмуртским мотивам. Об этно-стиле класса прет-а-порте в современной моде пишут начинающие художники по костюму Ю. А. Лекомцева и О. Н. Никитина: «...современные дизайнеры активно используют элементы этнической культуры в модных нарядах. Поднимается проблема сохранения и транслирования традиционной культуры через продукцию массового спроса» [9, 176].

Материалы и методы

В основу авторской концепции положены современные сведения об удмуртском национальном костюме, обобщенные в научных трудах прежде всего М. К. За-

вяловой и С. Х. Лебедевой. В работе использовались общенаучные методы: системного анализа, сравнения, семантического анализа, а также интегративный метод, позволяющий применить знания, полученные различными науками, при решении задач, поставленных в исследовании.

Результаты исследования и их обсуждение

Для удмуртского национального женского костюма характерны такие особенности, как сакральность, знаковость. Женская одежда испещрена символами. С глубокой древности удмурты наделяли одежду магическими свойствами, что нашло отражение в орнаменте. Можно сказать, что одежда помимо функции создания эстетичного внешнего вида обладала и функцией охраны – оберега хозяина. Однако магически защищала человека собственно не столько одежда, сколько знаки и символы, нанесенные на нее. На это обратил внимание К. М. Климов: «Немалую роль в орнаментальной мелодии занимает мотив ромба (“питыри”, “питырес”). До сих пор известен его неутраченный смысл как оберега от сглаза и дурных сил» [6, 96].

Геометрические и солярные знаки используются при создании современных сценических удмуртских костюмов для народных коллективов. Как правило, народные коллективы работают на сцене в визуально аутентичных для какого-либо этноса костюмах (материалы и технологии изготовления таких костюмов при этом необязательно должны быть исторически аутентичными). Художник-проектировщик решает задачу достижения максимальной визуальной исторической достоверности изделия за счет композиции ансамбля одежды, аксессуаров и цветовой гаммы. По замечанию Л. В. Мелешкиной, «принципы композиционного построения народного костюма, четкость форм и линий, продуманная конструкция, взаимосвязь декора с конструкцией и формой, соответствие материала назначению костюма для современного дизайнера являются примером профессио-

нального подхода к созданию моделей и коллекций» [10, 52].

Костюмы данного типа обычно являются внешне сходными с праздничными и ритуальными национальными изделиями. А. И. Сабурова утверждает, что «в наше время удмуртский костюм востребован как средство этнической самоидентификации удмуртов. Национальную одежду достают из бабушкиных сундуков и надевают в праздники» [15, 58].

Национальные костюмы удмуртов в достаточной мере представлены в музеях Москвы, Санкт-Петербурга², Казани. Есть они и в Этнографическом музее в Будапеште (Венгрия), и в Музее культур в Хельсинки (Финляндия). Присутствует костюм и в системе деятельности Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел в Ижевске, основная цель которого – «монографические выставки, посвященные национальному костюму и народной игрушке, в частности сувенирной кукле как носителю образа костюма» [1, 78]. Однако совсем необязательно ехать в другой город или страну, чтобы познакомиться с удмуртским национальным костюмом. Посещение многочисленных музеев в селах и поселках Удмуртии поможет художнику открыть для себя уникальные (по цвету и покрою) национальные костюмы³, сделать качественные снимки удмуртских девушек и юношей, снять размеры и выполнить чертежи костюмов с описанием каждого элемента.

Ниже представлены проекты создания удмуртского этнического костюма для сцены, выполненные художником по костюму – автором статьи: проект 1 – для народного удмуртского ансамбля «Нардон» (г. Набережные Челны, Татарстан); проект 2 – для народного коллектива Культурно-туристического центра «Усадьба Тол Бабая» (с. Шаркан, Удмуртия). Аксессуары (головные уборы) для костюмов создавались при участии студентов Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета.

ПРОЕКТ 1. Создание сценического костюма для ансамбля «Нардон» («Рассвет»)

Требования:

- сценический костюм для солистки ансамбля должен быть выдержан в едином композиционном решении;
- костюм должен быть выполнен по мотивам завятского традиционного национального женского костюма;
- локализация национальных орнаментальных мотивов – по платью-рубашке, платку *сюлык* и по низу фартука;
- в композиции костюма должны быть сохранены сакральные знаки.

Портрет заказчицы: молодая женщина спортивного телосложения, стройная, высокая, приятной внешности. Светло-русые волосы, серо-голубые глаза, обладает красивым голосом меццо-сопрано.

Проектно-искусствоведческий анализ артефактов

Для создания искусствоведческой основы творческого проекта было проведено научное исследование принципов материализации сакрального содержания завятского женского костюма. В качестве объекта изучения использовались репродукции и описания артефактов женских костюмных комплексов из книг С. Х. Лебедевой [8], М. К. Завьяловой [4], а также С. Н. Виноградова [3].

Выявлены основные сакрально значимые элементы женской завятской одежды: платье-рубашка из пестряди в красно-белой гамме с розетками на белом фоне; укороченный камзол-безрукавка красного цвета из полушерстяной ткани; нарядный фартук *ашет* с сакральным геометрическим орнаментом в виде углов и линий, вытканым в технике выборного ткачества; нагрудное украшение *чыртыкыш* с монетами разной величины; платок-покрывало *сюлык* с сакральным знаком «вспаханное поле» черного цвета.

Уже с XVII в. в одежде женщины с Вятки ярко проступают особенности

² См.: «Роспись иглой...»: вышивка в традиционной одежде народов России: интерактив. каталог. СПб., 2013. 1 CD-ROM. Загл. с экрана.

³ См.: Удмуртские национальные костюмы. URL: <http://udmurt-costume.blogspot.com/search?updated-max=2011-09-16T10:06:00-07:00&max-results=7&start=7&by-date=false> (дата обращения: 26.11.2022).

Рис. 1. Сценический костюм для народного удмуртского ансамбля «Нардон»: а – эскиз костюма; б – солистки в сценических костюмах с платками *сюлык*; в – аксессуар *сюлык* (костюмы и фото И. А. Сазыкиной)

Fig. 1. Onstage costume for the Udmurt folk ensemble “Hardon”: а – а sketch of the costume; б – the soloists wearing the onstage costumes accompanied by with *syulyk* scarves; в – accessory “*syulyk*” (costumes and photo by I. A. Sazykina)

традиционного удмуртского костюма. Е. Е. Нечвалода, проанализировав изображение удмуртки в альбоме Августина Мейерберга (1660-е гг.), заметила, что «украшающий ее голову высокий убор, поверх которого накинуто покрывало с бахромой по краям, соответствует головному убору замужних удмурток – *айшон*, носимому с платком-покрывалом *сюлык*» [12, 127].

Женский завятский костюм впитал в себя многие элементы татарского национального костюма, но сохранил и свои архаичные удмуртские черты. Национальный крой одежды описан у М. К. Завьяловой: «Стремление наиболее рационально использовать материал и упростить шитье одежды породило крой, который ученые условно называют “туникообразным”. Он возник в глубокой древности на Востоке, дал основные типы накладной и распашной одежды, бытовавшей не только на большой территории Евразии, но и в Европе до X–XI вв.» [4, 20]. Этот же крой накладной и распашной одежды встречается и у других финно-угорских народов. О давних духовных связях «...между удмуртским населением и коми, а также обскими уграми Зауралья» пишет Н. И. Шутова [20, 141]. На многообразие удмуртского костюма обращает внимание А. И. Сабурова: «Традиционная женская одежда – туникообразная рубаха с оборками, одежда

типа халата, передник, высокий конусообразный головной убор с накидкой» [15, 57].

По наблюдению С. Х. Лебедевой, «основу женского завятского костюма составляют рубаха (*дэрем*), фартук (*ашет*), платок-покрывало с конусообразным головным убором (*ашъянэн сюлык*). Верхняя одежда – кафтан-безрукавка из полушерстяной красной или черной домотканины *зыбын*» [8, 119]. Аксессуары к костюму южных удмуртов описывает С. Н. Виноградов, выделяя среди них «передник с грудкой и оборками» и нагрудное украшение *чыртыкыш*, состоящее «из крупных серебряных монет по контуру, к центру они мельчают, а к самой середине заменяются цветными бусами и морскими раковинами *йырпиль*» [3, 30]. Художник приходит к выводу, что «завятские удмурты любят яркие цвета в гармонических сочетаниях – чаще применяют розовые, малиновые, лиловые в сочетании с желто-зелеными, голубыми, синими» [3, 24].

Платок-покрывало *сюлык* невеста собственноручно изготавливала из тонкого домотканого полотна (из крапивы). Одним из первых среди удмуртских искусствоведов этот головной убор описал К. М. Климов: «Сюлыки поражают силой цвета, сложной ритмической структурой. В них, как нигде, полно и мощно проявил-

ся декоративный дар удмуртского народа. Сюльки самобытны и неповторимы» [6, 148]. Из платков-покрывал, хранящихся в Национальном музее Удмуртской Республики, исследователя больше всего заинтересовал платок завятских женщин черного цвета: молодая женщина должна была носить его до рождения первенца, а при отсутствии детей – в течение трех лет [6, 148].

Как отмечает М. К. Завьялова, анализируя татарский женский костюм, «длиительные хозяйственно-культурные контакты с финно-угорским окружением сформировали своеобразный женский комплекс головного убора “сюрек”» [4, 228], в котором нетрудно увидеть удмуртский *сюлык*.

Е. И. Ковычева, обращаясь к проблеме костюма современных фольклорных коллективов, подчеркивает, что его «эстетическое совершенство связано с глубочайшей символикой, отражающей мировоззренческие представления и идеалы этноса. Именно эти архетипы, несущие общечеловеческие ценности, имеют огромное воспитательное значение» [7, 87].

Создавая нарядный сценический комплекс одежды для ансамбля «Нардон» (рис. 1), художник по костюму вместе с режиссером коллектива в соответствии с описанием С. Х. Лебедевой для безрукавки выбрали полушерстяную красного цвета ткань, а для рубахи-платя – пестроткань с узором в виде розеток, с имитацией техники выборного ткачества. По свидетельству М. К. Завьяловой, «татары Заказанья (Приуралья)... ткали холст с мелкими многоцветными узорами – розетками, но располагали их не на красном, а на белом фоне» [4, 233].

По низу фартука *ашет* в сценическом костюме была пришита полоса тканого ручного полотна с традиционным удмуртским геометрическим орнаментом. Для этого элемента автор остановился на технике выборного ткачества, так как она широко бытует в южных районах⁴.

Орнаментальное декорирование костюма финно-угров основывается не

только на понимании мифологических представлений этносов, но и на знании традиционных технологий выполнения домотканых полотен. Например, с помощью иглы и ниток можно вышить любую композицию по ткани, в ткачестве же сакральные мотивы состоят из простейших элементов (линий, углов, треугольников и ромбов). В сценическом костюме вытканые по фартуку углы образуют мотив ромба. Во время ткачества геометрических узоров мастерица использовала шерстяные нити темно-бордового, розового, желтого и зеленого цветов – такая цветовая гамма характерна для удмуртских декоративно-прикладных изделий.

Нагрудным украшением для солисток народного ансамбля «Нардон» стал *чыртыкыш* в соответствии с описанием С. Х. Лебедевой и С. Н. Виноградова.

Автору дизайн-проекта было важно сохранить в дополнениях к костюму условно-аутентичную связь с первоисточником.

Методика работы со студентами

Праздничный платок *сюлык* (см. рис. 1, с) был выполнен руководителем мастерской при участии студентов I курса Института искусств и дизайна.

Предварительно студентам было предложено задание:

1) разработать композицию платка *сюлык* по дисциплине «Аксессуары костюма»;

2) составить аннотацию, в которой раскрыть тему платка.

Развивая мысль В. Тэрнера о том, что «...белое = семя ассоциируется с союзом мужчины и женщины; белое = молоко – со связью матери и ребенка...» [18, 30], Л. А. Молчанова писала: «...белый цвет традиционной одежды и красно-черные узоры на ней, естественно, несли функцию оберега от чужих враждебных сил» [11, 111]. Черный цвет, согласно мифологическим представлениям, ассоциируется со всем, что «соприкасается» с землей, с тем, что на ней произрастает в самых опасных местах леса. Так, черную краску

⁴ См.: Традиционное ткачество Удмуртии: интерактив. каталог. Ижевск, 2011. 1 CD-ROM. Загл. с экрана.

(удм. *сьод*) удмурты получали с помощью отвара содержащего оксид железа ржавого мха, который собирали на болоте⁵. Это свидетельствует о неразрывном переплетении в языческих представлениях материального, астрального и сакрального миров. При создании аксессуара на белое полотно платка-покрывала студенты наложили аппликацию черного цвета в виде геометрических фигур (ромбов, квадратов, углов). Объединив белое и черное полотно техникой лоскутной мозаики, они получили знак, напоминающий вспаханное поле, который, по представлениям удмуртов, символизировал женское плодородие. По утверждению Б. А. Рыбакова, знаком засеянного поля является ромб [14]. Л. А. Молчанова полагает, что «ромб, как четырехчастный символ, подчеркивает статическую целостность, а треугольник – динамику, поток новых жизней» [11, 103].

ПРОЕКТ 2. Создание сценического образа Лымыныл (Снегурочки)

Требования:

– сценический костюм должен быть выполнен по мотивам традиционной национальной одежды южных удмуртов (бавлинских и завятских);

– в костюме должна присутствовать традиционная красно-бело-черная цветовая триада;

– в композиции костюма должны быть сохранены сакральные знаки (черный контур в вышивке и солярный знак по груди).

Портрет заказчицы: юная девушка, стройная, спортивного телосложения, обладает уникальным голосом. Темно-русые волосы, карие глаза, светлая кожа.

Проектно-искусствоведческий анализ артефактов

При создании искусствоведческой основы творческого проекта автор провел исследование принципов материализации женских костюмов. Были проанализированы костюмы бавлинских и завятских удмуртов, в частности из собраний Национального музея Удмуртской Респуб-

лики, иллюстративный материал из книг С. Н. Виноградова [3] и С. Х. Лебедевой [8].

Основу творческого поиска составили комплексы одежды южных удмуртов. В женском бавлинском костюме характерным элементом исследователи считают головной убор *чачаго*. С. Х. Лебедева так описывает головной девичий убор: «...состоит из большого полущалка *чачагокышет*, завязанного на макушке крупным бантом, и налобной девичьей повязки *чачаг* с длинными кистями из позументных нитей и деревянными винтообразными подвесками, перевитыми теми же нитями... общее название головного убора *чачаго*» [8, 148].

Н. И. Шутова обращает внимание на столь важную особенность удмуртского костюма, как «...узоры, широко распространенные и относящиеся к явлениям общетипологического свойства. К таким относится знак восьмиконечной звезды *толезе* ‘лунный узор’ – один из главных удмуртских символов» [19, 87].

В результате проделанной работы были выявлены основные сакрально значимые элементы одежды двух групп удмуртов: съемный нагрудник *кабачи* со знаково-стью (солярной и геометрической) в вышивке; головной убор *чачаго* в виде банта на макушке; девичий костюм в цветовой (красно-бело-черной) триаде, характерной для символики Удмуртской Республики; старинный кафтан невесты белого цвета с ложными рукавами.

Завятский костюмный комплекс одежды был подробно описан в проекте 1, за исключением верхней одежды, а именно распашного кафтана невесты (хранится в Национальном музее Удмуртской Республики). Вот как описывает данный элемент комплекса одежды С. Х. Лебедева: «Кафтан из белой льняной домотканины туникообразного силуэта с длинными ложными рукавами... чуть расширен за счет двух боковых клиньев... на ложных рукавах около локтя прорези для рук» [8, 122].

Завятские женщины предпочитали в платьях-рубахах яркие цвета, поэтому в

⁵ См.: Крашение ткани природными красителями // Ярмарка Мастеров. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/886353-krashenie-tkaney-prirodnymi-krasitelyami> (дата обращения: 20.10.2022).

Рис. 2. Костюм Лымыныл по удмуртским мотивам: а – эскиз костюма; б – Лымыныл в девичьем головном уборе чачаго; с – головной убор чачаго; d – вышивка с солярным знаком *толезе* ‘лунный узор’ по нагруднику *кабачи* (костюмы и фото И. А. Сазыкиной)

Fig. 2. Lymynyl costume based on Udmurt motives: a – a sketch of the costume; b – Lymynyl used for a girl's headdress *chachago*; c – a *chachago* headdress; d – embroidery with the solar sign *tolese* meaning ‘a moon pattern’ on the bib of the *kabachi* (costumes and photo by I. A. Sazykina)

платьях преобладали все оттенки красного цвета. Если говорить о вышивке, то здесь тоже была своя особенность, о которой писала В. Н. Белицер в книге «Народная одежда удмуртов»: «Начиная вышивать, женщина-бесермянка наносит контуры узора черным шелком. Этот прием шитья называется “*чертат*” (чертить, очерчивать)... затем заполняет цветным шелком контуры очерченного узора» [2, 117]. Черный (вятский) контур (удм. *дур вурет*) создавали в технике узкого косого стежка. В. Н. Белицер расценивает обводку узора в технике черного контура как присутствие обережного сакрального знака в вышивке.

Ни у одного финно-угорского народа, кроме удмуртов, нет такого элемента одежды, как съемный нагрудник (удм. *кабачи*). Мордва и марийцы аналогичную обереговую композицию вышивали непосредственно на платье-рубаше в области груди. Невеста-удмуртка по нагруднику вышивала знак *толезе* ‘лунный узор’, символизирующий покровительство и власть небес над людьми. Данный знак мастерицы выполняли при помощи различных доступных техник (вышивка гладью, ковровым застилком, косым стежком). Цветовое решение мотива было

красным, красно-терракотовым, бордовым, розовым. В сценическом костюме Лымыныл солярный знак голубого цвета, благодаря чему автор костюма выделяет ледяную девочку среди местных молодых сельчанок.

При работе над кафтаном и платьем-рубашкой Лымыныл художник вновь обращается к книге С. Х. Лебедевой, а именно к описанию традиционного кроя женских костюмов, состоящих из рубахи *дэрем* и верхней одежды *шортдэрем* [8, 138]. Вопрос создания комплекса одежды для сказочного персонажа рассматривается в одной из предыдущих работ автора на примере Тол Бабая (Деда Мороза) [16, 169]. Все теоретические находки иллюстрируются их практическим использованием при создании авторских коллекций.

Работая над нарядным сценическим комплексом одежды для Лымыныл (рис. 2), художник по костюму учел особенности одежды бавлинских и завятских удмуртов.

Методика работы со студентами

Праздничный головной убор *чачаго* (см. рис. 2, с) был выполнен руководителем мастерской при участии студентов II курса Института искусств и дизайна.

Предварительно студентам было предложено задание:

1) разработать композицию девичьего убора *чачаго* по дисциплине «Аксессуары костюма»;

2) раскрыть тему *чачаго*, составив аннотацию.

Образ Лымыныл собирательный – в комплексе присутствуют элементы одежды бавлинских и завятских удмуртов, и только головной убор *чачаго* имеет конкретный адрес – дополнение к национальной одежде бавлинских девушек. Такой убор подошел для Лымыныл. Шапочку и бант студенты сшили из бархата красномаренового цвета, украсили кружевом, тесьмой, бусинами, что является традиционным для декора аксессуаров.

Для *чачаго* характерно наверхие в виде банта довольно больших размеров: бант – тот предмет, который могла прикрепить к головной повязке только юная девушка. «Выявление и акцентирование смысловых акцентов, – подчеркивает С. Н. Зыков, – является одной из главных задач художника по костюму, который обладает достаточно обширным инструментарием для этого. Смысловое акцентирование может осуществляться при помощи различных элементов: строгой пространственной локализации на костюме, специфического характера формы объектов объемной пластики, а также яркой цветовой гаммы» [5, 173].

Костюм Лымыныл отражает такие черты мифического персонажа, как доброта, любовь к детям, умение искренне радоваться успехам людей любого возраста.

Заключение

В настоящее время удмуртский национальный костюм практически исчез из реальной жизни этноса, лишь отдельные его детали воспроизводятся в праздничной одежде, прежде всего деревенских жителей. Вместе с тем изучение истории национального костюма как составной части жизни народа является важнейшей культурологической задачей. Большое значение приобретают научные исследования специалистов – этнографов, искусствоведов, историков костюма. Важный

Для удмуртского национального женского костюма характерны такие особенности, как сакральность, знаковость. Удмурты наделяли одежду магическими свойствами, что нашло отражение в орнаменте.

вклад в дело сохранения национальной культуры вносят народные творческие коллективы. Они заинтересованы в разнообразии сценических костюмов, и в этом случае на помощь приходит художник по костюму.

Создавая дизайн-проекты для двух народных коллективов, мы ориентировались на праздничные и ритуальные виды и формы финно-угорской одежды, опирались на глубокие и многосторонние исследования истории удмуртского костюма С. Х. Лебедевой и М. К. Завьяловой. При этом мы исходили из того, что максимальная визуальная историческая достоверность изделия достигается за счет формирования особого ансамбля одежды, аксессуаров и цветовой гаммы. В дополнениях к костюму важно было сохранить условно-аутентичную связь с первоисточником.

В сценических костюмах большое значение придается геометрическим и солярным сакральным знакам, характерным для одежды бавлинских и завятских удмуртов. Как показал анализ, самыми распространенными и традиционными были ромбы, квадраты и углы – они присутствуют в рисунке свадебного платка-покрывала *сюлык*, занимая центральную часть полотна.

Солярный обережный знак *толезе* ‘лунный узор’ вышивался и ткался исключительно по съемной детали – нагруднику *кабачи*. Хотя, как правило, он выполнялся в красном, красно-терракотовом, бордовом или розовом цвете, у Лымыныл солярный знак голубого цвета, что позволяет безошибочно отнести ее к персонажам зимнего царства Тол Бабая.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

тат. – татарский язык
удм. – удмуртский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байкова Е. В., Буянова Л. И., Пислегова О. Л. Опыт сохранения и развития удмуртского национального костюма в системе деятельности «Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 78–85.
2. Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 152 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 10).
3. Виноградов С. Н. Удмуртская одежда. Ижевск: Удмуртия, 1974. 68 с.
4. Завьялова М. К. Татарский костюм: из собрания Государственного музея Республики Татарстан. Казань: Заман, 1996. 262 с.
5. Зыков С. Н. Ирина Анатольевна Сазыкина – художник по костюму: опыт творческой работы с финно-угорскими фольклорными коллективами // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 171–177.
6. Климов К. М. Удмуртское народное искусство. Ижевск: Удмуртия, 1988. 199 с.
7. Ковычева Е. И. Проблемы костюма современного фольклорного коллектива // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 86–93.
8. Лебедева С. Х. Удмурт калык дйськут = Удмуртская народная одежда = Udmurt folk costume. Ижевск: Удмуртия, 2008. 207 с.
9. Лекомцева Ю. А., Никитина О. Н. Этностиль в современной моде Удмуртии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, № 2. С. 169–177.
10. Мелешкина Л. В. Традиционный национальный костюм финно-угорских народов как объект дизайна // Финно-угорская традиционная культура в современном информационном обществе: К 10-летию кафедры дизайна и рекламы: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Саранск, 2013. С. 52–57.
11. Молчанова Л. А. Удмуртский народный костюм: (история и символика). Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2006. 121 с.
12. Нечвалода Е. Е. Изображение удмуртки и марийки в альбоме Августина Мейерберга (историко-этнографический анализ графического источника) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 2. С. 125–140.
13. Павлова А. Н. Семиотика костюма волжских финнов I – начала II тыс. н. э.: моногр. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2004. 491 с.
14. Рыбаков Б. А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство СССР. 1975. № 1. С. 30–33; № 3. С. 38–44.
15. Сабурова А. И. Декоративное оформление современной одежды на основе национального удмуртского костюма // Финно-угорская традиционная культура в современном информационном обществе: К 10-летию кафедры дизайна и рекламы: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Саранск, 2013. С. 57–59.
16. Сазыкина И. А. Сакральный образ коня в современных этно-костюмах // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова. 2022. № 4, ч. 2. С. 169–181. DOI: 10.37485/1997-4663_2022_4_2_169_181.
17. Сиротина И. Л. Национальный финно-угорский костюм в современном социокультурном пространстве // Финно-угорская традиционная культура в современном информационном обществе: К 10-летию кафедры дизайна и рекламы: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Саранск, 2013. С. 59–61.
18. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
19. Шутова Н. И. История происхождения и семантика лунного знака *толезе* // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 87–94.
20. Шутова Н. И. Предания о Золотой Бабе и удмуртские параллели // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 2. С. 141–150.

Поступила 24.02.2022; одобрена 25.11.2022; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

И. А. Сазыкина – кандидат искусствоведения, доцент кафедры компьютерных технологий и художественного проектирования Удмуртского государственного университета, член Союза дизайнеров России, заслуженный деятель искусств Удмуртской Республики, sazykina@internet.ru

Development of an onstage costume design project of Udmurt national costume based on the books on national clothing

Irina A. Sazykina

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia

Introduction. The article discusses the problem of developing ethnic onstage costumes for folk bands. The steps of the development of the design project of the Udmurt onstage ethnic costume for the in the studio of the artists are based on the materials found in the books on folk clothing. It also considers the involvement of the students from the Institute of Arts and Design of the Udmurt State University.

Materials and Methods. The study is based on modern research on the Udmurt national costume, summarized in the works of specialists studying the national costumes of the Finno-Ugric peoples, primarily M. K. Zavyalova and S. Kh. Lebedeva. The article employs general research methods such as system analysis, comparison, semantic analysis, as well as an integrative method.

Results and Discussion. The Udmurt national female costume is characterized by such features as sacredness and symbolism. Women's clothing is streaked with symbols. From ancient times, the Udmurts endowed clothes with magical properties reflected in the ornament. The study of the history of the national costume as an integral part of the life of an ethnic group is a very important cultural task. The research by of S. Kh. Lebedeva and M. K. Zavyalova considered the main source of ideas for the creation of design projects for the onstage costumes, made by the artist, the author of the article, for the Udmurt folk band "Hardon" and the Cultural and Tourist Center "Tol Babai Estate". The students of the Institute of Arts and Design of the Udmurt State University took an active part in this process.

Conclusions. At present, the Udmurt national costume has practically disappeared from the everyday life of this ethnic group. Under such conditions, the importance of research by ethnographers, the specialists in costumes, art critics, and historians is increasing. An important contribution to the preservation of national culture is made by folk art bands. A variety of stage costumes is achieved by the work of a costume designer.

Keywords: a national costume of the Udmurts, geometric and solar sacred signs, an amulet, an onstage national costume

For citation: Sazykina IA. Development of an onstage costume design project of Udmurt national costume based on the books on national clothing. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:225–236. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.225-236.

REFERENCES

1. Baikova EV, Buyanova LI, Pislegova OL. Experience in maintenance and development of Udmurt national costume in the system of National centre for applied arts and crafts. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2012;4:78–85. (In Russ.)
2. Belitser VN. Folk clothes of the Udmurts: Materials for ethnogenesis. Moscow; 1951;10. (In Russ.)
3. Vinogradov SN. Udmurt clothes. Izhevsk; 1974. (In Russ.)
4. Zav'ialova MK. Tatar Costume. From the collection of the Tatarstan Republic's State Museum. Kazan; 1996. (In Russ.; In Engl.; In Tatar)
5. Zykov SN. Irina A. Sazykina as a costume designer: artistic expertise in working with Finno-Ugric folk performance groups. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016;10;2:171–177. (In Russ.)
6. Klimov KM. Folk arts and crafts in Udmurtia. Izhevsk; 1988. (In Russ.)
7. Kovycheva EI. Problems of contemporary folk group's suit. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2012;4:86–93. (In Russ.)
8. Lebedeva SKh. Udmurt folk costume. Izhevsk; 2008. (In Russ.; In Engl.; In Udm.)
9. Lekomtseva YA, Nikitina ON. Ethnic style in contemporary fashion in Udmurtia. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2017;11;2:169–177. (In Russ.)
10. Meleshkina LV. Traditional national costume of the Finno-Ugric peoples as an object of design. *Finno-ugorskaia traditsionnaia*

- kul'tura v sovremennom informatsionnom obshchestve: K 10-letiiu kafedry dizaina i reklamy: materialy Vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf.* = Finno-Ugric traditional culture in the modern information society: To the 10th anniversary of the Department of design and advertising. Proceedings of the All-Russian correspondence scientific and practical conference. Saransk; 2013:52–57. (In Russ.)
11. Molchanova LA. Udmurt folk costume: (history and symbolism). Izhevsk; 2006. (In Russ.)
 12. Nechvaloda EE. Pictures of Udmurt and Mari women in the Meierberg album (historical and ethnographic analysis of a graphic source). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016;10;2:125–140. (In Russ.)
 13. Pavlova AN. Semiotics of the costume of the Volga Finns in the I – early II millennium AD. Monograph. Yoshkar-Ola; 2004. (In Russ.)
 14. Rybakov BA. Macrocosm in the microcosm of folk art. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* = Decorative art of the USSR. 1975;1:30–33; 1975;3:38–44. (In Russ.)
 15. Saburova AI. Decorative design of modern clothes based on the national Udmurt costume. *Finno-ugorskaia traditsionnaia kul'tura v sovremennom informatsionnom obshchestve: K 10-letiiu kafedry dizaina i reklamy: materialy Vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf.* = Finno-Ugric traditional culture in the modern information society: To the 10th anniversary of the Department of design and advertising. Proceedings of the All-Russian correspondence scientific and practical conference. Saransk; 2013:57–59. (In Russ.)
 16. Sazykina IA. The sacred image of a horse in modern ethnic costume. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik RGKHPU im. S. G. Stroganova* = Decorative art and environment. Gerald of the RGHPU. 2022;4;2:169–181. (In Russ.). DOI: 10.37485/1997-4663.2022.4.2.169.181.
 17. Sirotnina IL. National Finno-Ugric costume in modern socio-cultural space. *Finno-ugorskaia traditsionnaia kul'tura v sovremennom informatsionnom obshchestve: K 10-letiiu kafedry dizaina i reklamy: materialy Vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf.* = Finno-Ugric traditional culture in the modern information society: To the 10th anniversary of the Department of design and advertising. Proceedings of the All-Russian correspondence scientific and practical conference. Saransk; 2013:59–61. (In Russ.)
 18. Turner V. Symbol and ritual. Moscow; 1983. (In Russ.)
 19. Shutova NI. The origin and semantics of the lunar sign *tolezyo*. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology. 2015;25;4:87–94. (In Russ.)
 20. Shutova NI. Legends about Golden Woman (Zolotaya Baba) and their Udmurt parallels. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016;10;2:141–150. (In Russ.)

Submitted 24.02.2022; reviewing 25.11.2022; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

I. A. Sazykina – Candidate Sc. {Art History}, Associate Professor, Department of Computer Technologies and Art Design, Udmurt State University, Member of the Union of Designers of Russia, Honored Artist of the Udmurt Republic, sazykina@internet.ru

PER ASPERA AD ASTRA ПРОФЕССОРА Т. П. ДЕВЯТКИНОЙ

PER ASPERA AD ASTRA OF PROFESSOR T. P. DEVYATKINA

В 2013 г. биография доктора филологических наук, профессора Татьяны Петровны Девяткиной была включена в международную VIP-энциклопедию "Who's Who in the World" («Кто есть кто в мире»)¹. Энциклопедия издается с 1899 г. в США один раз в четыре года и включает биографии всемирно признанных ученых, политиков, бизнесменов, спортсменов, лауреатов престижных премий, которые добились выдающихся достижений в профессиональной деятельности и внесли значительный вклад в развитие современного мира. Т. П. Девяткина является первой среди представителей мордвы и других финно-угорских народов России, чья биография была отобрана для включения в эту энциклопедию. Данный факт говорит о международном признании научных исследований профессора.

Татьяна Петровна Девяткина (Ямашкина) родилась 8 мая 1953 г. в с. Старая Теризморга Старошайговского района Мордовской АССР. После окончания филологического факультета (и факультета общественных профессий по специальности «Изобразительное искусство») Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва работала завучем по воспитательной работе и учителем в средних школах № 2 и № 30 г. Саранска.

С 1981 по 1983 г. Татьяна Петровна – аспирант, затем младший, старший (1988), ведущий (1994) научный сотрудник сектора фольклора и искусств Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР (ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). По совместительству – преподаватель (1989–1991), профессор кафедры финно-угорской литературы (1994–1996) Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва; профессор кафедры мировой и национальной культуры (1997–1998), литературы (1999) Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева.

С 1998 по 2015 г. Татьяна Петровна – профессор кафедры общественных наук Саранского кооперативного института Московского университета кооперации. В этом вузе она разработала и читала ряд учебных курсов для студентов: «Мифология мордвы», «Основы православной культуры», «Культурология», «Профессиональная этика», «Культура речи и деловое общение».

С 2015 г. по настоящее время профессор Т. П. Девяткина читает курсы «Мифология родного народа» и «Фольклор родного народа» в Мордовском государственном педагогическом университете им. М. Е. Евсевьева (кафедра родного языка и литературы).

Под руководством Татьяны Петровны защищены три кандидатские диссертации. С 1994 по 1999 г. она была членом совета по защите кандидатских диссертаций в МГУ им. Н. П. Огарёва, с 1995 по 2014 г. – членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в МГПИ им. М. Е. Евсевьева.

Из мордвы-мокши Т. П. Девяткина – первая женщина, ставшая доктором наук, профессором. Кандидатская диссертация «Песни в свадебном обряде мордвы-мокши» была защищена ею в Академии наук Эстонии (Таллин, 1988), докторская – «Мокша- и эрзя-мор-

¹ URL: <https://marquiswhoswho.com>.

довские свадебные обряды, песни: уровни общности, субэтническая специфика. Восточно-финно-угорский контекст» – в Марийском государственном университете (Йошкар-Ола, 1994). Ученое звание профессора было присвоено ей в 2000 г. Т. П. Девяткиной было опубликовано свыше 120 научных работ (доклады, статьи, монографии, учебные пособия, энциклопедия, лекции, сборники народных примет и сно толкований; 12-й том сборника «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» – «Народные приметы мордвы»), из которых более 30 были изданы за рубежом. Особо следует отметить научную монографическую работу на финском языке, посвященную специфике языка свадебных песен мордвы в контексте с другими финно-уграми, опубликованную в престижном журнале Финно-угорского общества Финляндии в соавторстве с финским финно-угроведом М. Сало².

С целью исследования культуры мордвы Т. П. Девяткина регулярно организовывала и проводила полевые исследования в регионах страны, в которых принимала участие совместно с коллегами из России, Финляндии, Японии, Камбоджи, Франции, Швеции, Германии. Начало такой деятельности положили экспедиции в Атюрьевский, Большеигнатовский, Старошайговский районы Мордовии (1982–1984), впоследствии они стали практически ежегодными. В 1994 г. Татьяна Петровна была членом международной фольклорно-этнографической экспедиции под руководством члена-корреспондента РАН, профессора

В. М. Гацака, позже, в 1995–1997 гг., сама руководила экспедициями с участием ученых из Хельсинкского (Финляндия) и Уппсальского (Швеция) университетов. В 2003 г. с коллегами из Сорбоннского университета (Франция) проводила сбор фольклорного материала в Старошайговском и Теньгушевском районах Республики Мордовия. Собранные материалы по мордовским языкам, фольклору и этнографии были опубликованы в Париже. Немаловажно, что как носитель мордовско-мокшанского языка Т. П. Девяткина сама является представителем традиционной культуры мордвы.

Профессор всегда стремилась распространить полученные знания как можно в большем объеме и диапазоне. Будучи стипендиатом Шведской королевской академии наук, она читала курс мордовско-мокшанского языка с использованием фольклорно-мифологических материалов в Финно-угорском институте Уппсальского университета (1992 г.). В 1994–1996, 1998, 2016 гг. передавала знания по мифологии мордвы в Хельсинкском университете в рамках Международной программы обмена студентов, преподавателей и исследователей Финляндии (СІМО). В качестве приглашенного профессора читала лекции по традиционным свадебным обрядам и мифологии мордвы в университетах Европы: Венском (Австрия, 1996), Тартуском (Эстония, 2001), Дебреценском (Венгрия, 2002).

Важным каналом распространения научного знания и продвижения мордовской культуры для любого ученого являются научные мероприятия (кон-

ференции, конгрессы, круглые столы). С 1990 г. по настоящее время Т. П. Девяткина принимает участие в международных конгрессах финно-угроведов, которые проводятся раз в пять лет в разных странах (Венгрия, Эстония, Россия, Финляндия, Австрия). На X Международном конгрессе финно-угроведов (2005) впервые в истории мордовской науки выступила с пленарным докладом «Финно-угорская фольклористика в России: итоги, проблемы и перспективы развития»³. Показателем международного признания и доверия со стороны коллег является тот факт, что в 1995 г. она была избрана членом Международного комитета финно-угорских конгрессов (с 2023 г. – почетный член Международного комитета).

Татьяну Петровну отличает стремление представить результаты своих исследований не только в странах Европы и ближнего зарубежья. В 2002 г. она выступила с докладом о языковой ситуации мордвы в Университете Саймона Фрейзера в Канаде (г. Ванкувер)⁴. В 2011 г. в США опубликовала доклад «Космогонические представления в мордовской мифологии»⁵ в сборнике материалов XIV, XV и XVI конференций Ассоциации финно-угроведов Канады.

Т. П. Девяткина – ведущий специалист по традиционной и современной культуре мордвы. Область ее научных интересов включает свадебные обряды, песни, народные приметы, снотолкования, религиозные воззрения, мифологию мордвы. По результатам исследований ее неоднократно приглашали участвовать в раз-

² См.: Devjatkina T., Salo M. Mordvalaisten häämenojen lauluista ja niiden kielellisistä erityispiirteistä // Journal de la Société Finno-Ougrienne = Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. Helsinki, 2017. No. 96. P. 317–367. DOI: 10.33340/susa.70238.

³ См.: Девяткина Т. П. Финно-угорская фольклористика в России: итоги, проблемы и перспективы развития // Congressus decimus internationalis Fenno-ugristarum (Joshkar-Ola, 15.08.2005). Pars I. Orationes plenariae. P. 75–92.

⁴ См.: Devyatkina T. P. Language Situation of the Mordvins: Problems of Preservation // Proceedings of the XIth Conference of the Finno-Ugric Studies Association of Canada FUSAC/ACEFO. Simon Fraser University (April 26–28, 2002). P. 155–163.

⁵ См.: Devyatkina T. P. Cosmogonic Notions in Mordvinian Mythology // Proceedings of the XIV, XV, and XVIth Conferences of the Finno-Ugric Studies Association of Canada. The Uralic World and Eurasia. USA, Rhode Island College, 2011. P. 251–256.

личных международных проектах, организаторами которых выступали Университет Йёэнсуу (Финляндия)⁶, Гамбургский университет (Германия)⁷, Академии наук Финляндии, Венгрии и России (Международный проект «Мифология уральских народов. Энциклопедия», руководитель профессор Анна-Лее-на Сиикала).

Многолетний опыт ученого нашел отражение в первой в истории мордвы и финно-угорских народов мира энциклопедии «Мифология мордвы»⁸, выполненной в рамках международного проекта «Мифология уральских народов». Энциклопедия была издана в разных странах мира и переведена на ряд языков: мордовско-мокшанский (Эстония, 2002)⁹, английский (Словения, 2004)¹⁰, арабский (Египет, 2008)¹¹, эстонский (Эстония, 2008)¹², французский (Россия, 2013)¹³. Кроме того, отдельные статьи энциклопедии были опубликованы в виде разделов международных университетских изданий (в Венгрии, Финляндии, Эстонии, Швеции, Германии, США, Канаде, Франции).

«Мифология мордвы» содержит реконструкцию мифологических представлений мокши и эрзи о модели мира. Статьи посвящены мордовским божествам, культу предков и животных, демонологии; толкованию обрядов, важнейших символов, понятий и объектов традиционной духовной культуры; обычаям, языческим и современным народным празд-

никам; мифологии животного и растительного мира, природных явлений.

Много времени, сил и средств Т. П. Девяткина вкладывает в продвижение своих работ, осознавая важность популяризации научных исследований с целью повышения уровня образования в обществе. Так, первое издание энциклопедии «Мифология мордвы» было подготовлено в 1996 г., но работу удалось издать только в 1998 г. (на средства спонсоров). Последующие дополненные издания энциклопедии (2006, 2007) вышли в свет также благодаря частным лицам, оказавшим финансовую помощь. По инициативе автора английский вариант «Мифологии мордвы» (Любляна, 2004) был разослан во все академии наук мира и библиотеки на безвозмездной основе. Издание мифологии на арабском языке, подготовленное в рамках проекта «Реконструкция и пополнение фонда Александрийской библиотеки», полностью финансировал Высший совет по культуре Египта (Каир, 2008).

Экспертная деятельность профессора заслуживает особого внимания. В 2003 г. Московское бюро ЮНЕСКО рекомендует ее в качестве приглашенного эксперта по мировой и национальной культуре в главное бюро ЮНЕСКО (г. Париж). Далее, в 2004 и 2006 гг., Южно-Корейское бюро ЮНЕСКО приглашает ее экспертом и докладчиком на Международный круглый стол мэров, посвященный проблеме

сохранения традиционной культуры, с последующей публикацией доклада на корейском и английском языках¹⁴. В 2007 г. в этом же качестве ее приглашают в г. Печ (Венгрия). В том же году в статусе эксперта она принимает участие в Международном фольклорном фестивале (участники из 50 стран мира) в г. Ганнат (Франция).

Т. П. Девяткина активно коммуницирует с коллегами и является членом ряда профессиональных организаций: с 1995 г. – Международной ассоциации фольклористов при Финской академии науки и литературы; с 1994 г. – Финно-угорского общества, одной из старейших научных организаций Финляндии, созданной в 1882 г. Кроме того, она регулярно участвует в мероприятиях, посвященных юбилеям коллег¹⁵.

Результаты научной деятельности Т. П. Девяткиной имеют особую ценность в плане представления мировоззрения и миропонимания мордвы. Они существенно повлияли на развитие отечественной и мировой науки. Вклад ученого в продвижение культуры мордвы в мире колоссален. За заслуги в научной деятельности Татьяна Петровна была удостоена почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Мордовия» (2003), награждена медалью «За заслуги. В ознаменование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» (2012), Почетной грамотой Госу-

⁶ См.: Mordvalaisten haarituaali ja haalaut – perinne ja sen uudistuminen // Ison karhun jalkelaiset. Tampere, 1998. P. 171–194.

⁷ См.: Über mordwinische Mythen und Gebetszeremonien // Mari und Mordwinen im heutigen Rusland. Sprache, Kultur, Identität. Bd. 66. Harrassowitz Verlag – Wiesbaden in Kommission. Göttingen, 2005. P. 445–485.

⁸ См.: Девяткина Т. П. Мифология мордвы: энцикл. Саранск, 1998; 2-е изд., испр. и доп. Саранск, 2006; 3-е изд., испр. и доп. Саранск, 2007.

⁹ См.: Девяткина Т. П. Мокшэрзянь мифологиясь. Tartu, 2002.

¹⁰ См.: Devyatkina T. Mordvinian Mythology. Ljubljana, 2004.

¹¹ См.: Devyatkina T. Мифология мордвы (на араб. яз.). Cairo, 2008.

¹² См.: Devyatkina T. Mordva mütoloogia. Tartu, 2008. (Sator; 8).

¹³ См.: Deviatkina T. Mythologie Mordve: encyclopédie. Saransk, 2013.

¹⁴ См.: Devyatkina T. P. The Role of Local Government in Promoting Young Peoples' Participation in Safeguarding Heritage Work // International Workshop of Local Government Administrations "Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage and Participation of Young People" 31.10.2006–02.11.2006 Gangneung, South Korea. P. 79–84 – на англ.яз.; P. 85–95 – на корейск. яз.

¹⁵ См.: Devyatkina T. Transformation and language peculiarities of Mordvinian folk superstitions // Oralité, Information, Typologie = Orality, Information, Typology: hommage à M. M. Jocelyne Fernandez-Vest. Paris, 2018. P. 147–160.

дарственного Собрания Республики Мордовия (2013)¹⁶.

Несмотря на трудности (поиск переводчиков, спонсоров, финансирования, издательства), талант и целеустрем-

ленность помогли Т. П. Девяткиной представить в своих публикациях разнообразие и самобытность традиционной культуры мордовского народа и тем самым зафиксировать и

сохранить ее для будущих поколений: в Александрийской библиотеке Египта будут вечно храниться печатная книга и оптический диск под заглавием «Мифология мордвы».

¹⁶ Подробно жизнь и карьера профессора Т. П. Девяткиной, в том числе фото, приглашения, документы, отражена в кн.: Профессор Т. П. Девяткина = Professor Tatyana Devyatkina: (научно-педагогическая деятельность). Саранск, 2008 (на рус. и англ. яз.).

Серафима Сергеевна Панфилова –

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия,
scully_ss@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0445-1007>*

Serafima S. Panfilova –

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,
Department of English Philology,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia,
scully_ss@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0445-1007>*

Редакция журнала и Межрегиональный научный центр финно-угроведения поздравляют Татьяну Петровну с юбилеем и желают ей дальнейших успехов в нашем общем деле сохранения и продвижения в мире культурного наследия финно-угорских народов, в частности мордвы.

А. А. ДУНИН-ГОРКАВИЧ: ЭТНОГРАФ, КУЛЬТУРОЛОГ, КРАЕВЕД, ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

A. A. DUNIN-GORKAVICH: ETHNOGRAPHER, CULTURALIST, LOCAL HISTORIAN, ENCYCLOPEDIST

10 (22) апреля 1854 г. в Гродненской губернии в семье обедневшего польского дворянина родился будущий ученый-лесовед, этнограф, краевед, исследователь Севера Западной Сибири Александр Александрович Дунин-Горкавич – человек, неравнодушный к судьбам народов, заселяющих необъятные сибирские просторы.

Выросший на лоне природы, на покрытых лесом берегах Немана, выпускник Гродненской классической гимназии Александр Дунин-Горкавич продолжил образование в Лисинском лесном училище, по окончании которого получил специальность техника-лесовода и звание лесного кондуктора.

Судьба словно проверяла юношу на прочность: в 1875 г. он был призван на службу в лейб-гвардии Гренадерский Его Императорского Величества Александра II полк, в 1877–1878 гг. участвовал в Русско-турецкой войне и освобождении Болгарии из-под ига Османской империи. За смелость и находчивость, проявленные на поле боя, был награжден медалью «За храбрость» и произведен в унтер-офицеры. После демобилизации трудился в лесах Самарской, Нижегородской и Рязанской губерний.

В июне 1890 г. приказом по Корпусу лесничих России А. А. Дунин-Горкавич был направлен в Тобольскую губер-

А. А. Дунин-Горкавич

A. A. Dunin-Gorkavich

нию, где возглавил крупнейшее в стране Самаровское лесничество. Тобольский Север с этого времени получил фундаментального исследователя, ученого, отдавшего значительную часть своей жизни изучению этого обширного края. По рекомендации губернского астронома Н. Л. Скалозубова в 1890-е гг. он приступил к изучению таежных лесов Среднего Приобья и формированию этнографических обобщений для Тобольского губернского музея. Результаты исследований стал публиковать в газетах «Сибирский листок», «Губернские ведомости», «Губернская торговая газета», а также в «Ежегоднике Тобольского губернского музея».

Во много раз превышая по площади любое из современ-

ных европейских государств, вверенная лесничему территория аккумулировала в себе как колоссальные естественные богатства, так и своеобразие многонационального населения. Изучая природные особенности края, А. А. Дунин-Горкавич постепенно проникался любовью к жизнестойкому, трудолюбивому местному населению Сибири.

В 1898–1903 гг. Александр Александрович на собственные средства развернул масштабные экспедиционные работы по обследованию Обского Севера: всесторонне изучал природные условия, экономическую ситуацию, проводил топографические съемки, материалы которых легли в основу составленной им Карты Тобольской губернии. В поле зрения ученого также оказались многие вопросы экономического развития края: судоходство, железнодорожный транспорт, северное растениеводство, кормовая база для скотоводства, оленеводство, звериный и рыбный промыслы. Он участвовал в проектировании железнодорожных магистралей на Тобольск и Ямал, разрабатывал проекты развития традиционного хозяйственного комплекса, улучшения быта и охраны здоровья коренного населения.

Особое значение имели труды ученого, посвященные

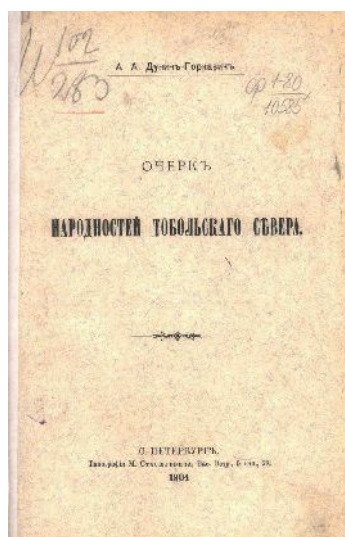
жизни коренного населения, в частности остяков (хантов) и вогулов (манси).

Об итогах научных достижений А. А. Дунин-Горкавич неоднократно докладывал на собраниях научных сообществ. Так, вопросы повседневной культуры коренного населения севера Тобольской губернии стали объектом доклада исследователя, прочитанного в 1903 г. на собрании Императорского Русского географического общества. В нем, в частности, не без основания указывалось на то, что экономический быт инородцев практически не охвачен в работах современников.

Помимо управления, религиозных верований, внешнего вида и повинностей автохтонных народов Севера, ученый обратил внимание на их географическое расселение. Так, остяки в зависимости от степени оседлости были разделены им на две группы. Лошадные в большей степени расселялись по Оби и ее притокам, имели постоянные юрты и места проживания, перенимали образ жизни других народов. Основным источником их существования была добыча рыбы. Напротив, оленные были кочевниками, редко вступающими в контакт с русскими и их культурой. Главными занятиями кочевников были оленеводство и звероловство. Занятия вогулов были смешанными: рыболовство, звероловство, оленеводство.

Представляет интерес анализ языковых особенностей инородцев, проведенный А. А. Дуниным-Горкавичем. По мнению исследователя, не существовало единого остяцкого языка, его носители почти в каждом автономном районе добавляли в его структуру свои фонетические и грамматические особенности. Ученым был составлен «Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов» (Тобольск, 1910).

Выдающийся краевед, картограф, знаток всех сторон жизни

Первая страница
«Очерка народностей
Тобольского Севера», 1904 г.

The first page
of "Essay on the peoples
of the Tobolsk North", 1904

населения северной части Западной Сибири, член комитета Тобольского губернского музея, А. А. Дунин-Горкавич в 1903 г. был избран пожизненным членом Русского географического общества, в 1925 г. — членом Комитета содействия народностям северных окраин.

Итогом работы ученого стали труды «Север Тобольской губернии. Опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности ее населения. С картами и 5 чертежами» (Тобольск, 1897), «Географический очерк Тобольского Севера» (СПб., 1903), «Очерк народностей Тобольского Севера» (СПб., 1904), «Справочная книжка Тобольской губернии» (Тобольск, 1904), «Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов» (Тобольск, 1910) и др. Вершиной научного творчества исследователя следует признать трехтомную монографию «Тобольский Север» (СПб., 1904–1911), в которой он обстоятельно проанализировал промысловое хозяйство и экономическое положение местного населения, привел обширные сведения по этнографии корен-

Первая страница
первого тома монографии
«Тобольский Север», 1904 г.

First page of the first volume
of the monograph
"Tobolsk North", 1904

ных народов Тобольского Севера. В приложении размещены очерки по истории Сургута, Берёзова, Обдорска и ряда сел, образцы фольклора, иллюстративные материалы.

А. А. Дунин-Горкавич активно участвовал в комплектовании этнографических коллекций Тобольского губернского музея, приобретая на собственные средства предметы материальной культуры народов Севера.

Александр Александрович скончался 9 января 1927 г. в Тобольске в возрасте 72 лет за письменным столом во время правки очередной рукописи. Похоронен на Завальном кладбище в Тобольске.

Научное наследие А. А. Дунина-Горкавича составляют свыше 70 опубликованных и рукописных трудов по географии, экономике, истории и этнографии Северо-Западной Сибири, а также топографические и картографические материалы, комплекты фотографий, дневники и письма. Его научные достижения были отмечены Малой золотой и Большой серебряной медалью имени Н. М. Пржевальского Русского географического общества.

Памятник
А. А. Дунину-Горкавичу
на его могиле (г. Тобольск)

A monument
to A. A. Dunin-Gorkavich
at his grave (Tobolsk)

Именем исследователя в 2000 г. была названа улица Ханты-Мансийска, а в 2007 г. в городе был открыт памятник А. А. Дунину-Горкавичу.

В 2010 г. в Тобольске был организован Музей истории освоения и изучения Сибири им. А. А. Дунина-Горкавича как структурное подразделение Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН.

Музей истории освоения и изучения Сибири
им. А. А. Дунина-Горкавича (г. Тобольск)

The Museum of the History of Development and Study of Siberia
named after A. A. Dunin-Gorkavich (Tobolsk)

Музей располагается в главном доме мемориальной усадьбы ученого. Усадьба находится в нагорной части города (ул. бывшая Большая Петропавловская, ныне Октябрьская, 5) и является

памятником культуры регионального значения. Основным тематическим мемориальным ядром концепции музея служит представление личности исследователя Тобольского Севера Александра Александровича Дунина-Горкавича, судьба которого тесно связана с Тобольском.

Маргарита Степановна Выхрыстюк –

*доктор филологических наук,
профессор кафедры филологического образования
Тюменского государственного университета,
Тюмень, Россия,
m.s.vykhrystyuk@utmn.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>*

Дарья Юрьевна Федотова –

*кандидат филологических наук,
научный сотрудник научной библиотеки
Тобольской комплексной научной станции
Уральского отделения РАН,
Тобольск, Россия,
dashulya-23@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9832-8914>*

Margarita S. Vykhrystyuk –

*Doctor of Philology,
Professor of the Department of Philological Education,
Tyumen State University,
Tyumen, Russia,
m.s.vykhrystyuk@utmn.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>*

Daria Yu. Fedotova –

*Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Library,
Tobolsk Complex Scientific Station,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tobolsk, Russia,
dashulya-23@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9832-8914>*

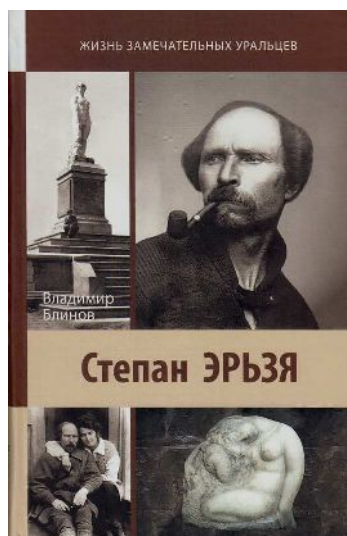
С. Д. ЭРЗЯ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА

S. D. ERZIA IN THE SPACE OF THE REVOLUTIONARY URAL

Рецензия на книгу: Блинов В. А. Степан Эрзя. Автограф в камне. – Екатеринбург: Сократ, 2022. – 192 с. – (Жизнь замечательных уральцев).

Book review: Blinov V. A. Stepan Erzia. An Autograph in stone. – Ekaterinburg: Socrates, 2022. – 192 s. – (The life of the remarkable Urals).

Минувший 2022 г. для выдающегося скульптора Степана Дмитриевича Эрзя – не юбилейный. Большой юбилей – 150 лет со дня рождения – будет отмечаться через три года, в 2026 г. Его творчество – не просто национальная гордость, но феномен мирового масштаба, потому к круглой дате наверняка запланированы большие мероприятия, выставки, конференции, альбомы, новые книги, статьи в периодике. Но и 2021 г. – 145-летняя годовщина скульптора – тоже не мог обойтись без приуроченных к этому рубежу событий. Разумеется, их центром стал Мордовский республиканский музей изобразительных искусств имени С. Д. Эрзя. Сотрудники музея открыли большую выставку работ гения (в дополнение к собственному собранию привезли работы из Санкт-Петербурга, из Русского музея, – аналогов подобному вернисажу прежде не было), провели научно-практическую конференцию, опубли-

ковали сборник ее материалов¹. Событие это «прозвучало» не только в Мордовии, но и... на Урале, где было отмечено выходом книги В. А. Блинова «Степан Эрзя. Автограф в камне». В печать она была подписана в 2021 г., но к упомянутой годовщине не успела и увидела свет в начале следующего.

Автор книги, Владимир Александрович Блинов, профессор Уральского государственного архитектурно-художественного университета, хорошо известен в Мордовии. Уральский краевед и неутомимый исследователь творчества великого скульптора, он много раз бывал в Саранске, выступал на конференциях, проводимых музеем, публиковал статьи, написал несколько книг об Эрзье. Одна из них – «Недорисованный портрет» – вышла в Саранске в 1991 г.

Новая книга В. А. Блинова прекрасно издана: в твердом переплете, на хорошей белой, плотной бумаге, с отличной печатью, массой архивных фотографий и цветных иллюстраций. Книгу формируют два больших раздела. Герой каждого, разумеется, – наш великий земляк.

Часть первая: «Это я – Эрзя». Она посвящена уральскому периоду жизни и творчества скульптора (1918–1920). Об

¹ См.: VIII Эрзинские чтения: науч.-практ. конф. к 145-летию со дня рождения С. Д. Эрзя / МРММИ им. С. Д. Эрзя; под ред. А. М. Лобановой, М. А. Танасейчук. Саранск, 2022.

этом периоде известно совсем мало. Он пришелся на время Гражданской войны, когда Урал стал ареной кровопролитного противостояния «белых» и «красных», в которое помимо воли был вовлечен и художник. Движимый вполне понятным для скульптора поиском материала для творчества (уральского мрамора), он приехал туда летом 1918 г. и оказался невольным свидетелем и участником трагических событий. Время было тяжелое, смутное, опасное. Документы этой эпохи в большинстве своем безвозвратно утрачены, очевидцев и участников давних событий (и с той, и с другой стороны) не осталось.

Указанными обстоятельствами объясняется жанр работы. Перед читателем — опыт художественной биографии, в которой автор вынужден начинать, а точнее — продолжать, там, где кончается документ. Он проделал очень большую историческую и краеведческую работу, трудился в архивах, изучал следы ушедшей эпохи. И таких «следов» в книге много. Прежде всего, это документы — фрагменты газетных статей, объявления, приказы и распоряжения «белых» и «красных». Вкрапленные в текст, они помогают воссоздать уникальную атмосферу тех лет, развивают сюжет.

Фабула повествования выстроена диахронно — сменяющимися друг друга эпизодами от лета 1918 г. к осени 1920. Личность скульптора — в центре повествования, но показан он «со стороны» и в разных ракурсах: то глазами Елены Мроз (1896–1984), его ученицы и гражданской жены (дневниковыми записями, которые она якобы вела), то воспоминаниями академика Затонского — вымышленного уральского ученика художника.

Через восприятие этих персонажей В. А. Блинов разворачивает подробную хронику жизни и творчества Эрзы на Урале. Прием для биографа довольно рискованный: вероятно

угроза творческого произвола и субъективной интерпретации событий, но автору удается зафиксировать основные этапы, значимые контакты, рассказать и — что важно! — *показать*, над чем и, главное, *как* работал Эрзя в эти периоды. Последнее особенно удастся повествователю — человеку, профессионально занимающемуся историей искусства и, безусловно, искусному в технологии скульптуры.

В книге абсолютно верно отмечен главный конфликт — судя по всему, вечный — конфликт художника и власти. В его основе не идеология: Эрзя создавал только то, что было ему интересно, что вызывало отклик в его душе творца. Отсюда конфликт с белогвардейцами, но из того же источника и противостояние с «леваками» от искусства в «советском» Екатеринбурге, завершившееся вынужденным отъездом с Урала.

Совершенно справедливо автор указывает на то огромное влияние, которое оказали на скульптора революция, ее дух, ее атмосфера — это не только «Освобожденный человек» и многофигурная композиция «Свобода», но и монументальные замыслы скульптора. Среди них эпический: изваять из Александровской сопки возле уральского города Златоуста голову «Мыслителя, Пророка, Освободителя» — создать обобщенный образ вождя, творца «народного счастья». Глобальные изменения требовали глобальных свершений. Это «носилось в воздухе», и большой художник не мог не реагировать.

Увы, замыслу не суждено было сбыться. Не сохранились и монументы, созданные мастером на площадях уральской столицы. Мы видим их только на фотографиях в книге. Но Урал Эрзы — не только «монументальная пропаганда». Это и «Скорбь», и «Пробуждение», и «Ожидание», и потрясающая «Ева», и еще почти два десятка скульптур. Если бы не было

Урала в судьбе художника, не родились бы и эти шедевры.

Часть вторая: «По следам утраченных шедевров». Ее составляют очерки, созданные и опубликованные в разное время и дополненные для настоящего издания. Их пять. Не все они равноценны в познавательном аспекте, в большинстве своем это публицистика. Вниманию рецензентов привлекли три из них. Смысл и содержание первого — «Шадр, Эрзя, Неизвестный: драматизм грандиозных замыслов» — раскрывают слова А. В. Луначарского, сказанные когда-то в отношении С. Д. Эрзы: «Все началось на Урале...» Речь идет о перекличке масштабных замыслов земляков автора, уральцев Ивана Шадра и Эрнста Неизвестного, и Степана Эрзы, источником которых, по мнению В. А. Блинова, является уральская земля. С этой позицией можно соглашаться или не соглашаться, но она имеет право на существование.

Содержание очерка «Молчание белого камня» раскрывает его подзаголовок: «О новых находках в местах работы Эрзы на Урале». В нем рассказывается о поисках уральскими краеведами неизвестных работ мастера, о находках, открытиях, в том числе самого автора.

Очерк «В поисках «Освобожденного человека»», пожалуй, центральный в этой части книги. История, изложенная в нем, глубоко личная и, в определенном смысле, трагичная. Личная потому, что в ее основе — хроника увлечения автора фигурой Эрзы, перипетиями его непростой судьбы; поиски тех, кто был знаком, встречался с мастером, жил в ту противоречивую эпоху. Трагичная же потому, что связана с судьбой уральских произведений скульптора. Прежде всего, с его знаменитым «Освобожденным человеком», поверженным и уничтоженным. И с нашей исторической памятью, которую нужно хранить и беречь.

В завершение отметим, что издание выпущено в серии «Жизнь замечательных уральцев» при поддержке Феде-

рального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России».

И это радует. Творчество Степана Дмитриевича Эрзы и есть одно из слагаемых культуры нашей Родины.

Роман Андреевич Танасейчук –

*старший научный сотрудник,
заведующий отделом развития и цифровых ресурсов
Мордовского республиканского музея изобразительных искусств
имени С. Д. Эрзы,
Саранск, Россия, romantan@bk.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-3693-1773>*

Андрей Борисович Танасейчук –

*доктор культурологии,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия, atandet@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6508-6031>*

Roman A. Tanaseichuk –

*Senior Research Fellow,
Head of the Department of Development and Digital Resources,
Mordovian Republican Museum of Fine Arts named after S. D. Erzia,
Saransk, Russia, romantan@bk.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-3693-1773>*

Andrey B. Tanaseichuk –

*Doctor of Cultural Studies, Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, atandet@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6508-6031>*

ВОСТРЕБОВАНЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ: НОВОЕ ИЗДАНИЕ БАХТИНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. Л. ВАСИЛЬЕВА

ALWAYS IN DEMAND: A NEW EDITION OF M. BAKHTIN'S STUDIES BY N. L. VASILIEV

Рецензия на книгу: Васильев Н. Л. Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. — 3-е изд. — М.: Ленанд URSS, 2021. — 408 с.

Book review: Vasilyev N. L. Mikhail Mikhailovich Bakhtin and the phenomenon of "Bakhtin's Circle": In Search of Lost Time. Reconstruction and Deconstruction. The Circle's Square. — 3rd ed. — Moscow: Lenand URSS, 2021. — 408 p.

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект № 23-28-00175 «Мыслитель в своем отечестве: история российской рецепции идей М. М. Бахтина на фоне мировых вызовов».

Переиздание книги Н. Л. Васильева о великом русском мыслителе Михаиле Михайловиче Бахтине — свидетельство не только интереса к фигуре и наследию философа и литературоведа, но и явной востребованности труда, впервые увидевшего свет еще в 2013 г. Автор книги — известный литературовед, лингвист и культуролог — многие годы занимался проблемами истории русского литературного языка и отечественной словесности. Среди несомненных достижений ученого — словари языка писателей XIX в. (от А. С. Пушкина, П. А. Вяземского и Н. М. Языкова до А. И. Пелеяева и Н. П. Огарёва).

Заметный вклад Н. Л. Васильев внес и в литературное

краеведение Мордовии. Написанные им биографии представителей рода Струйских, масштабный труд о Д. И. Морском неслучайно вызвали повы-

шенный интерес коллег и одобрение рецензентов¹. Немало сил и времени он отдал изучению феномена М. М. Бахтина и его круга, со временем став одним из ведущих исследователей с заслуженной международной репутацией.

Преждевременный уход ученого из жизни в мае 2021 г. превращает рецензируемую книгу в издание отчасти мемориальное по своему характеру. Тем более кажется важным оценить ее с точки зрения современных достижений отечественных и международных Bakhtin Studies, в становлении и развитии которых, как минимум с 1990-х гг., Н. Л. Васильев играл примечательную роль. Складывающаяся сегодня в России и мире ситуация с рецепцией идей и

¹ См.: Дубровская С. А. Другой из рода Струйских // Вестник Мордовского университета. 2011. Т. 2, № 1. С. 201–202; Дубровская С. А., Осовский О. Е. «Великое несчастье родиться поэтом...»: неизвестные страницы творчества Д. И. Морского // Русская литература. 2022. № 3. С. 252–254; Танасейчук А. Б. Заполняя лакуны // Финно-угорский мир. 2021. № 2. С. 206–207.

наследия М. М. Бахтина, явная необходимость в переоценке достижений отечественного и зарубежного бахтиноведения² требуют объективного анализа сделанного Н. Л. Васильевым. Появление нового издания книги – хороший повод для этого.

В первую очередь следует отметить достаточно сложную композицию рецензируемого издания. Девять разделов книги как нельзя лучше передают весь спектр интересов исследователя в области бахтиноведения. Помещая в ней наиболее значимые материалы своей обширной бахтинианы, автор не пошел по пути их хронологической организации, а сгруппировал так, чтобы отдельные сюжеты в логическом взаимодействии формировали цельный образ М. М. Бахтина, человека и ученого, в контексте его эпохи. При этом достаточно отчетливо оказался прописан и необходимый научный фон, создававшийся усилиями не только Н. Л. Васильева, но и его многочисленных коллег, единомышленников и даже оппонентов. Своего рода внутренняя полифония (в книге представлен весь жанровый ряд васильевских текстов – от статей и биографических очерков до заметок, обзоров и рецензий) в результате не становится препятствием для того, чтобы в руках читателя оказался труд, вполне заслуживающий статуса монографии, которым его наделяет издательская аннотация.

О многовекторности своих бахтиноведческих поисков говорит в предисловии и сам автор: «Предлагаемая вниманию читателей монография состоит в основном из предшествующих наших публикаций (статей, обзоров, рецензий) в русле “бахтинской” проблематики, композиционно объединенных по нескольким тематическим разделам. При этом мы лишь в незначительной мере отредак-

тировали прежние свои работы, скорректировав их названия (ради единства архитектоники книги), по возможности сократив повторы того или иного материала, приведя в систему библиографические ссылки и примечания, исправив отдельные неточности, добавив в комментаторской части некоторые новые данные и т. д.» (с. 5).

Первый раздел назван «“Хронотопы” М. М. Бахтина». Саранская составляющая биографии и научного наследия философа была принципиально важна для Н. Л. Васильева по нескольким причинам, прежде всего личным: его отец, литературовед Л. Г. Васильев, долгие годы был коллегой М. М. Бахтина по кафедре русской и зарубежной литературы Мордовского педагогического института им. А. И. Полежаева (с 1957 г. – Мордовского государственного университета) и даже соавтором. Бывшие студенты и аспиранты М. М. Бахтина были среди преподавателей Васильева-студента, и общение с ними, как он сам признавался, сыграло заметную роль в формировании его научных интересов и исследовательского мышления. Неслучайно особое внимание в этом разделе уделено педагогической стороне биографии великого мыслителя. Для Н. Л. Васильева в опыте Бахтина – школьного учителя, преподавателя вуза, наставника аспирантов – «просвечивает» автор книг о Достоевском и Рабле, новаторских работ по теории романа и жанрам речи.

Интерес представляют страницы раздела, посвященные истории соавторства М. М. Бахтина и Л. Г. Васильева. Неприметная, казалось бы, газетная рецензия на страницах «Советской Мордовии», по каким-то причинам не вошедшая в корпус бахтинских текстов в Собрании сочинений М. М. Бахтина, становится серьезным по-

водом для анализа практики совместной работы М. М. Бахтина и его соавторов, опирающегося, в частности, на воспоминания Л. Г. Васильева и сохранившиеся материалы.

Опыт Васильева-языковеда определяет состав второго раздела, посвященного лингвистическим идеям М. М. Бахтина. Напомним, что статьи автора, появившиеся в 1980-х – начале 1990-х гг., затрагивали самые существенные проблемы лингвистического наследия М. М. Бахтина (статус высказывания и чужой речи, металингвистический поворот и др.), что заметно выделяло их на общем фоне бахтиноведческих штудий этого периода.

Не отрывая Бахтина-лингвиста от Бахтина-литературоведа, Н. Л. Васильев тем не менее каждый раз старается сосредоточиться на специфике именно языковедческого вектора поисков своего героя, и это ему, как правило, удается. Резюмируя свои многолетние поиски, он приходит к выводу, с которым трудно не согласиться: «В исследованиях “Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве” (1924 г.), “Слово в романе” (1934–1935 гг.) Бахтин призывает языковедов не ограничиваться анализом языка лишь на уровне предложения, а идти дальше – в зону “высказывания”, учитывать “стилистику жанра”, различные типы трансформации художественного слова и другие стороны речевого функционирования языка.

В концептуальном виде свою теорию высказывания Бахтин изложил в работе “Проблема речевых жанров” (1952–1953 гг.), где он говорит о последних как о наиболее адекватных моделях человеческого общения. Указанный труд содержит, на наш взгляд, необычайно плодотворные научные идеи, способные стимулировать раз-

² См. подробнее: Осовский О. Е., Дубровская С. А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265; Тульчинский Г. Новые уроки рецепции философского наследия М. М. Бахтина (Обзор XVII Международной Бахтинской конференции) // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 216–222.

вите целого ряда филологических дисциплин – собственно «жанрологии», общего языкознания, стилистики, лингвистики текста, истории литературных языков» (с. 99).

На этом фоне становится понятна и дальнейшая драматургия книги, где в третьем разделе возникает новый герой, одна из самых загадочных фигур «Круга Бахтина» – В. Н. Волошинов.

Пожалуй, «открытие Волошинова» можно без преувеличения назвать важнейшей заслугой исследователя не только перед бахтиноведением, но и перед интеллектуальной историей России первой половины XX в. Из почти мифа, человека, «которого не было», усилиями Н. Л. Васильева (представившего первый развернутый биографический очерк, детальный анализ отдельных этапов жизни) В. Н. Волошинов превратился в реального участника интеллектуальной жизни Невеля, Витебска, Ленинграда конца 1910-х – середины 1930-х гг. Обрывкам разрозненных сведений, мимолетным упоминаниям в письмах и мемуарах автор противопоставил целостную реконструкцию жизни и творческих поисков поэта, музыканта, литературного критика, литературоведа и лингвиста, который смог не только занять свое место в биографии М. М. Бахтина, но и стать вполне самостоятельной и самоценной фигурой. Н. Л. Васильев достаточно подробно рассматривает весь спектр доступных сведений и документов о В. Н. Волошинове – аспиранте, затем научном сотруднике ряда ленинградских академических институтов, преподавателе ленинградских вузов, человеке, много обещавшем, но в значительной мере не реализовавшем свои таланты в силу внешних обстоятельств, прежде всего тяжелой болезни, из-за которой он ушел в 40 лет.

С именем В. Н. Волошинова закономерно связаны и два следующих раздела монографии, посвященных проблеме спорных текстов. Именно Н. Л. Васильев в свое время выступил со статьей, фактически положившей начало длительным дискуссиям о «не-авторстве» М. М. Бахтина ряда известных работ, таких как «Формальный метод в литературоведении» и «Марксизм и философия языка». Хотя рецензенты и придерживаются противоположной точки зрения, считая, что основные идеи и тексты так называемого медведевско-волошиновского корпуса «спорных текстов» принадлежат как раз М. М. Бахтину, они отдают должное той настойчивости, с которой автор монографии долгие годы пытался доказать обратное, предлагая самые разнообразные формы и форматы решения этого вопроса.

К сожалению, высказанная еще в конце 1980-х гг. С. С. Аверинцевым мысль о «нерешаемости» данной проблемы³ по-прежнему остается справедливой, а набор аргументов, предлагаемых не только Н. Л. Васильевым, но и другими сторонниками «не-авторства» М. М. Бахтина, не представляется достаточно убедительным большинству бахтиноведов⁴. Впрочем, в конечном счете от тотального отрицания бахтинского авторства в начале 1990-х Н. Л. Васильев приходит к несколько модифицированной позиции, предлагая условно-компромиссный вариант: мыслитель принимал участие в создании «спорных текстов», ему принадлежала немалая часть высказывавшихся в них идей, а сами книги были результатом коллективного творчества «бахтинского круга» (с. 243).

Подчеркнем, что позиция Н. Л. Васильева по вопросу «спорных текстов» вовсе не была свидетельством анти-

бахтинизма. На протяжении всего жизненного пути ученого отличали глубокое уважение к М. М. Бахтину и неподдельный интерес к его творчеству. При этом он всегда был чрезвычайно внимателен к работам коллег-бахтиноведов, старался следить за всеми новинками и энергично реагировать на них. Его позиция наблюдателя и принципиального критика по отношению к отечественной и зарубежной бахтинистике реализовывалась в многочисленных обзорах и рецензиях. В них особое внимание уделялось тому, как происходила рецепция бахтинских идей в постсоветский и постсоветский периоды, насколько отечественное бахтиноведение адекватно и полно воспринимало и анализировало наследие ученого.

Характерные для исследователя ирония, склонность к витиеватым конструкциям и каламбурным заголовкам нашли отражение и в ряде текстов, посвященных усилиям коллег, прежде всего в статье «Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения» (с. 271–276). При этом зоркий глаз вдумчивого критика, конечно же, фиксировал слабые места тех или иных работ. В частности, в целом высоко оценивая первую на русском языке биографию М. М. Бахтина, написанную С. С. и Л. С. Конкиными, он не мог не указать на недостатки этого труда. Не остался без порции критики и его разбор монографии «Волошинов, Бахтин и лингвистика» В. М. Алпатова, несмотря на то что общими для автора и рецензента были неподдельный интерес к В. Н. Волошинову и сходная позиция по вопросу «спорных текстов».

Еще одну важную сторону бахтиноведческих исследований Н. Л. Васильева представлял его анализ международных Бахтинских конференций и форумов, проходивших в самых

³ См.: Аверинцев С. С. Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1988. № 3. С. 256–259.

⁴ См. подробнее: Николаев Н. И. Издание наследия Бахтина как филологическая проблема (Две рецензии) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 3. С. 114–115; Пешков И. В. Бахтинский вопрос: промежуточные итоги // Литературоведческий журнал. 2022. № 1. С. 182–210.

разных странах – от России и Белоруссии до Европы и Южной Америки. Впечатления непосредственного участника позволяли ему изнутри оценивать состояние современного бахтиноведения, выделять наиболее актуальные проблемы, определять задачи, стоящие перед бахтиноведческим сообществом, и даже тенденции международных Bakhtin Studies.

Особо следует сказать о стремлении исследователя вписать М. М. Бахтина и в финно-угорский контекст – задача, которая была намечена им лишь отчасти. Можно предположить, что этот сюжет мог стать для автора делом будущего. Наиболее отчетливо данная тема прозвучала в двух статьях, посвященных научному диалогу Саранска и Тарту как двух центров «провинциальной» науки (с. 355–371). При этом Тарту интересовал Н. Л. Васильева не только как место пребывания Ю. М. Лотмана и его школы, но

и как центр финно-угорских исследований, через который прошло немало число лингвистов Мордовского университета. Был обозначен Н. Л. Васильевым и сюжет, связанный с предложением М. М. Бахтину переехать в Тарту, которое было сделано в 1970 г. Ю. М. Лотманом и его единомышленниками. Примечательно, как Н. Л. Васильев вплетает этот сюжет в пространство недавних публикаций бахтиноведов Мордовского университета, дополняя свои размышления о диалоге М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана, а также других тартуских и московских структуралистов анализом книг и отписок из бахтинской библиотеки, список которых приведен в работе И. В. Ключевой и Л. М. Лисуновой (с. 355–368).

Оценивая рецензируемую книгу в целом, еще раз подчеркнем масштаб сделанного автором в сфере изучения наследия М. М. Бахтина. Сегодня творче-

ство исследователя само превращается в объект изучения и анализа как немаловажная часть процесса рецепции бахтинских идей в 1980–2010-е гг. Свидетельством того, что работы Н. Л. Васильева по-прежнему актуальны, служат продолжающиеся споры с ним в появляющихся статьях, в звучащих на Бахтинских конференциях докладах.

Полагая, что монография будет востребована современными читателями, прежде всего молодыми бахтиноведами, историками отечественной филологии и философии, исследователями актуальных вопросов жанров речи и коммуникации, выразим надежду на то, что в последующем все-таки появится расширенное и дополненное издание, куда войдут бахтиноведческие работы Н. Л. Васильева, появившиеся после 2013 г. и серьезно дополняющие многие аспекты биографии и наследия М. М. Бахтина.

Олег Ефимович Осовский –

*доктор филологических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Мордовского государственного педагогического университета
имени М. Е. Евсевьева,
Саранск, Россия,
osovskiy_oleg@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>*

Светлана Анатольевна Дубровская –

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия,
s.dubrovskaya@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>*

Oleg E. Osovskii –

*Doctor of Philology, Professor,
Senior Research Fellow,
Mordovian State Pedagogical University,
Saransk, Russia,
osovskiy_oleg@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>*

Svetlana A. Dubrovskaya –

*Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian as Foreign Language,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia,
s.dubrovskaya@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГ О МОРДОВСКОМ ТАНЦЕ

REPRESENTATION OF THE BOOKS ON MORDOVIAN DANCING

Культурные пласты танцевальной истории мордвы, изложенные в печатных изданиях, сегодня нуждаются в пересмотре и оценке. Репрезентация, представление книг о мордовском танце в 20-е годы XXI в. — актуальная тема исследования.

Мордовские этнические танцы в современной танцевальной культуре Мордовии занимают достойное место, с большим успехом рекламируются на сценических площадках России и за ее пределами. Этнические танцы мордвы входят в контекст многонациональной России как танцевальная субкультура финно-угорского мира. Рассмотрим процесс формирования коллекции изданий о мордовском танце в конце XX — начале XXI в.

В 1970 г. в столице Мордовии Саранске был выпущен «Репертуарный листок». Соавторами издания выступили Министерство культуры МАССР, Республиканский Дом народного творчества, Управление по печати при Совете министров МАССР, Мордовское книжное издательство, Ковылкинская типография. Небольшая книжка содержит первую публичную запись национального мордовского хороводного танца «Кштимень кудзе» (постановка В. С. Учватов, запись танца В. Нигоф). Издание представляет собой методический практикум с описанием движений, графических схем, фигур и рисунков мордовского танца. Оно предназначено для руководителей танцевальных коллективов районных и сельских домов культуры, образовательных культурно-просветительных учреждений Мордовии.

Чтобы осветить тему исследования о выпуске книг по мордовскому танцу с разных сторон, необходимо отметить, что в печатных изданиях, вышедших в 80-е гг. XX в., сведений о мордовском этническом танце не встречается. В танцевальной культуре мордовского этноса того времени этнические танцы как необходимый объект народных традиций присутствовали в свадебных обрядах, рекламировались на праздниках и гуляниях. В учебных заведениях культуры и искусства они трактовались как национальные мордовские народно-сценические танцы.

90-е гг. XX в. в Мордовии были отмечены выходом первого методического издания о мордовском народном танце «Элементы традиционной мордовской хореографии» (Бурнаев А. Г., 1995). Методические указания знакомят читателя с оригинальными движениями этнического танца мордвы-эрзи, а также с деталями праздничного женского костюма, содержат описание фигур девичьего эрзянского танца, записанного в с. Мурань Кочкуровского района Республики Мордовия. В печатном издании предлагается авторская система танцевального языка мордовского народного танца с применением традиционных этнических движений в сценическом танце, а также музыкальный материал. Учебная книга помогает педагогу-хореографу глубже понять суть художественной танцевальной сферы мордовского сценического танца.

Первые научные издания по исследуемой теме появляются

в Мордовии в самом конце XX в. Начало этому процессу положил автореферат диссертации автора на соискание ученой степени кандидата культурологии на тему «Танцевальная культура в контексте духовности мордвы» (Бурнаев А. Г., 1998). В научном труде рассматриваются актуальные вопросы танцевальной культуры мордовского этноса, генетической связи с бытом мордвы, ее верованиями и жанрами народного творчества. Автор исследования характеризует сложившуюся ситуацию в культурной политике хореографического искусства Мордовии: отсутствие каких-либо теоретических разработок по мордовскому танцу; необходимость освоения разнообразия мордовской этнической хореографии и создания новой танцевальной палитры эрзянского и мокшанского танца.

Появление научного труда стало теоретическим доказательством потребности в учебных программах по сценическому мордовскому народному танцу. В конце XX в. дисциплина «Мордовский танец» вводится в учебные планы образовательных заведений: Мордовской республиканской специальной хореографической школы, Мордовского республиканского колледжа культуры и искусства.

На рубеже XX–XXI вв. выходят в свет материалы к курсу «Проблемы национального хореографического искусства в XX веке» (Бурнаев А. Г., Каргина М. И., 2000). Выпуск издания стал возможным при финансовой поддержке гранта РГНФ (Проект № 00-04-00283; регио-

нальный конкурс). Публикация содержит справочный материал с кратким изложением основных положений тематического плана занятий. Для работы с танцевальными текстами читателям предлагаются разделы об особенностях пластической выразительности традиционного мордовского танца, этнонациональных тенденциях в хореографическом искусстве, о современных направлениях мордовского танца: от народносценического танца к фольклу.

Издательская деятельность в начале XXI в., выпуск новой литературы о мордовском танце в издающих организациях Мордовии и за ее пределами определяют дальнейшие цели и задачи исследования.

Монография «Культура этноса, воплощенная в танце» (Бурнаев А. Г., 2002) содержит уникальный материал о танцевальной культуре мордвы. В ней рассматриваются некоторые аспекты синтеза танцевального искусства XX в., поднимаются проблемы сценической деформации мордовского танца в начале XXI в., предполагаются фундаментальные и радикальные перемены в современном хореографическом балетном искусстве Мордовии.

Учебное пособие «Мордовский танец» (Бурнаев А. Г., 2002) для учебных заведений культуры и искусства рекомендовано УМО по образованию в области народного художественного творчества, социально-культурной деятельности и информационных ресурсов Министерства культуры РФ. В нем содержится три раздела: история, методика, практика. В первом рассматриваются теоретические вопросы истории развития пластики этнического танца мордвы. Во втором представлена методика реконструкции мордовского танца, а также особенности его создания и основы современного преподавания национального танца. В третьем разделе предлагается практикум, который состоит из описания эрзянского и мокшанского танца с приложением дви-

жений, графических рисунков, схем этнических танцев, а также эскизов костюмов, музыкального нотного материала. Данная книга предназначена для современных педагогов-хореографов. В начале XXI в. она становится фундаментом национального хореографического образования в учебных заведениях Мордовии. На конкурсе печатной продукции 2002–2003 гг., проведенном в Мордовском государственном университете, издание было награждено дипломом «Лучшее учебное пособие в гуманитарной сфере».

Таким образом, в начале XXI в. интенсивный процесс издательской деятельности обеспечил фиксацию этапов развития национального танцевального творчества мордвы, а профессионализация мордовского народного танца с его этническим своеобразием не только повлияла на художественную стилистику сценического танца, но и способствовала успешной интерпретации первоосновы танца в образовательной сфере.

Выход другой печатной продукции был продиктован развитием детского танцевального творчества, связан с игровым мордовским танцем и стал дополнением к процессу эстетического развития детей на занятиях по народной хореографии. Книга «Серебряные цепочки» (Брыжинский В. С., 2004) вышла на двух языках: эрзянском и русском. В книге в одну цепочку нанизаны разнообразные произведения художественного творчества эрзян и мокшан, представлены детские танцевальные игры, хороводы, песни, фольклорный театр, многочисленные элементы мордовской народной хореографии. Публикация предназначена для руководителей детских фольклорных коллективов, учителей школ, педагогов дополнительного образования, преподавателей учебных заведений культуры, искусства.

Монография «Культурная модель мордовского танца» (Бурнаев А. Г., 2007) предназначена для широкого круга читателей,

специалистов в области культуры, искусства, историков, искусствоведов, культурологов, преподавателей гуманитарных специальностей, а также аспирантов и студентов, интересующихся историей родного края. В книге рассматриваются теоретические аспекты и философские основания танца, особенности его языка, морфологии, а также методологические основы изучения национально-этнической хореографии мордвы. Поднимаются вопросы трансформации мордовского танца, моделирования национальных парадигм народного сценического и этнического танцев в балетном искусстве Мордовии.

Книга «Мордовский танец: теория, методика, практика» (Бурнаев А. Г., 2008) стала первым опытом работы автора над созданием электронного учебника (номер государственной регистрации № 0320702802, регистрационное свидетельство № 12218). Она предназначена для современного образовательного процесса в учебных заведениях культуры и искусства Мордовии. Электронное издание на DVD-диске, подготовленное на основе переработанного печатного издания «Мордовский танец» с добавлением видео- и аудиоматериалов, музыки этнических танцев мордвы-эрзи и мордвы-мокши, позволяет хореографу организовать ускоренный процесс изучения материала благодаря возможности наглядного представления основных элементов, движений, жестов, мимики, пластики и другого инструментария. Мультимедийное обучающее электронное издание, которое хранится в Российской национальной библиотеке, в дальнейшем окажет неоценимую помощь в популяризации мордовского народного танца не только в России, но и за ее пределами.

Совершенствование сценических практик, хранение мордовского материала танца на видео- и аудионосителях, выпуск научной, учебной литературы, появление электронных

изданий – все эти факты в первой четверти XXI в. подкрепляют установленный порядок развития современного национального образования в Мордовии.

Учебное пособие «История хореографического искусства Мордовии» (Бурнаев А. Г., 2009) рекомендовано УМО высших учебных заведений Российской Федерации по образованию в области народной художественной культуры, социально-культурной деятельности и информационных ресурсов для обучающихся по специальности «Народное художественное творчество». В книге приводится исторический материал о возникновении, зарождении, становлении и развитии классического искусства хореографии в Мордовии. Рассматриваются поэтапно исторические аспекты внедрения национальной мордовской хореографии в профессиональную сценическую практику. Обобщается танцевальный материал и представляется хореографический опыт реализации национальной темы в балетном искусстве Мордовии. Книга адресована преподавателям гуманитарных специальностей, историкам, искусствоведам, культурологам, специалистам культуры и искусства, студентам и аспирантам. На V международном конкурсе «Университетская книга – 2010» (организатор Издательский дом «Университетская книга», г. Москва) она стала лауреатом в номинации «Лучшее учебное пособие по искусству и дизайну».

Монография «Танцевально-пластическая культура мордвы (опыт искусствоведческого анализа)» (Бурнаев А. Г., 2012) на международном конкурсе «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2013», организованном Межрегиональным центром инновационных технологий в образовании (г. Москва), принесла автору диплом лауреата.

Необходимо отметить, что с тем же названием в том же году вышел автореферат диссертации автора на соискание ученой степени доктора искусствове-

дения. В одноименных научных изданиях представлены классификация народного этнического танца, система пластического языка, типология танцевального искусства, история, этносреда и функционирование мордовского танца от досценической формы к сценическому искусству. Издания не только помогают сохранять традиционный мордовский танец, но и определяют дальнейшие пути его развития.

Книга «Мордовский танец в контексте финно-угорской танцевальной культуры» (Бурнаев А. Г., 2014) в формате монографии предназначена для специалистов в области культуры и искусства, историков, искусствоведов, культурологов, преподавателей гуманитарных специальностей, аспирантов и студентов. В монографии рассматриваются вопросы трансляции финно-угорского и мордовского народного танца, приводится терминология танцевальных движений, дается система пластического языка мордвы-мокши Zubovo-Полянского района Мордовии, приводятся примеры функционирования мордовского танца в балетном искусстве Мордовии.

Издание любой книги о мордовском танце – огромный и значительный исследовательский труд. Содержательная информация об этническом танце мордвы-эрзи и мордвы-мокши в публикациях подчеркивает их уникальность. Присущие изданиям XX в. многоликость и многогранность авторских практик, научных исследований, методических приемов подтверждают тот факт, что в национальных, этнических

оттенках пластики народного мордовского танца отражаются традиции, обычаи, общая история и быт мордвы. Сегодня эти книги из-за малого тиража являются редкими и уникальными, но они вписываются в российскую танцевальную культуру как феномен XX в. и пользуются большим вниманием исследователей.

Специфика книг, изданных в XXI в., заключается в эксклюзивности и уникальности записи этнического танца мордвы-эрзи и мордвы-мокши. Особого внимания заслуживают информационная насыщенность структурных разделов библиографическим контекстом, художественное оформление обложек, обилие значимых фотографий, рисунков, схем и таблиц в текстах, а также приложения с архивными материалами.

Таким образом, облик мордовского народного танца может восприниматься нами через письменный текст. Важную роль играет носитель эксклюзивной информации, т. е. книга, которую характеризуют концептуальный аспект историко-теоретических частей с практиками мордовского народного и сценического танца, с приложением нотного материала, схем, графиков, таблиц и рисунков. Поворот к исследовательскому анализу печатных изданий предполагает признание их научной ценности и правдивости авторского опыта репрезентации. Рекламная направленность книг о мордовском танце позволяет лучше понять процессы и смыслы происходящего в культуре Мордовии в настоящее время.

Александр Гаврилович Бурнаев –

доктор искусствоведения, профессор кафедры театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, burnaevag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2295-9699>

Alexander G. Burnaev –

Doctor of Arts, Professor, Department of Theater Arts and Folk Art Culture, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, burnaevag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2295-9699>

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

5.6. Исторические науки – 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9. Филологические науки – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

5.10. Культурология и искусствоведение – 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

5.6. History – 5.6.1. National history; 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography; 5.6.7. History of international relations and foreign policy;

5.9. Philology – 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6. Languages of the peoples of other countries (Finno-Ugric and Samoyedic); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics;

5.10. Cultural studies and art history – 5.10.1. Theory and history of culture, art.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:
Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*
Корректор *Е. В. Савойская*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

*На обложке: 1-я стр. – рисунок Ф. Солнцева
«Карелка Петрозаводской губернии в русском венчальном костюме», 1866 г.;*

*4-я стр. – творческая работа М. Пяткиной
«Мордовский женский костюм Пензенской области», реконструкция. Вышивка, 2016*

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:
N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*
Layout design *L. V. Kalachina*
Correction by *E. V. Savoiskaia*
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

*On the cover: page 1 – “Karelian woman of Petrozavodsk province
in a Russian wedding suit”, 1866 by F. Solncev;*

*page 4 – creative work by A. Piatkina “Mordovian women’s costume
of the Penza oblast”, reconstruction. Embroidery, 2014*